Федеральное государственное научно-исследовательское учреждение
«Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации»

На правах рукописи

Смирнов Владимир Евгеньевич

ГАРАНТИИ ПРАВ ЛИЧНОСТИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:
доктор юридических наук
профессор
О.А. Зайцев

Москва – 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 4

Глава I. СОДЕРЖАНИЕ И СИСТЕМА ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ГАРАНТИЙ ПРАВ ЛИЧНОСТИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ.....20

§ 1. Содержание гарантий как необходимого элемента правового положения личности в сфере уголовного судопроизводства…….....20

§ 2. Формирование системы гарантий обеспечения прав личности при применении цифровых технологий в ходе производства по уголовному делу.....48

Глава II. ГАРАНТИИ ПРАВ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ПРОЦЕССА ДОКАЗЫВАНИЯ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ 78

§ 1. Программно-аппаратное извлечение электронной доказательственной информации в контексте обеспечения неприкосновенности частной жизни.....78

§ 2. Обеспечение состязательности сторон при применении цифровых средств визуализации……105

Глава III. ГАРАНТИИ ПРАВ ЛИЧНОСТИ ПРИ ПРИМЕНЕНИИ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ХОДЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ.....129

§ 1. Процессуальные особенности доступа к заблокированным электронным устройствам в ходе производства по уголовному делу……...129

§ 2. Средства и условия наложения ареста на криптовалюту в уголовном судопроизводстве.....160

§ 3. Допустимость использования систем с элементами искусственного интеллекта при принятии процессуальных решений в уголовном судопроизводстве 187

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....213

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ ……...218

ПРИЛОЖЕНИЕ ……....268

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Назначением российского уголовного судопроизводства является защита прав лиц, потерпевших от преступлений, а также личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения её прав и свобод. Реализации данного положения во многом способствуют уголовно-процессуальные гарантии, установленные законом в виде системы средств и способов, направленных на обеспечение прав личности.

Стремительное совершенствование цифровых технологий повлияло на развитие отечественного уголовно-процессуального законодательства. Так, только за последние годы в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [1] были внесены многочисленные новеллы в части правового регулирования сферы уголовного судопроизводства с учётом современных технологий. В частности, на законодательном уровне скорректирован порядок использования электронных документов [2]; дифференцированы особенности трансляции процесса, а также ведения видео- и аудиозаписи в зависимости от этапа производства по делу [3]; предусмотрена возможность проведения отдельных следственных действий посредством систем видео-конференц-связи, иных информационных технологий [4], свиданий с адвокатом-защитником в

[1] Далее – УПК РФ.

[2] См.: О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 29 дек. 2022 г. № 610-ФЗ // Рос. газета. Федеральный выпуск. 2023. 10 января. № 2 (8947).

[3] См.: О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Фед. закон от 28 марта 2017 г. № 46-ФЗ // Свод законов Российской Федерации. 2017. № 14, ст. 2009; О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Фед. закон от 29 июля 2018 г. № 228-ФЗ // Свод законов Российской Федерации. 2018. № 31, ст. 4817.

[4] См.: О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности: Фед. закон от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ // Свод законов Российской Федерации. 2016. № 28, ст. 4559; О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 30 дек. 2021 г. № 501-ФЗ // Рос. газета. 2022. 11 янв.

дистанционном формате[5], направления ходатайств и заявлений в электронной форме на этапе досудебного производства, а также получения цифровых копий процессуальных документов, в частности обвинительного заключения[6].

В настоящее время доктрина уголовно-процессуального права и законодательство содержат различные подходы относительно дальнейших возможностей внедрения современных цифровых технологий в судопроизводство, появления новых рисков и угроз, связанных с указанными технологиями, а также их влияния на обеспеченность прав и законных интересов субъектов уголовно-процессуальных отношений. При этом совершенствование гарантий прав и законных интересов личности носит характер реакции на опережающее развитие цифровых технологий. В свою очередь данное обстоятельство порождает проблемы у правоприменителя в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства, поскольку лица, вовлечённые в сферу уголовного судопроизводства, не всегда имеют возможность получить действенные гарантии защиты их прав и свобод, в силу неурегулированности данной сферы в законодательстве и правоприменительной практике. Ввиду наибольшей выраженности процессов цифровизации в таких сферах уголовно-процессуальной деятельности, как процесс доказывания и применение принуждения, именно в них получили наибольшую локализацию указанные правовые проблемы.

В условиях интенсивного внедрения цифровых технологий в производство по уголовному делу нуждаются в укреплении гарантии прав личности в ходе доказывания – важной составной части уголовно-процессуальной деятельности, в частности, связанной с применением программно-аппаратного извлечения электронной информации, использованием средств визуализации, а также с реализацией иных средств и

[5] См.: О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»: Федер. закон от 8 авг. 2024 г. № 267-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2024. № 33 (ч. I), ст. 4963.

[6] См.: О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 25 дек.2023 г. № 672-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2024. № 1 (ч. I), ст. 53.

методов в ходе проведения следственных и судебных действий по уголовному делу.

Кроме того, возникает необходимость в поиске новых научно обоснованных средств и способов защиты прав личности при применении цифровых технологий в рамках уголовно-процессуального принуждения должностными лицами и органами, осуществляющими судопроизводство, в отношении лиц, вовлечённых в производство по уголовному делу. Так, следует подвергнуть научному анализу гарантии прав личности от необоснованного и незаконного принуждения, связанного с получением доступа к заблокированным электронным устройствам и использованием систем с элементами искусственного интеллекта для обоснования принудительных мер, а также гарантии от несоразмерного ограничения имущественных прав граждан при наложении ареста на цифровые финансовые инструменты.

Таким образом, необходимость разрешения указанных и иных проблем, связанных с совершенствованием гарантий прав личности в уголовном судопроизводстве в условиях происходящих процессов применения цифровых технологий, свидетельствует об актуальности темы исследования и требует их надлежащей комплексной теоретической разработки.

Степень научной разработанности темы исследования. В отечественном научном сообществе цифровизация уголовного судопроизводства остаётся одной из магистральных тем. Те или иные её аспекты в своих работах затрагивали такие учёные, как О.И. Андреева, Л.А. Воскобитова, Ю.В. Гаврилин, Х.И. Гаджиев, Н.А. Голованова, Л.В. Головко, А.А. Гравина, А.В. Гриненко, А.Ю. Епихин, А.И. Зазулин, О.А. Зайцев, Н.А. Зигура, С.В. Зуев, К.В. Камчатов, С.И. Кувычков, И.И. Кучеров, О.С. Кучин, О.А. Малышева, Л.Н. Масленникова, М.О. Медведева, Д.В. Овсянников, Р.И. Оконенко, П.С. Пастухов, Д.А. Печегин, А.В. Победкин, М.С. Сергеев, Т.А. Топилина, Т.В. Трубникова, И.Б. Тутынин, О.В. Химичева, В.С. Черкасов, М.А. Юркевич и другие.

Кроме того, вопросы цифровизации получили разработку и в формате докторских диссертаций. Так, модернизации процесса доказывания в ходе производства по уголовному делу посвятил своё исследование П.С. Пастухов (2015), сформулировавший, по сути, новую доказательственную парадигму, характеризующуюся большей свободой и отходом от строгих требований процессуальной формы, повышающую возможности использования электронной информации в процессе доказывания в уголовном судопроизводстве. С точки зрения правозащитной сферы примечательна диссертация А.Ю. Чуриковой (2025), в которой была разработана риск-ориентированная концепция использования информационных технологий и систем в уголовном процессе, позволяющая оценивать перспективы их внедрения с учётом необходимости защиты прав и свобод личности.

Вопросы цифровизации процесса доказывания в уголовном судопроизводстве получили разработку в ряде кандидатских диссертаций. Так, использованию цифровых технологий в процессе доказывания посвятила своё исследование М.А. Юркевич (2021), предлагающая более широкое использование видеомоделирования в уголовном судопроизводстве для визуальной демонстрации суду и присяжным заседателям совокупности доказательственной информации в «облегчённой для восприятия» форме. Регулирование процедуры извлечения информации с электронных носителей данных и последующее её использование в процессе доказывания по уголовному делу были предметом рассмотрения М.С. Сергеева (2018) и А.А. Болашовой (2020). Кроме того, достойно упоминания в данном контексте исследование Д.В. Овсянникова (2015), разработавшего для изъятия цифровых данных с внешнего носителя новое следственное действие — копирование электронной информации. Также использованию компьютерных технологий и электронной информации в процессе доказывания по уголовному делу посвятили свои работы Н.А. Зигура (2010), А.И. Зазулин (2018), М.С. Сергеев (2018), О.А. Решняк (2020), В.С. Черкасов (2022) и Х.Х. Рамалданов (2024), Ю.А. Телевицкая (2024).

Не остался без научного осмысления и сравнительно-правовой контекст цифровизации уголовного судопроизводства. Так, он стал темой изысканий Р.И. Оконенко (2016), рассмотревшего статус электронных доказательств в уголовном процессе России и США.

Проблемам гарантий прав на доступ к правосудию в цифровую эпоху посвятила свою кандидатскую диссертацию и Т.А. Топилина (2021), которая, в частности, разработала модель дистанционной подачи заявления о совершении преступления посредством специального сервиса. Перспективы внедрения электронного уголовного дела, позволяющего защите напрямую добавлять в него электронную доказательственную информацию для обоснования своей позиции, рассмотрел в своём диссертационном исследовании М.Б. Набатов (2024).

Однако несмотря на значительное количество исследований, правозащитный аспект научных изысканий в сфере цифровизации уголовного судопроизводства сконцентрирован в большинстве случаев на развитии электронных форм взаимодействия лиц, участвующих в производстве по уголовному делу, при этом вопросы доказывания и применения мер принуждения остаются без должной разработки.

В связи с изложенным, ввиду недостаточности доктринального осмысления гарантий прав личности, связанных с процессом уголовно-процессуального доказывания, а также применения принуждения при производстве по уголовному делу в условиях цифровизации требуются исследования, способствующие получению нового научного знания в указанной сфере.

Объектом диссертационного исследования являются общественные отношения, возникающие в сфере уголовного судопроизводства в связи с реализацией гарантий прав личности в условиях развития цифровых технологий.

Предметом диссертационного исследования является совокупность уголовно-процессуальных норм российского и зарубежного законодательства,

регламентирующих гарантии прав личности, вовлечённой в орбиту уголовного судопроизводства, отечественная и иностранная судебная практика по вопросам применения названных норм; аналитические данные (результаты опросов правоприменителей) по исследуемой теме, а также научные исследования, в которых раскрываются вопросы цифровизации уголовного судопроизводства в контексте защиты прав его участников.

Цель диссертационного исследования заключается в разработке теоретических положений и научно обоснованных рекомендаций, направленных на совершенствование деятельности органов предварительного расследования и суда для нивелирования угроз правам, свободам и законным интересам личности в уголовном судопроизводстве в условиях цифровизации.

Сообразно цели диссертационного исследования сформулированы его **задачи:**

определить объём категории «уголовно-процессуальных гарантий», её места в структуре правового положения личности в уголовном судопроизводстве и взаимосвязь с отдельными его элементами;

разработать основание для классификации уголовно-процессуальных гарантий прав личности в условиях цифровизации, рассмотреть их сформировавшиеся и перспективные группы;

выявить потенциальные угрозы для неприкосновенности частной жизни человека, возникающие от применения новых методов собирания электронной доказательственной информации по уголовному делу;

определить влияние современных технологий на баланс доказательственных возможностей сторон защиты и обвинения;

сформулировать научно обоснованные предложения по совершенствованию гарантий прав личности от необоснованного вторжения в сферу её приватности, а также обеспечению возможности использования стороной защиты цифровых технологий в процессе доказывания по уголовному делу;

систематизировать опыт применения программ с элементами искусственного интеллекта [7] для обоснования уголовно-процессуального принуждения;

исследовать особенности ареста цифрового имущества в правозащитном разрезе;

сформулировать предложения по совершенствованию гарантий прав личности от необоснованного принуждения в условиях применения цифровых технологий;

обосновать предложения по трансформации принуждения в стимулирование в исследуемом контексте.

Методологическую основу исследования составили общенаучные методы, такие как диалектический, анализ, синтез, аналогия, сравнение, систематизация, классификация, индукция, дедукция, абстрагирование, конкретизация, метод историзма и т.д., а также специальные отраслевые методы.

Среди последних в работе использованы: правовой анализ, сравнительно-правовой метод, социологический, статистический и другие.

Диалектический метод позволил рассмотреть закономерности формирования уголовно-процессуальных гарантий через призму диалектической триады, а также определить степень разработанности комплексных уголовно-процессуальных гарантий прав личности, используя категорию «мера».

Одним из основополагающих для настоящего исследования методов является абстрагирование, при помощи которого удалось избежать излишнего внимания к аспектам цифровизации уголовного судопроизводства, не связанным с гарантиями прав личности.

С помощью общенаучных методов осуществлён переход от частных примеров нарушения прав личности к их комплексному рассмотрению, что

[7] Далее – ИИ.

позволило сформулировать научно обоснованные предложения по каждому из выявленных проблемных вопросов.

В результате применения методов систематизации и классификации выявлено основание распределения гарантий прав личности в уголовном судопроизводстве на группы, объединённые в рамках единой системы, обеспечивающей правовое положение личности в условиях цифровизации.

Метод историзма позволил проследить генезис и цифровую трансформацию некоторых критически важных для целей настоящей работы правовых институтов, таких как привилегия против самоизобличения.

В результате правового анализа выявлены объёмы правового регулирования цифровой сферы доказывания и принуждения по уголовному делу, а также система норм, обеспечивающих права и законные интересы участников уголовного судопроизводства. Кроме того, анализ отечественных и зарубежных судебной и правоприменительной практик, а также доктринальных источников, позволил конкретизировать свои предложения посредством общенаучных методов.

Сравнительно-правовой метод обеспечил возможность выявить плюсы и минусы регулирования сходных институтов в отечественных и зарубежных правопорядках, а также обозначить перспективы цифровизации уголовно-процессуального принуждения на обозримый период.

Реализуя социологический метод, выяснено мнение действующих правоприменителей: судей, прокуроров и адвокатов — относительно существующих проблем в части наличия угроз правам, свободам и законным интересам личности в процессе доказывания и применения мер процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве в условиях цифровизации, и возможных путей их решения.

Теоретическую основу составили диссертационные исследования, как докторского, так и кандидатского уровня, охватывающие различные аспекты исследуемой сферы деятельности, труды учёных по общей теории права, уголовно-процессуальному праву, а также по ряду смежных областей, в

частности уголовному праву, криминалистике, криминологии, уголовно-исполнительному праву, доктринальные источники других правовых отраслей, среди которых: конституционное, международное, арбитражное процессуальное, гражданское право.

Нормативной базой исследования являются Конституция Российской Федерации, международно-правовые акты, правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации, уголовное и уголовно-процессуальное законодательство, а также иные российские и зарубежные законы и подзаконные акты в исследуемой сфере.

Эмпирической базой исследования послужили результаты опроса 160 практических работников, специализирующихся на уголовном судопроизводстве, среди которых 70 прокуроров, 60 судей и 30 адвокатов. Сбор эмпирического материала осуществлялся в период с 2023 по 2025 год в г. Москве, Калининградской, Московской, Нижегородской и Томской областях.

Исследовано более 300 судебных решений отечественных и иностранных судов различного уровня в рамках изучаемой и смежной с ней сфер.

Научная новизна исследования заключается в рассмотрении на диссертационном уровне цифровизации уголовного судопроизводства в правозащитном контексте, разработке теоретических положений и научно обоснованных рекомендаций, направленных на совершенствование деятельности органов предварительного расследования и суда по обеспечению прав, свобод и законных интересов личности и нивелирование угрозы их незаконного и необоснованного ограничения.

На основе проведённого автором системного исследования особенностей уголовного судопроизводства с использованием цифровых технологий в диссертации:

предложена классификация уголовно-процессуальных гарантий, формирующихся в условиях цифровизации, по основанию принадлежности к принципам уголовного судопроизводства;

обоснованы критерии допуска результатов использования средств визуализации в процесс доказывания по уголовному делу с изъятиями для стороны защиты;

предложены дополнительные гарантии обеспечения законного интереса гражданина не подвергаться необоснованному и незаконному уголовно-процессуальному принуждению к разблокированию собственного электронного устройства;

сформулированы стандарты допустимости результатов работы программ с элементами искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве для обоснования принудительных мер;

сделан вывод о целесообразности применения мер, направленных на стимулирование владельца цифровых финансовых инструментов к сотрудничеству в случае возможного наложения ареста на имущество в ходе производства по уголовному делу;

предложены научно обоснованные рекомендации методического характера, направленные на развитие гарантий обеспечения прав личности при производстве по уголовному делу в условиях цифровизации процесса доказывания и применения уголовно-процессуального принуждения;

обоснованы предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства в части судебного санкционирования извлечения и осмотра информации с электронных устройств, а также продажи и конвертации цифровых финансовых инструментов, на которые наложен арест в ходе производства по уголовному делу.

Новизна результатов исследования детерминируется **положениями, выносимыми на защиту:**

1. Гарантии прав личности в уголовном судопроизводстве формируются посредством легитимации объективно существующих законных интересов, базирующихся на принципах уголовного судопроизводства, в связи с чем их можно классифицировать по основанию принадлежности законных интересов личности, обеспечиваемых ими, к конкретным уголовно-процессуальным

принципам. Выявлена сформированная группа гарантий, составляющих в своей совокупности «дистанционный порядок производства по уголовному делу», обеспечивающих связанные с применением цифровых технологий в уголовном процессе законные интересы граждан, основанные на принципах права на доступ к правосудию, обеспечения права на защиту, безопасности личности при производстве по уголовному делу, равноправия сторон и осуществления уголовного судопроизводства в разумный срок. Определены перспективные направления формирования групп гарантий, обеспечивающих: а) законный интерес лица сохранить конфиденциальность личной электронной информации, основанный на принципе неприкосновенности частной жизни; б) законный интерес лица не подвергаться незаконному и необоснованному уголовно-процессуальному принуждению, связанному с вовлечением цифровых технологий в процесс производства по уголовному делу; в) основанный на принципах состязательности и равноправия сторон уголовного процесса законный интерес предоставлять доказательства своей позиции и оспаривать доказательства процессуального оппонента с использованием цифровых технологий.

2. Предложены условия, при которых суд может разрешать демонстрацию в судебном заседании и приобщение к материалам уголовного дела цифровых визуальных моделей, иллюстрирующих позиции сторон и содержание отдельных доказательств и их взаимосвязей, а именно: а) точное соответствие отображаемым материалам уголовного дела; б) представление применяющей цифровые визуальные средства стороной отчёта о ходе создания наглядного материала и предупреждение присяжных о его производном доказательственном значении в случае рассмотрения дела с их участием; в) предоставление времени противоположной стороне для создания собственной визуальной «контрмодели» или мотивированной позиции о несоответствии результата работы цифровых программ материалам уголовного дела или существенных технических ошибках, допущенных при их создании, искажающих суть демонстрируемого события/явления. Для

благоприятствования защите в указанной сфере и формирования дополнительной гарантии основанного на принципе состязательности и равноправия сторон в уголовном судопроизводстве законного интереса представлять наглядную иллюстрацию своей позиции по делу, обоснована необходимость не предъявлять стороне защиты требования использования сертифицированного программного обеспечения и привлечения лица с профильным образованием при применении цифровых средств визуализации.

3. Разработаны гарантии законного интереса гражданина не подвергаться необоснованному и незаконному уголовно-процессуальному принуждению к разблокированию собственного электронного устройства, а именно: а) обязательное включение условия о выдаче пароля в досудебное соглашение о сотрудничестве в случае значимости содержащейся на нём информации для раскрытия и расследования преступлений, изобличения лиц, вовлечённых в преступную деятельность и обнаружения имущества, полученного в результате преступления, безотносительно возможности самостоятельного её получения правоохранительными органами; б) исключение любых форм принуждения к разблокированию электронного устройства посредством сканирования биометрических характеристик.

4. Для совершенствования гарантий прав личности от незаконного применения к ней мер уголовно-процессуального принуждения сформулированы актуальный и перспективный стандарты допустимости использования результатов работы программ с элементами искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве для обоснования принудительных мер, подлежащие внедрению в уголовно-процессуальную деятельность. В качестве стандарта, актуального существующей практике использования искусственного интеллекта для указанных целей, определено, что таковое возможно исключительно при: а) наличии иных данных, помимо сигналов таких программ, свидетельствующих об обоснованности подозрения в отношении гражданина; б) принятии окончательного решения человеком на основе всех известных ему обстоятельств дела. В качестве перспективного

стандарта, подлежащего применению при более широком внедрении искусственного интеллекта в сферу уголовно-процессуального принуждения, установлено, что защите должна обеспечиваться реальная возможность представить свои возражения относительности достоверности использованных для указанных целей результатов работы соответствующих программ, для чего необходимо обеспечивать возможность её доступа к первичной информации, подвергшейся программной обработке, «обучающему набору данных», на основе которого происходила калибровка системы в процессе машинного обучения, а также ограниченной версии программы, позволяющей уяснить общие принципы её работы.

5. Вывод о целесообразности применения мер, направленных на стимулирование владельца цифровых финансовых инструментов к сотрудничеству в случае возможного наложения на них ареста в ходе производства по уголовному делу для установления гарантий от необоснованного ограничения его имущественных прав. Разработаны предложения, направленные на установление возможности рассмотрения добровольной выдачи цифровых финансовых инструментов в качестве элемента досудебного соглашения о сотрудничестве, заключаемого в порядке главы 40^1 УПК РФ, во всех случаях, когда они подлежат аресту по основаниям ч. 1 ст. 115 УПК РФ.

6. Предложены научно обоснованные рекомендации методического характера, направленные на совершенствование гарантий прав личности при производстве по делу в условиях цифровизации, заключающиеся в: а) предпочтительности наложения ареста на цифровые финансовые инструменты без предварительного перевода в фиатный эквивалент; б) обязательности фиксации всего процесса использования программно-аппаратных комплексов для извлечения компьютерных данных, равно как и всех этапов взаимодействия с извлекаемой электронной информацией, с последующим приобщением фототаблицы к протоколу следственного действия; в) проведении при рассмотрении дела коллегией присяжных

заседателей предварительной проверки соответствия визуальных моделей сформулированным диссертантом условиям их демонстрации и приобщения к материалам уголовного дела в отдельном заседании с участием сторон и председательствующего; г) возможности использования для разблокирования цифровых устройств с биометрическими средствами защиты электронной информации свободных образцов биометрических характеристик, существующих помимо воли их владельцев.

7. Разработаны предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства в части:

- внесения изменений в ст. 29, 164, 165 и 177 УПК РФ, предусматривающих обязательное получение судебного решения для извлечения и осмотра данных с изъятых электронных устройств, функциональные возможности которых позволяют принимать и передавать информацию посредством сетей электросвязи;

- закрепления процессуальной возможности обращения владельца арестованных в рамках производства по уголовному делу цифровых финансовых инструментов к лицу, в чьём производстве находится уголовное дело, с ходатайством об их контролируемой продаже или конвертации в цифровые финансовые инструменты иного вида в случае наличия объективных опасений утраты арестованным имуществом своих «ценностных свойств», с обязательным учётом мнения специалиста.

Теоретическая значимость результатов исследования заключается в разработанных теоретических положениях, направленных на совершенствование уголовно-процессуальных гарантий прав личности, вовлечённой в сферу правосудия, в условиях применения цифровых технологий.

Применительно к проблематике исследования предложены процессуальные механизмы защиты прав личности в ходе доказывания по уголовному делу, а также в результате применения уголовно-процессуального принуждения.

Полученные результаты могут быть использованы в последующих исследованиях проблем, связанных с защитой прав лиц, потерпевших от преступлений, а также личности от незаконного и необоснованного обвинения и осуждения, ограничения её прав и свобод.

Практическая значимость результатов исследования заключается в формировании теоретических положений и выводов, а также выработанных на их основе научно обоснованных рекомендаций, содержащих процессуальные гарантии прав личности в условиях цифровизации уголовного судопроизводства, которые могут быть использованы: а) при разработке законодательства; б) в правоприменительной деятельности; в) в образовательном процессе.

Обоснованность и достоверность результатов исследования обеспечена использованием избранной методологии в системной взаимосвязи, изучением значительного объёма научных трудов как отечественных, так и зарубежных авторов, анализом обширной судебной практики, подтверждающей целесообразность вносимых диссертантом предложений, а также результатами анкетирования правоприменителей.

Апробация и внедрение результатов работы. Диссертация выполнена в центре уголовного и уголовно-процессуального законодательства Федерального государственного научно-исследовательского учреждения «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации», где она прошла рецензирование.

В ходе подготовки диссертационного исследования основные идеи каждой его структурной части, равно как и положения, выносимые на защиту, публиковались в периодических изданиях. Так, автор имеет шесть опубликованных научных статей, пять из которых размещены в рецензируемых научных журналах, входящих в перечень Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (из них одна в соавторстве), в том числе одна – в научном журнале, входящем в

международные базы данных и системы цитирования Web of Science (в соавторстве).

Кроме того, указанные научные разработки получали апробацию посредством участия диссертанта в 10 научно-практических конференциях как всероссийского, так и международного уровня в период с 2022 по 2025 год в следующих регионах: г. Москва, Томская область и Республика Татарстан.

Основные положения и выводы исследования внедрены в учебный процесс и научно-исследовательскую деятельность кафедры уголовного и уголовно-процессуального права и правоохранительной деятельности Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации и кафедры уголовно-процессуального права имени Н.В. Радутной Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева, а также в правоприменительную деятельность адвокатов Адвокатской палаты города Москвы.

Структура работы подчинена её цели и задачам и состоит из введения, трёх глав, разбитых на 7 параграфов, заключения, списка использованных источников и приложения.

Глава I. СОДЕРЖАНИЕ И СИСТЕМА ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ГАРАНТИЙ ПРАВ ЛИЧНОСТИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ.

§ 1. Содержание гарантий как необходимого элемента правового положения личности в сфере уголовного судопроизводства.

Вопросы законодательного закрепления и создания эффективных механизмов претворения в жизнь гарантий прав личности в уголовном судопроизводстве являются актуальной темой научного осмысления. Предваряя основную тему исследования, целесообразно остановиться на более подробном определении содержания тех правовых категорий и терминов, через призму которых будут рассмотрены вопросы цифровизации уголовного судопроизводства, в частности, следует установить: кому, что и каким образом обеспечивается.

С учётом этого, в рамках настоящего параграфа предполагается исследовать: субъект – носитель гарантий в уголовном судопроизводстве, его правовые свойства, как объекта обеспечительной деятельности, а также непосредственно гарантии, их структуру и место в правовом положении личности.

Анализируя отечественный опыт легального закрепления субъекта гарантий, нетрудно заметить, что основными понятиями для этой цели являются «человек», «гражданин», «личность».

Так, в Конституции Российской Федерации [8] наблюдается сосуществование данных терминов. В частности, наглядным примером служит статья 64, в соответствии с которой положения второй главы Основного закона составляют основы правового статуса «личности», при этом глава, к которой отсылает указанное конституционное положение, озаглавлена: «Права и свободы человека и гражданина».

[8] Далее – Конституция, Основной закон.

В имеющей определяющее значение для настоящего исследования главе 2 УПК РФ в контексте охраны и обеспечения прав лиц, вовлечённых в орбиту уголовного судопроизводства, также применяются слова: человек[9], гражданин[10] и личность[11].

Более того, в отечественном доктринальном дискурсе вопросы гарантий правового статуса индивидуума при производстве по уголовному делу рассматриваются как через понятие «гражданин»[12], так и через термины «человек» и «личность»[13].

В связи с изложенным, для формулирования верного терминологического инструментария представляется необходимым определить соотношение указанных понятий и их применимость для целей исследования.

Содержательное наполнение «личности» варьируется в зависимости от сферы научного знания, через призму понятийного аппарата которого она рассматривается.

Не останавливаясь подробно на освещении философских подходов к определению личности, подчеркнём, что их анализ позволяет выделить ряд типологических особенностей, в отношении которых существует доктринальный консенсус. В частности, личность это: а) индивид (определённый человек); б) обладающий сознанием; в) проявляющий совокупность собственных сил, стремлений, потребностей, интересов, ценностей, характера, темперамента через взаимодействие с другими индивидуумами и обществом в целом[14].

---

[9] См. например, ст. 11 УПК РФ.
[10] См. например: ст. 13 УПК РФ.
[11] См. например: п. 2 ч. 1 ст. 6, ст. 9 и статью 10 Уголовно-процессуального кодекса РФ
[12] См. например: Мельников В.Ю. Обеспечение прав граждан в ходе досудебного производства. М., ИД «Юриспруденция». 2006. 586 с.
[13] См. например: Коомбаев А.А. Положение личности в уголовном судопроизводстве. М.: Юрлитинформ, 2015. 392 с.; Гришин Д.А. Правовой статус личности в условиях цифровизации уголовного судопроизводства. М.: Юрлитинформ, 2025. 128 с.
[14] См. например: Леонтьева А.Н. «Деятельность и личность». Психология личности. Т.2. Хрестоматия. Самара, 1999. 544 с.; Современный философский словарь. М. 1996. С. 556.; Философский энциклопедический словарь. М., 2007. С. 224.

Важно отметить, что вышеприведённые критерии личности являются её атрибутами и с точки зрения психологической науки[15].

При этом, как справедливо отметил А.А. Коомбаев, применительно к парадигме философского знания не каждого индивида возможно рассматривать в качестве личности, в силу того, что под ней понимается «наивысшая степень духовного развития человека, представляющая собой устойчивую совокупность социально значимых качеств, характеризующую индивида, как уникальную субъективность, способную осваивать и изменять мир»[16].

Направленность высших когнитивных функций индивида на постижение себя, внешнего мира и своего места в нём отмечал в качестве необходимого признака личности и Г. Гегель[17]. С данной позицией солидарны также и некоторые отечественные учёные, в частности, В.П. Ляшенко считает, что «личность» проявляется именно в практической деятельности человека[18].

Концептуальным отличием философского подхода от психологического является рассмотрение личности через призму её преобразовательной, направленной вовне деятельности, которая присуща не каждому индивиду, а лишь умственно и психологически зрелому, снабжённому определёнными ценностными ориентирами и жизненным опытом.

Такой критерий качества в философской доктрине означает что личность – есть высшая ступень развития индивида, характерная для взрослого, сформировавшегося человека, на что указывает, например, В.П. Тугаринов[19]. Социология, в свою очередь, синтезирует оба рассмотренных подхода, определяя личность как в контексте её деятельности, так и в качестве автономного индивида с уникальным психологическим портретом[20]. Философская и социологическая концепции «личности» были частично

[15] См. например: Зборовский Г.Е. Общая социология. М., 2004. С 434.
[16] Коомбаев А.А. Указ. Соч. С 7 – 8.
[17] См. подробнее: Ярошевский М.Г. История психологии от античности до середины XX в. М., 1996. 416 с.
[18] См.: Ляшенко В.П. Человек как личность. Философия: учебник / под ред. О.А. Митрошенкова. М., 2002. С. 550.
[19] См.: Тугаринов В.П. Личность и общество., М. 1965. С. 40.
[20] См. подробнее: Деришев Ю.В., Овчинников Ю.Г. Теоретические основы уголовно – процессуальных гарантий. Омск, 2012. 182 с.

интерпретированы некоторыми представителями юридической науки, что породило подход, согласно которому «недостаточно развитый индивид», как, например, малолетний ребёнок или душевнобольной, не способен быть деятельностным субъектом правоотношений, в связи с чем не может считаться личностью[21].

Такое усечённое понимание личности критикуется учёными-процессуалистами. В этом контексте примечательна позиция Ю.Г. Овчинникова, который отмечал принципиальную невозможность использования редуцированной философско-социологической концепции личности в уголовном судопроизводстве[22].

В своих последующих исследованиях Ю.Г. Овчинников совместно с Ю.В. Деришевым в противопоставление критикуемому подходу указали на недопустимость как для представителей научного сообщества, так и для правоприменителей определять личность через философско-социологические критерии, так как они противоречат принципу равенства всех перед законом и судом, гарантированному ст. 19 Конституции Российской Федерации, дифференцируя граждан по возрастным и психологическим признакам.

В качестве подтверждения своей позиции авторы отмечают наличие законодательных гарантий правового статуса лица, в отношении которого решается вопрос о применении принудительных мер медицинского характера в порядке главы 51 УПК РФ, которые могут быть ограничены лишь в исключительных случаях для обеспечения безопасности самого индивида и окружающих[23].

Схожей позиции придерживался и В.С. Шадрин, указывавший на то, что любой человек является личностью с точки зрения уголовно-процессуальных

---

[21] См. например: Матузов Н.И. Личность. Право. Демократия. Теоретические проблемы субъективного права. 1972. С. 69.; Барихин А.Б. Большой юридический энциклопедический словарь. М., 2003. С. 284.

[22] См.: Овчинников Ю.Г. Категория «личность» в уголовном процессе // Актуальные вопросы борьбы с преступностью в Сибирском регионе: сб. Материалов XIII Международной науч. - прак. Конференции. Красноярск, 2010. С. 131.

[23] См.: Деришев Ю.В., Овчинников Ю.Г. Указ. соч. С. 90 - 91.

отношений, постольку, поскольку его правоспособность имманентна ему вне зависимости от возраста или ментального состояния[24].

Подход В.С. Шадрина, придающий статус личности любому участнику уголовного судопроизводства, поддержали и развили и другие представители научного сообщества. В частности, в собственных исследованиях, затрагивающих вопрос понятия личности в уголовно-процессуальном контексте, подкрепляли аналогичные выводы ссылками на указанного учёного А.А. Коомбаев[25], В.Ю. Мельников[26], Ю.В. Деришев и Ю.Г. Овчинников[27].

Позиция данных учёных представляется нам наиболее взвешенной. Несмотря на то, что недееспособные граждане или малолетние дети лишены возможности проецировать свою волю вовне в рамках уголовно-процессуальных отношений для достижения какого-либо интереса, это не может умалять наличие у них правового статуса и необходимости обеспечения его гарантий.

Таким образом, следует заключить, что под личностью в её уголовно-процессуальном толковании понимается любое лицо, вовлечённое в орбиту уголовного судопроизводства. Равным образом не смотря на то, что «человек» с точки зрения философско-социологического подхода является лишь базовой стадией развития личности, контекст уголовного судопроизводства придаёт указанным понятиям синонимическое значение.

В этой связи, разделяем позицию В.Ю. Мельникова, который отмечал, что: «… в правовом аспекте понятия «личность» и «человек» отличаются друг от друга лишь как научные абстракции, причём проводимая между ними грань исключительно условна, ибо характеризует с разных сторон единый объект – человеческую личность, человека»[28].

В разрезе уголовного судопроизводства, по нашему убеждению, понятие «гражданин» по общему правилу будет тождественно вышеуказанным

[24] См.: Шадрин В.С. Обеспечение прав личности при расследовании преступлений. Волгоград, 1997. С. 6 - 7.
[25] См.: Коомбаев А.А. Указ. соч. С. 10.
[26] См.: Мельников В.Ю. Указ. соч. С. 32.
[27] См.: Деришев Ю.В., Овчинников Ю.Г. Указ. соч. С. 91.
[28] Мельников В.Ю. Указ. соч. С. 33.

абстракциям, представляя собой терминологическую вариацию, избранную законодателем для обозначения лица, вовлечённого в орбиту уголовного судопроизводства[29]. Например, несмотря на то, что ч. 1 ст. 13 УПК РФ требует судебного разрешения для ограничение права на тайну переговоров и переписки именно гражданина, вне всяких сомнений это правило применимо к любому человеку безотносительно его политико-правовой связи с Российской Федерацией. Иное значение указанный термин будет приобретать только при использовании для обозначения особенностей применения уголовно-процессуальных норм к иностранным гражданам и лицам без гражданства, например в ч. 3 ст. 96 УПК РФ.

Подводя итог сказанному, можно заключить, что использование в уголовном судопроизводстве понятий человек, личность и гражданин для обозначения субъекта – носителя гарантий имеет взаимозаменяемый и равнозначный характер.

Однако не для всех лиц, вовлечённых в уголовное судопроизводство, предусматриваются однородные гарантии. С одной стороны, действительно, гарантии в уголовно-процессуальной деятельности должны охватывать всех лиц, участвующих в производстве по уголовному делу[30]. С другой стороны, это не обязательно должны быть именно: «гарантии прав личности». В этой связи, их следует классифицировать по основанию преследуемого интереса, который, в свою очередь производен от процессуальных функций, выполняемых соответствующим лицом[31].

К первой группе можно отнести должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, в том числе: дознавателей, следователей, прокуроров, судей и т.д. В своей деятельности они преследуют публичный

[29] Позицию о содержательном совпадении трёх рассмотренных терминов поддерживается и в уголовно-процессуальной доктрине. См. например: Коомбаев А.А. С. 14.
[30] Правовые и организационно-технологические гарантии цифрового уголовного судопроизводства: монография /под ред . докт. юрид. наук Зуева С.В. М., 2025. С. 11 – 12.
[31] Там же. С. 16.

интерес, который побуждает их действовать исходя не из личной заинтересованности, а из стремления к общему благу[32].

В уголовном судопроизводстве такое благо определяется его назначением, установленным в ст. 6 УПК РФ. В частности, общественный и государственный интересы направлены на защиту прав и интересов лиц, потерпевших от преступления, путём использования процессуальных средств, направленных на достижение истины по уголовному делу, и охрану прав личности в уголовном судопроизводстве от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения её прав и свобод[33].

Притом, учитывая, что при производстве по уголовному делу интересы личности (например, желание обвиняемого избежать привлечения к уголовной ответственности) антагонизируются интересам общества и государства в раскрытии преступления и наказании виновного, перед лицом, стремящемся к достижению общественного блага, может вставать вопрос о приоритетности одной из указанных целей. В этой связи некоторые представители научного сообщества указывают на то, что обеспечение прав личности, в отношении которой осуществляется уголовное преследование, не должно препятствовать расследованию преступления, тем самым, очевидно, отдавая целеполагательный приоритет последнему[34].

Считаем, однако, что публичный интерес в уголовном судопроизводстве заключается не в противопоставлении, а в системном единстве целей раскрытия преступления, защиты и восстановления прав лиц, потерпевших от незаконной деятельности, личности от необоснованного ограничения её прав, свобод и законных интересов, что, в свою очередь, определяет вектор уголовно-

[32] См. подробнее: Деришев Ю.В., Овчинников Ю.Г. Указ. соч. С. 93.; Дуйшенбиев Т.А. Интересы в уголовном судопроизводстве (по материалам Кыргызской Республики и Российской Федерации): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. С. 16 - 17.

[33] См. например: Наумов К.А. Цели и задачи (назначение) уголовного процесса // Сибирское юридическое обозрение. 2020. №3.С. 386 – 393.

[34]См.: Нетрухин И.Л. О препятствиях на пути судебной реформы // Проблемы обеспечения прав участников процесса по новому Уголовно - процессуальному кодексу РФ: Материалы межрегиональной науч. - практ. Конференции / под. ред. С.А. Шейфера. Самара, 2003. С. 7-8.

процессуальной деятельности должностных лиц, осуществляющих производство по делу[35].

Равным образом публичным интересом руководствуются лица, выполняющие в уголовном процессе общественный (понятой) или профессиональный (эксперт, специалист) долг.

На основании изложенного можно резюмировать, что обеспечение деятельности правоохранительных органов и их должностных лиц, а также иных граждан, отстаивающих публичный интерес при производстве по уголовному делу, осуществляется посредством «гарантий правосудия» [36], характерной чертой которых будет направленность на реализацию предусмотренного ст. 6 УПК РФ назначения уголовного судопроизводства.

Среди таких гарантий принято выделять, например: возможность направления соответствующими органами и их должностными лицами в ходе производства по уголовному делу обязательных для исполнения запросов и поручений, а также применение мер государственного властного характера в целом и уголовно-процессуального принуждения в частности[37].

Таким образом, рассмотрение данной группы гарантий не будет являться предметом настоящего диссертационного исследования в виду того, что «гарантии прав личности» производны от интересов, не являющихся публичными.

В наиболее обобщённом виде «личный» интерес в уголовном судопроизводстве можно охарактеризовать в зависимости от процессуального положения субъекта, как потребность в защите от вторжения органов государственной власти и должностных лиц в частную сферу индивида[38], а

---

[35] Подробнее см.: Дашин А.В., Малин П.М., Пивень А.В. О понятии публичного законного интереса в уголовном судопроизводстве // Вестник Самарского юридического института. 2019. №4 (35). С. 40 - 44.; Спирин А.В. Публичный интерес в уголовном судопроизводстве // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. №1 (88). С. 91 - 104.; Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М., 1968. Т. 1. С. 57

[36] См. например: Капинус Н.И. Процессуальные гарантии прав личности при применении мер пресечения в уголовном процессе: монография. М., 2007. С. 127.; Деришев Ю.В., Овчинников Ю.Г. Указ. соч. С. 92 - 93.

[37] См. подробнее: Деришев Ю.В., Овчинников Ю.Г. Указ. соч. С. 65-66.

[38] См.: Коомбаев А.А. Указ. соч. С. 88.

также желание восстановления своих прав, которым причинён вред в результате преступления.

Из изложенного возможно заключить, что конструкция «гарантии прав личности» применима как к имеющим личный интерес участникам уголовного судопроизводства (например, обвиняемому, гражданскому истцу, потерпевшему), так и к лицам, не обладающим формализованным процессуальным статусом, в отношении которых осуществляются действия процессуального характера, ограничивающие их права и свободы. Совокупность указанных лиц представляет собой вторую группу граждан, вовлечённых в сферу уголовного судопроизводства, классифицированную по основанию преследуемого интереса.

Столь подробное рассмотрение содержания субъекта уголовно-процессуальных гарантий обусловлено антропоцентричным характером права, ставящим во главу угла защиту человека, по поводу и для обеспечения интересов которого выстраивается правовая система в целом.

Впрочем, как справедливо отмечает ряд отечественных учёных-правоведов фактор развития цифровых технологий детерминирует зарождение тенденции «дегуманизации права», то есть сведение роли «человека» до ограниченного набора характеристик, которую можно воспроизвести технологически с помощью компьютерного кода[39].

В частности, примером дегуманизации права может выступать наделение искусственного интеллекта правосубъектностью, например, возможностью принимать или поддерживать процессуальные решения в отношении людей, вовлечённых в производство по уголовному делу, что превращает последних из «стержневого элемента» правовой системы в объект деятельности машины.

[39] См. подробнее: Хабриева Т.Я. Право в реалиях технологической революции: монография / Т.Я. Хабриева. М., 2025. С. 80 - 85.; Зорькин В.Д. Право и вызовы искусственного интеллекта: лекция на Петербургском международном юридическом форуме. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://alrf.ru/news/lektsiya-valeriya-zorkina-pravo-i-vyzovy-iskusstvennogo-intellekta/.

Процесс цифровой трансформации субъекта уголовно-процессуальных отношений будет подвергнут нами подробному научному осмыслению в параграфе 3 главы 3 настоящего исследования.

По справедливому замечанию В.Ю. Мельникова: «В правовом обеспечении нуждается не сама личность, а её правовые свойства (ценности). В юридической литературе для определения правовой характеристики личности в уголовном процессе используются различные понятия: правовое положение или правовой статус»[40]. Среди отечественных исследователей отсутствует единое понимание, как содержания указанных понятий, так и их соотношения, в связи с чем, в контексте настоящего исследования, необходимо остановиться на этом вопросе подробнее.

На сегодняшний день доминирующим доктринальным положением является позиция о тождественности рассматриваемых категорий. Например, Ю.В. Деришев и Ю.Г. Овчинников указывали, что с семантической точки зрения одно понятие определяется через другое. Так, под термином «статус» понимается «правовое положение»[41], о чём свидетельствуют толковые словари русского языка[42].

В рамках такого подхода, как под правовым положением, так и под правовым статусом личности понимаются закреплённые законом за индивидуализированным субъектом его права, свободы и обязанности (некоторые учёные также добавляют в содержание такой объединённой категории и законные интересы[43]). В тех или иных вариациях указанная позиция прослеживается в работах большого количества исследователей[44].

---

[40] Мельников В.Ю. Указ. Соч. С. 34.

[41] См.: Деришев Ю.В., Овчинников Ю.Г. Указ. соч. С. 92 - 93.

[42] См. например: Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1989. С. 624.; Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. Русский толковый словарь. М., 1997. С. 672.

[43] См. например: Шадрин В.С. Указ. соч. С. 32.; Бабаев В.К. и Баранов В.М. Общая теория права: краткая энциклопедия. Н. Новгород, 1997. С. 167.

[44] См. например: Коомбаев А.А. Указ соч. С. 21.; Новоселов В. И. Правовое положение граждан в советском государственном управлении. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та. 1976. С. 23.; Теория государства и права. Учебник для юридических вузов и факультетов / под ред. В. М. Корельского и В. Д. Перевалова. М., 1997. С. 507.; Гуськова А.П. Личность обвиняемого в уголовном процессе (проблемы теории и практики): автореф. дисс. докт. юрид. наук. Оренбург, 1997. С. 15.; Якунина В. В. Гражданская правосубъектность

Данное доктринальное положение подвергается критике в научном сообществе [45] . В этой связи небезынтересна позиция Н.В. Витрука, в соответствии с которой категорию «правовое положение личности» следует рассматривать в узком и широком смыслах. Так, при узком подходе рассматриваемые категории действительно тождественны, в то время как согласно второму: «Правовое положение является более широкой (нежели, чем правовой статус. Прим. автора) обобщающей категорией, включающей в себя весь спектр взаимосвязанных элементов состояния личности, закреплённого правовыми нормами»[46].

Схожей позиции придерживаются и другие исследователи, которые отмечают, что правовой статус является «сердцевиной нормативного выражения взаимоотношений между личностью и государством», некой «исходной категорией»[47], в то время как правовое положение включает в себя помимо прав и обязанностей ещё и иные элементы правовой характеристики личности, такие как: законные интересы, правосубъектность, состояние политико-правовой связи с государством, а также систему их гарантий[48].

Другие исследователи, развивая данную концепцию, подразделяют вышеуказанные элементы правового положения личности, выходящие за пределы объёма правового статуса, на «предстатусные», являющиеся предпосылками правового статуса, такие как гражданство, общая правоспособность и т.д., и «внестатусные», выходящие строго за рамки

индивидуального предпринимателя: проблемы возникновения и прекращения: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2009. С. 43.; Григорьева И. В. Теория государства и права: учебное пособие. Тамбов, 2009. С. 87.; Матузов Н. И. Теория государства и права: учебник / Н. И. Матузов, А. В. Малько. М. 2020. С. 181.; Шайкенов Н.А. Правовое обеспечение интересов личности. Свердловск, 1990. С. 106.

[45]Описание дискуссии см. подробнее: Бутов С. В., Лысенков С. Г. О соотношении понятий «Правовой статус» и «правовое положение» как самостоятельных юридических категорий // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. №4 (35). С. 6 – 11.

[46] Витрук Н. В. Общая теория правового положения личности. М., 2008. С. 25.

[47] См. например: Протасов В. Н. Теория права и государства. Проблемы теории права и государства. М. 2001. С. 181.

[48] Бережнов А.Г., Воротин Е.А., Кененов А.А. и др. Теория государства и права / под ред. М.Н. Марченко. М., 2004. С. 168 – 169.; Коомбаев А.А. Указ. соч. С. 22 – 23.; Загидулин Р. А. Понятие правового положения Вооруженных Сил Российской Федерации // Материалы научно-практической конференции. М., 2009. С. 85-86.

правового статуса, а именно: система уголовно-процессуальных гарантий, законные интересы и т.д[49].

Считаем возможным согласиться с данной позицией в виду целесообразности существования более широкой, чем правовой статус, категории, объём которой позволяет включать как «обеспечительные» элементы (например, уголовно-процессуальные гарантии), так и средства формирования элементов правового статуса (законные интересы), при этом, в отличие от последнего, не предполагающей безусловное признание и обеспечение со стороны государства.

В связи с изложенным, считаем целесообразным начать рассмотрение сравниваемых понятий с элементов правового статуса, как первичного (базового) элемента правового положения личности. Суммируя сложившиеся в доктрине воззрения на содержание правого статуса личности можно выделить ряд «бесспорных» элементов, включение которых в рассматриваемое понятие признаётся правомерным большинством исследователей, а именно: права, свободы и обязанности [50] . Несмотря на кажущуюся, на первый взгляд самоочевидность содержания понятия «права», по справедливому замечанию М.И. Байтина: «Право – один из наиболее важных, сложных полемических вопросов правоведения»[51].

В число задач настоящего исследования не входит подробное рассмотрение доктринальной дискуссии относительно природы категории «право», однако представляется небесполезным определить его понятие в уголовно-процессуальном контексте через его признаки. Так, право есть принадлежащая конкретному лицу, установленная законом мера возможного

[49] Права человека: учебник / отв. ред. Е.А. Лукашева. М. 2011., С. 100.; Лукашева Е.А. Социально – психологические аспекты реализации прав личности // Реализация прав граждан в условиях развитого социализма. М., 1983. С. 151 – 152.; Матузов Н.И. Правовая система и личность. 1987. С. 113.

[50] См. например: Гришин Д.А. Указ. Соч. С. 5 -6.; Польщиков В. П., Слепцова Л. А. Понятие прав и правового статуса личности // Вестник Бел ЮИ МВД России. 2008. №1-2. С. 30.; Аброкова О. А., Гукепшоков М. Х. Правовой статус личности // Научные известия. 2020. №19. С. 47.; Бялт В. С., Демидов А. В. Правовой статус личности: теоретико-правовая характеристика // Ленинградский юридический журнал. 2018. №3 (53). С. 20.; Коомбаев А.А. Указ. Соч. С . 21.

[51] Байтин М.И. Сущность права. М., 2005. С. 23.

поведения для отстаивания в уголовном судопроизводстве интересов и притязаний личности, порождающая корреспондирующие обязанности других лиц по её реализации, обеспеченная уголовно-процессуальными гарантиями и механизмом государственного принуждения[52].

Касательно содержания категории «свобода» и её соотношения с категорией «право» в доктринальной среде также нет единого мнения. Идентичность юридической природы прав и свобод отмечали в своих исследованиях такие исследователи, как: Е.Ю. Алонцева[53], М.Н. Марченко[54] и Б.С. Эбзеев[55].

Ярким представителем данной группы является М.С. Строгович, который указывал на тождественность рассматриваемых категорий в виду того, что свободу человека действовать в целях достижения какого-либо блага обуславливает наличие права её реализации[56].

Небезынтересна в этой связи и позиция В.С. Шадрина, который указал, что свободы и права есть возможность самодетерминированного индивида распоряжаться собой в пределах, ограниченных в первом случае свободами других людей, а во втором императивными требованиями правовых норм[57]. Отождествление данных категорий через понятие «возможности» поддерживали также Н.В. Витрук[58] и Л.Д. Воеводин[59].

---

[52] Подробнее о признаках субъективного права в уголовном судопроизводстве см.: Курс советского уголовного процесса. Общая часть. М., 1989. С. 446.; Теория государства и права: учебник для вузов / под ред. В.М. Корельского, В.Д. Перевалов. М., 2002. С. 353.

[53] См.: Алонцева Е.Ю. Полномочия следователя по производству следственных действий, выполняемых с разрешения суда. М., 2008. С. 11.

[54] См.: Марченко М.Н. Теория государства и права / под ред. М.Н. Марченко. М., 1996. С. 191.

[55] См.: Эбзеев Б.С. Конституционный правопорядок и основные права: юридическая природа и особенности государственной защиты (о методологии научного поиска) // Государство и право. 2016. № 10. С. 5 - 18.

[56] См.: Строгович М.С. Проблемы теории права // избранные труды В 3 т. / отв. ред. С.Н. Братусь. М., 1990. Т. 1 С. 224.

[57] См.: Шадрин В.С. Обеспечение прав личности при расследовании преступлений. Волгоград, 1997. С. 30.

[58] См.: Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. М., 2008. С. 234.

[59] См.: Воеводин Л.Д. Юридический статус личности в России: учеб. пособие. М., 1997. С. 134 - 135.

Схожего мнения придерживается и авторский коллектив под редакцией Н.С. Мановой, в исследовании которого сделан вывод о том, что: «… не может быть принципиального различия между правами и свободами человека и гражданина, в том числе участника уголовного судопроизводства, поскольку свобода устанавливает цели лица, связанные с его выбором, а права определяют действия лица в рамках системы норм, установленных государством»[60].

Впрочем, немалое развитие в отечественной науке получила и противоположная точка зрения. Анализ доктринальных источников свидетельствует о том, что концепции учёных о разграничении содержания рассматриваемых категорий можно органически разделить на «объективную деятельностную» и «субъективную деятельностную». Исследователи, придерживающиеся «субъективного деятельностного» подхода, рассматривают данные категории в контексте рамок возможного поведения субъекта[61].

Так, один из сторонников такой концепции – В.А. Карпов отмечал, что «термин «свобода» подчёркивает более широкие возможности индивидуального выбора, не определяя его конкретного результата»[62], в то время как «право» фиксирует поведение индивида в виде определённых действий, направленных на достижение конкретизированных целей в рамках установленного правового поля. Таким образом, в то время как право даёт средства достижения интересов личности, задавая рамки, свобода предоставляет выбор поведения внутри них[63].

На наш взгляд описанный подход, хотя и, безусловно, представляет определённую научную ценность, тем не менее имеет гораздо меньшее

---

[60] Актуальные проблемы обеспечения прав участников уголовного судопроизводства: монография / М.А. Аширбекова, В.М. Быков, И.С. Дикарев [и др.]: под ред. Н.С. Мановой. М., 2016. С. 126.

[61] См. например: Савошинская А.Н., Сакель Ю.В. Соотношение понятий «свободы» и «права» человека // в сборнике: Сфера знаний: научное взаимодействие в рамках образовательного процесса. Сборник научных трудов. Казань, 2018. С. 142 - 144.; Права человека: учебник. / Е.А. Лукашева[и др.]; отв. ред. Е.А. Лукашева. М. 2015. С. 58.; Гришин Д.А. Указ. Соч. С. 11 - 12.

[62] См.: Карпов В.А. Конституционное закрепление системы прав и свобод человека и гражданина в России // Евразийский союз учёных. 2015. № 8. С. 147 - 149.

[63] См. подробнее: Шериев А.М. Субъективные права, свобода и законные интересы как объекты правовой охраны и защиты: проблемы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2008. С. 9-10.

прикладное значение в контексте рассмотрения гарантий правового положения личности в уголовном судопроизводстве, нежели вторая концепция разграничения рассматриваемых понятий.

К примеру, некоторые исследователи разделяют права и свободы путём преломления их содержания в контексте деятельности государственных органов. То есть, в то время как право предполагает возможность лица требовать от обязанного субъекта совершения каких-либо действий, обеспечивающих его реализацию, свобода подразумевает ограничение возможностей вмешательства государства в «сферу самостоятельности» личности[64].

В качестве иллюстративного примера данного подхода в уголовном процессе можно привести реализацию конституционно гарантированных прав бесплатно пользоваться услугами защитника по назначению (ст. 48 Конституции РФ), а также свободы передвижения (ст. 27 Конституции РФ).

Так, в первом случае право обвиняемого на бесплатное участие защитника по уголовному делу имеет деятельностное выражение в виде предусмотренной ст. 50 УПК РФ процедуры назначения защитника, а также предполагает корреспондирующие обязанности: следователя – обеспечить участие защитника (ч. 2 ст. 50 УПК РФ), а адвоката – принять защиту по назначению п. 2 ч. 1 ст. 7 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»). В свою очередь свобода передвижения личности предполагает невозможность её произвольного ограничения со стороны государственных органов без специальных оснований и правовых процедур, предусмотренных, в частности, главой 13 УПК РФ.

Описанный подход можно свести к следующей формуле: права личности предполагают активное содействие, а свободы воздержание государственных органов от совершения определённых действий, в связи с чем считаем обоснованным обозначить его, как «объективный деятельностный», и

[64] См. например: Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России. М., 1995. С. 196-197.; Краснослободцева Н.К. Соотношение понятий «Свобода» и «Права» человека // Ленинградский юридический журнал. 2014. №4 (38). С. 79.

применить в настоящем исследовании в связи с удобством рассмотрения через призму его положений правовых средств обеспечения реализации процессуальных интересов личности, а также исключения незаконного воздействия на неё со стороны должностных лиц.

Говоря о влиянии цифровизации общественных отношений на их правовую сферу следует особо обратить внимание на взаимосвязь права и научно-технических преобразований.

Так, Т.Я. Хабриева отмечает, что совершенствование правой системы и доктрины, равным образом, как и развитие науки и техники можно представить в виде череды радикальных трансформаций, сопряжённых с научно-техническими революциями. В настоящее время большинство развитых и развивающихся стран заканчивает переход в постиндустриальную эпоху, характеризующуюся бурным развитием цифровых технологий, детерминированным борьбой КНР и США за глобальное технологическое доминирование, информатизацией общественных отношений, а также построением «электронного государства»[65].

В таких условиях право и технологии оказывают взаимопроникающее влияние, обуславливая развитие друг друга. Так, появление новых технологий требуют регламентации общественных отношений, возникающих по поводу их функционирования, тем самым стимулируя появление как отдельных регуляторных механизмов, так и новых правовых институтов и областей[66]. В то же время надлежащее правовое регулирование зарождающихся сфер приложения научно-технического знания, в свою очередь, способствует их развитию, в связи с чем перед правом стоит задача формирования правовых средств, опосредующих разработку и применение передовых технологий[67].

Особенность современного этапа развития права заключается в том, что технологический императив диктует необходимость его опережающего

[65] Хабриева Т.Я. Право в реалиях технологической революции: монография / Т.Я. Хабриева. М., 2025. С. 34 - 35, 49 - 66.
[66] См.: Андреева О.И. К вопросу о перспективах развития уголовного процесса в условиях цифровизации общественных отношений / О.И. Андреева // Судебная реформа в современной России: результаты, проблемы и перспективы. Краснодар, 2020. С. 13 - 14.
[67] Там же. С. 35, 71.

научного осмысления, предвосхищающего большую проявленность цифровых технологий в практической деятельности.

Помимо рассмотренных нами понятий в уголовно-процессуальном законодательстве применительно к правовому положению личности упоминаются и законные интересы. В частности, ряд положений УПК РФ, таких как: ч. 1 ст. 6, ч. 2 ст. 45, ч. 3 ст. 47, ч. 1 ст. 119, ч. 5 ст. 189, ч. 1 ст. 389.1 упоминает законные интересы наряду с правами, как неотъемлемые свойства личности в уголовном судопроизводстве, а в ч. 2 ст. 161, ч. 2 ст. 412.3 УПК РФ законодатель добавил к ним и категорию «свободы».

В отечественной научной среде объем понятия законных интересов и их соотношение с правами также представляют собой предмет обширной дискуссии. Обобщая подходы к содержанию категории «законные интересы», следует отметить, что подавляющее большинство правоведов определяют её через незапрещённое законом стремление личности к достижению какого-либо результата в виде удовлетворения потребности или получения определённого блага, находящихся в рамках правового поля[68].

В частности, ряд учёных указывает, что, в то время как право предполагает наличие гарантированной возможности определённого поведения, законный интерес предполагает лишь наличие дозволенности[69]. В

[68] См. например: Андреев Д.А. Права, свободы и законные интересы осуждённых: конституционный и теоретико – правовой аспекты // Уголовно – исполнительная система России: проблемы и перспективы. Самарский юридический институт ФСИН России. 2014. С. 5 -8.; Матузов Н.И., Ушакова Н.В. Возможность и действительность в российской правовой системе. Саратов, 2010. С. 328.; Гришин Д.А. Указ. соч. С. 13.; Ерошенко А.А. Судебная защита охраняемого законом интереса // Советская юстиция. 1997. № 13. С. 19.; Кучинский А.В. Законные интересы личности от Конституции до правореализующей деятельности // Теоретические вопросы реализации Конституции СССР. М., 1982. С. 85 – 88.; Канюкаева А.Р. Система процессуальных форм защиты в российском праве: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2010. С. 14 – 16.; Мельников В.Ю. Обеспечение прав граждан в ходе досудебного производства. М.: ИД «Юриспруденция», 2006. С. 35 – 36.; Масленникова Л.Н. Публичное и диспозитивное начала в уголовном судопроизводстве России.: дис. … д-ра. юрид. наук. М., 2000. С. 135.; Ю.В. Деришев. Ю.Г. Овчинников. указ. соч. С. 105.

[69] См. например: Ремнев В.И. Право жалобы в СССР. М. 1964. С. 24.; Гладышева О.В. Теоретические основы обеспечения законных интересов личности в уголовном судопроизводстве. М., 2012. С. 43.; Николаев Е.М. Восстановление прав и законных интересов потерпевших в уголовном судопроизводстве. автореф. дис. … канд. юрид. наук.

рамках данной концепции средством обеспечения реализации прав является наличие обязанного субъекта. Законный интерес, в свою очередь, не предполагает автоматической обязанности кого-либо способствовать его достижению, являя собой сферу свободы личности в использовании правового инструментария для этих целей. Иными словами, по справедливому замечанию Д.А. Гришина: «… по своей сути законный интерес опосредует активность субъекта по реализации прав и свобод – элементов своего правового статуса»[70].

Представляется также обоснованным доктринальное положение о том, что законный интерес в условиях производства по уголовному делу выступает в качестве детерминанта объёма правового статуса личности и вектора процессуальной деятельности данного лица[71].

Так, как уже отмечалось нами ранее, интересы личности в уголовном судопроизводстве обуславливаются процессуальным положением соответствующего субъекта. В свою очередь, содержательное наполнение элементов правового статуса (права, свободы и обязанности), будет дифференцироваться в зависимости от преследуемых законных интересов.

Из изложенного следует, что законный интерес субъекта в рамках производства по уголовному делу первичен по отношению к его правам и свободам. Чтобы проиллюстрировать данный вывод, смоделируем ситуацию, при которой человек задерживается в порядке ст. 92 УПК РФ в виду наличия достаточных данных считать его причастным к расследуемому преступлению, а также направления в суд ходатайства об избрании в отношении него меры пресечения в виде заключения под стражу, получая статус подозреваемого по основанию п. 2 ч. 1 ст. 46 УПК РФ. Законные интересы данного лица будут сформированы сообразно процессуальному положению и получат необходимый инструментарий для своей реализации в виде соответствующего правового статуса. В контексте избранной модельной ситуации это будет означать, что имея интерес избежать заключения под стражу в краткосрочной и

Уфа, 2009. С. 18.; Малько А.В., Субочев В.В. Законные интересы в правовой жизни общества: Актуальные вопросы теории и практики // Правоведение. 2014. №2. С. 84 – 98.

[70] Гришин Д.А. Указ. соч. С. 14.

[71] Там же. С. 17 – 18.

уголовной ответственности в долгосрочной перспективе, подозреваемый будет использовать совокупность прав, предоставленных ему ст. 46 УПК РФ, которым будут корреспондировать соответствующие обязанности должностных лиц. В свою очередь, свобода передвижения такого лица от необоснованного ограничения со стороны государственных органов будет гарантироваться формализованной процедурой избрания меры пресечения в виде заключения под стражу, предусмотренной ст. 108 УПК РФ. В конечном итоге, все элементы правового статуса будут работать как система для обеспечения его законных интересов, определённых статусом подозреваемого.

Следующим критерием разграничения рассматриваемых понятий является объём их содержания. Так, считаем возможным разделить позицию о том, что право – есть формализованное выражение того или иного законного интереса и не может существовать помимо него, в то время как законный интерес может охватывать сферы притязаний личности, ещё не урегулированные законодателем, в связи с чем может существовать и помимо права[72].

Данный подход косвенно подтвердил и Верховный Суд Российской Федерации, указавший в абз. 3 п. 18 Постановления Пленума № 19 от 16 октября 2009 года в контексте определения предмета преступного посягательства преступления, предусмотренного ст. 285 УК РФ, что под законными интересами понимаются потребности, не противоречащие нормам права и общественной нравственности.

При этом «законность» того или иного интереса и, соответственно, необходимость его легитимации должны определяться исходя из его соотношения с принципами уголовного судопроизводства[73].

---

[72] См. например: Палютин В.А. Государство и личность в СССР. М. 1974. С. 112.

[73] Либанова С.Э. Категории «субъективное право» и «законный интерес» в свете реализации статей 15 и 79 Конституции Российской федерации // Вестник Сургутского государственного университета. 2020. 2(28). С. 44.; Права личности в социалистическом обществе / отв. ред.В.Н. Кудрявцев, М.С. Строгович. М., 1981. С. 190.; Общественные и личные интересы в уголовном судопроизводстве / науч. Ред. Л.Д. Кокорев. Воронеж, 1984. С. 21.; Дуйшенбиев Т.А. Интересы в уголовном судопроизводстве (по материалам Кыргызстанской Республики и Российской Федерации). дис. … канд. юрид. наук. М., 1999. С. 76 – 77.

Например, как обоснованно указано А.А. Коомбаевым[74], учитывая все многообразие возможных форм противоправного воздействия на лицо, вовлечённое в сферу уголовного судопроизводства, предусматривать конкретный правовой механизм противодействия каждой из них нецелесообразно. В связи с этим, законный интерес лица быть ограждённым от неправомерных действий должностных лиц в ходе производства по уголовному делу, будет признаваться и обеспечиваться исходя из общих принципов уголовного судопроизводства, таких как: «охраны прав и свобод гражданина» (ст. 11 УПК РФ), а также «права на обжалование процессуальных действий и решений (ст. 19 УПК РФ).

Признание легитимного статуса за незакреплённым в праве законным интересом позволяет преодолевать пробелы в праве и проблемы в правоприменении, и осуществляется посредством вынесения решений Конституционного Суда Российской Федерации[75] или интерпретации судебной и правоприменительной практикой[76].

Кроме того, следует согласиться с тем, что законный интерес является «предправом» – более гибкой категорией, позволяющей охватить блага, ещё не получившие должного правового механизма реализации в виду отставания законодателя от развития общественных отношений[77]. При этом именно наличие законного интереса предшествует законодательным новеллам, формализующих процедуры его достижения, то есть является первичной в онтологическом смысле по отношению к праву категорией[78].

Например, законный интерес в максимально оперативной реакции суда на предполагаемые нарушения прав лиц, участвующих в производстве по

---

[74] См. Коомбаев А.А. Указ. соч. С. 84.
[75] Далее – Конституционный Суд, КС РФ.
[76] См. подробнее: Ю.В. Деришев, Ю. Г. Овчинников. Указ. соч. С. 135 – 136.
[77] См. например: Марченко М.Н. Государство и личность // Теория государства и права: учебник / под. Ред. М.Н. Марченко. М., 2009. С. 363 – 380.; Кожевников С.Н. Личность, государство и право // Теория государства и права: учебник / под. Ред. В.К. Бабаева. М., 2007. С. 181.; Малеин Н.С. Охраняемый законом интерес //Советское государство и право. 1980. № 1. С. 34.; Тутынин И.Б. Теоретические основы уголовно процессуального принуждения имущественного характера. М., 2022. С. 16.
[78] См. например: Тутынин И.Б. Указ. соч. С. 15.; Лукашева Е.А. Права человека. М. 2002. С. 92.

уголовному делу, основанный на принципе права на доступ к правосудию, получил формальное воплощение в виде появления в УПК РФ статьи 474.1., позволяющей ускорить принятие судом соответствующих жалоб и ходатайств посредством электронного документооборота.

Таким образом, законодательное закрепление объективно существующих законных интересов личности, основанных на принципах уголовного судопроизводства, влечёт появление новых норм уголовно-процессуального права, и является одним из способов обеспечения их реализации, что будет более подробно рассмотрено в параграфе 2 настоящей главы.

На основании изложенного можно заключить, что законные интересы, безусловно являясь элементом правового положения личности в уголовном судопроизводстве, тем не менее, не будучи отождествлёнными с правами, не могут являться элементом её правового статуса.

Принимая во внимание рассмотренный нами ранее способ легитимации законных интересов путём преломления их содержания в контексте принципов уголовного судопроизводства, считаем необходимым кратко обозначить их роль в системе элементов правового положения личности.

Так, под принципами в уголовном судопроизводстве принято понимать основополагающие правовые идеи/начала, пронизывающие все его стадии, определяющие его структуру построения, характер и систему ценностей, а также содержание, сущность и форму процессуальной деятельности его участников[79]. По справедливому замечанию М.Л. Якуба, они могут быть как закреплены в Конституции и УПК РФ, так и выводиться путём толкования других принципов и норм законодательства[80].

В наиболее общем виде их роль в исследуемом контексте можно рассматривать, как: а) критерии легитимации законных интересов в уголовном

[79] См. например: Уголовно – процессуальные гарантии обеспечения прав, свобод и интересов личности, общества и государства: учеб. Пособие // О.В. Химичева, Н.В. Григорьев, С.В. Гурдин и др. М. 2018. С. 15; Еникеев З.Д. Механизм уголовного преследования: учеб. пособие. Уфа, 2002. С. 41.; Володина Л.М. Права человека: учеб.-метод. комплекс // М.С. Матейкович, Е.В. Пономаренко, Н.В. Сухова. Тюмень, 2002. С. 104.; Коомбаев А.А. Указ. соч. С. 38.

[80] См.: Якуб М.Л. Процессуальная форма в уголовном судопроизводстве. М. 2005. С. 22 – 23.

судопроизводстве; б) непосредственно действующие положения в случаях возникновения коллизионных ситуаций в ходе производства по уголовному делу; в) кроме того, по мнению некоторых учёных принципы являются детерминантом формирования системы гарантий прав, свобод и законных интересов личности[81].

Заключительным элементом правового положения личности в уголовном судопроизводстве являются гарантии, которые, по справедливому замечанию значительного числа исследователей, представляют собой одновременно средство обеспечения как элементов правового статуса (прав, свобод и обязанностей), так и законных интересов личности[82].

Следует оговориться, что предметом настоящего исследования являются только уголовно-процессуальные гарантии, а иные их виды, такие как: конституционные, международные, материально-технические, экономические, политические и т.д[83]. будут затрагиваться лишь постольку, поскольку это отвечает целям и задачам нашей работы.

Понятие и содержательное наполнение категории «уголовно-процессуальных гарантий», равно как и в случае с остальными элементами правого положения личности, являются предметом научной дискуссии. В этой связи считаем целесообразным определить рассматриваемое явление через его атрибуты путём анализа научных позиций в исследуемом контексте.

Большинство представителей научного сообщества рассматривают в качестве семантически и сущностно родственного «гарантиям» термина –

---

[81] См. например: Мичурина О.В., Тютерева Ю.С. Дистанционный порядок производства по уголовному делу. М. 2025. С. 35.; Демидов И.Ф. Принципы уголовного процесса: Курс уголовного процесса. Общая часть. М. 2004. С. 162.

[82] См. например: Лупинская П.А. Уголовно – процессуальное право: учебник. М., 2005. С. 53.; Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс. Краткий курс. СПб., 2008. С. 10.; Мартынчик Е.Г., Радьков В.П., Юрченко В.Е. Охрана прав и законных интересов в уголовном судопроизводстве. Кишинев. 1982. С. 27.; Куцова Э.Ф. Гарантии прав личности в советском уголовном процессе. М. 1972. С. 8.; Курс советского уголовного процесса. Общая часть: учебник., М. 1989. С. 215.; Стройкова А.С. Гарантии прав обвиняемого на предварительном следствии: дисс. … канд. юрид. наук Ростов на Дону, 2005. С. 41.; Коомбаев А.А. Указ. соч. С. 41, 84.; Горский Г.Ф., Кокорев Л.Д., Элькинд П.С. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе. Воронеж, 1978. С. 229-230. и другие.

[83] Подробнее об иных видах гарантий см. например: Мичурина О.В., Тютерева Ю.С. указ. соч. С. 26.

«обеспечение»[84]. В частности, ими отмечалось, что отождествление понятий «гарантия» и «обеспечение» прослеживается не только в работах профильных исследователей, но и в конструкции уголовно-процессуальных норм[85]. В частности, отмечается тождество правового значения слов «обеспечиваются» и «гарантируются», употребляемых в главе 2 Конституции[86].

Кроме того, учитывая обозначенную обеспечительную сущность гарантий, они рассматриваются как некий набор инструментов, включающий в себя: условия[87], средства и способы[88], а также факторы[89] реальной возможности реализации и защиты прав, свобод и законных интересов.

Из представленной цели применения указанного инструментария органически проистекают ещё два термина, характеризующие уголовно-процессуальные гарантии – «реальность» и «возможность». Суммируя доктринальные позиции касательно смысла, который придаёт данным понятиям правообеспечительный контекст, следует заключить, что гарантированность предполагает возможность человека обратиться к имеющемуся средству правовой защиты своих прав, свобод и законных интересов, и реально получить позитивный эффект от такого средства[90]. Из сказанного следует, что возможность и реальность в разрезе гарантий соотносятся с деятельностной точки зрения так же, как законный интерес и право, что подтверждают и выводы профильных исследователей[91].

---

[84] См. например: Багаутдинов Ф.Н. Обеспечение публичных и личных интересов при расследовании преступлений. М., 2004. С. 53.; Шадрин В.С. Указ. соч. С. 43.

[85] Деришев Ю.В., Овчинников Ю.Г. Указ. соч. С. 31.

[86] См.: Правовые и организационно-технологические гарантии уголовного судопроизводства: монография /под ред . докт. юрид. наук Зуева С.В. М., 2025. С. 11 – 12.

[87] См. например: Ямпольская И.А. О субъективных правах советских граждан и их гарантиях // Вопросы советсткого гос. Права. М. 1959. С. 204 – 205.; Зиновьев А.В. Конституционное право России: учеб. пособие. М., 2002. С. 40.

[88] См. например: Добровольская А.И. Гарантии прав граждан в советском уголовном судопроизводстве // Сов. Государство и право. 1980. № 2. С. 131.

[89] См. например: Палютин В.А. Субъективные права граждан: основные черты, стадии, гарантии реализации // Сов. Государство и право. 1971. № 6 С. 30.

[90] Подробнее см.: Деришев Ю.В., Овчинников Ю.Г. Указ. соч. С. 31.

[91] Подробнее см.: Александров С.А. Содержание, система и развитие уголовно – процессуальных гарантий // Вопросы криминологии, уголовного права и уголовного процесса. Горький, 1974. С. 96.

В объёме понятия «гарантии» выделяется несколько взаимосвязанных элементов: а) соответствующий закон, формализующий конкретную гарантию; б) уголовно-процессуальная форма; в) принципы уголовного судопроизводства; г) обеспечительная деятельность обязанных субъектов (государственных органов и должностных лиц)[92], которые целесообразно рассмотреть подробнее.

Первичным средством обеспечения прав, свобод и законных интересов, вне всякого сомнения, будет являться правовой базис в виде установленной законом совокупности уголовно-процессуальных норм, в силу наличия механизма принудительной реализации и санкций за неисполнение их императивных предписаний.

Также, одним из важнейших инструментов рассматриваемых гарантий является уголовно-процессуальная форма, представляющая собой установленный законом порядок как производства по уголовному делу в целом, так и проведения отдельных следственных и процессуальных действий в частности. Краеугольная значимость уголовно-процессуальной формы, как элемента гарантии, состоит в том, что, предельно формализуя действия лиц, ведущих производство по уголовному делу, она унифицирует производство тождественных по форме юридически значимых действий, что позволяет исключить субъективный фактор лица, ведущего производства по делу, а её нарушение является объективным критерием для обжалования действий или решений, противоречащих её требованиям[93].

Коль скоро содержание права раскрывается в конкретных действиях по претворению в жизнь его положений, способом реализации гарантий будет являться конкретная правоприменительная деятельность[94] обязанных субъектов (государственных органов и должностных лиц) по содействию личности в реализации положений соответствующей гарантии, либо в воздержании от

---

[92] Правовые и организационно-технологические гарантии уголовного судопроизводства: монография /под ред. докт. юрид. наук Зуева С.В. М., 2025. С. 12.

[93] Подробнее о роли процессуальной формы см.: Дражевская Ю.В. Гарантии правового положения юридического лица в уголовном судопроизводстве // Вестник СГЮА. 2021. № 1(138). С. 192.

[94] См. подробнее: Парфенова М.В. Охрана конституционных прав подозреваемого и обвиняемого в досудебных стадиях уголовного процесса России. М., 2004. С. 57 – 58.

вторжения в гарантированную сферу приватности личности, что, как уже отмечалось нами ранее в рамках настоящего параграфа, также входит в объём отстаиваемого такими лицами публичного интереса.

Такая дихотомия требуемого от должностных лиц действия/бездействия не только отсылает к рассмотренному нами ранее основанию разграничения прав и свобод, но и является классификационным критерием для разделения всего объёма уголовно-процессуальных гарантий на «гарантии права на защиту» и «гарантии от принуждения»[95].

В конечном итоге, элементами уголовно-процессуальных гарантий являются также принципы уголовного судопроизводства[96], которые, являясь критерием легитимации законных интересов, а также являются основой для формирования и систематизации[97] новых уголовно-процессуальных гарантий.

В то же время, указанное отнюдь не означает, что есть два вида принципов: «внешние» – существующие отдельно от гарантий и служащие критерием для их формирования, и «внутренние», являющиеся составным элементом понятия гарантий.

Так, один и тот же принцип, будучи самостоятельным элементом правового положения личности, может быть частью нескольких гарантий. В дальнейшем, в случае появления непротиворечащего ему законного интереса, он может стать составной частью новой гарантии, которая будет сформирована для его (интереса) обеспечения. Равным образом возможно сосуществование

---

[95] См. подробнее: Деришев Ю.В., Овчинников Ю.Г. Указ. соч. С. 33.

[96] Принципы уголовного судопроизводства в качестве составного элемента уголовно-процессуальных гарантий рассматривает ряд учёных-процессуалистов, например: Правовые и организационно-технологические гарантии уголовного судопроизводства: монография /под ред. докт. юрид. наук Зуева С.В. М., 2025. С. 12, 17-18.; Мичурина О.В., Тютерева Ю.С. Дистанционный порядок производства по уголовному делу. М., 2025. С. 35.; Мельников В.Ю. Обеспечение прав граждан в ходе досудебного производства. М., 2006.С. 37-39.; Мельников В.Ю. Механизм обеспечения, реализации и защиты прав человека в уголовном судопроизводстве. М.: Юрлитинформ, 2013. С. 128.; Деришев Ю.В., Овчинников Ю.Г. Указ. соч. С. 62-63, 78-79.; Корнеева И. В. Функционирование суда с участием присяжных заседателей в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2002. С. 88.

[97] См. подробнее: Чухраев Д. А. Соотношение формы, принципов и гарантий уголовного судопроизводства // Учёные записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2018. №2. С. 154.

разных принципов в рамках конкретной гарантии, что будет подробно рассмотрено нами в рамках параграфа 2 настоящей главы.

Развитие уголовно-процессуальных гарантий в эпоху цифровой трансформации общества напрямую связано с необходимостью нивелирования уязвимости человека в новой технологической среде. В наиболее общем виде такая уязвимость представляет собой неопределённость развития общественных отношений, детерминированную непредсказуемостью технологических инноваций.

В связи с этим, установление новых гарантий прав личности призвано предупреждать новые угрозы и риски для человека. Так, например, на европейском уровне приняты «Общий регламент по защите персональных данных (General Data Protection Regulation (GDPR)), а также Закон Европейского Союза об искусственном интеллекте (EU Artificial Intelligence Act), которые направлены, соответственно, на охрану прав личности от необоснованного вторжения в сферу её приватности в ходе юрисдикционной деятельности, и на определение рисков применения ИИ в разных сферах общественной жизни с последующим ограничения «высокорискового использования», например, интеллектуального распознавания лиц в общественных местах[98].

Представляют интерес в указанном контексте и Руководящие принципы по электронному ведению дел в судах и цифровизации судов, принятые 8 декабря 2021 года на 37 Пленарном заседании Европейской Комиссии по эффективности правосудия (CEPEJ), которые устанавливают принципы внедрения цифровых технологий в сферу уголовного правосудия в качестве гарантии нивелирования уязвимости граждан перед ними, например: а) цифровизация уголовного судопроизводства не должна подрывать принцип справедливости, лежащий в его основе; б) разработка и внедрение электронных правовых процедур должны быть недискриминационными; в) электронные

[98] См.: Хабриева Т.Я. Указ. соч. С. 157 - 159.

технологии (в частности ИИ) не должны подменять собой участников уголовного судопроизводства, наделённых властными полномочиями; и другие.

Исходя из изложенного, следует заключить, что уголовно-процессуальные гарантии являются необходимым элементом правового положения личности в уголовном судопроизводстве, обеспечивая возможность реализации элементов правового статуса личности и её законных интересов.

В виду того, что законодательное закрепление того или иного правомочия само по себе является установлением гарантии его реализации, совершенствование гарантий прав личности в уголовном судопроизводстве напрямую сопряжено с рассмотренным нами механизмом легитимации законных интересов. Так, учитывая, что признание со стороны государства того или иного законного интереса означает необходимость обеспечения его реализации, процессы легитимации и формирования новой уголовно-процессуальной гарантии буду содержательно тождественны.

В этой связи, исходя из описанного нами «гарантийного инструментария», и учитывая, что совершенствование гарантий есть обязанность государства[99] следует сделать вывод, что способами формирования уголовно-процессуальных гарантий будут являться: а) непосредственное их закрепление путём совершенствования порядка и процедур уголовного судопроизводства посредством законотворчества; б) придание судебной и правоприменительной практикой «охранного статуса» не имеющему легального закрепления законному интересу личности, производному от принципов уголовного судопроизводства; в) актуализация правоприменительной деятельности путём формулирования научно и практически обоснованных рекомендаций для соответствующих должностных лиц[100].

Выводы по параграфу.

---

[99] См. например: Мельников В.Ю. Механизм обеспечения, реализации и защиты прав человека в уголовном судопроизводстве. М.: Юрлитинформ, 2013. С. 179.; Деришев Ю.В., Овчинников Ю.Г. Указ. соч. С. 18.

[100] Подробнее см.: Мельников В.Ю. Механизм обеспечения, реализации и защиты прав человека в уголовном судопроизводстве. М., 2013. С. 180 – 185.

Рассмотрев понятие личности в уголовном процессе путём преломления через подходы других областей научного знания к определению его объёма, можно сделать вывод о том, что носителем гарантий в уголовном судопроизводстве может являться любое лицо, вовлечённое в его сферу. Однако необходимо подчеркнуть тенденцию дегуманизации субъекта уголовно-процессуальных гарантий, в виду активной интеграции искусственного интеллекта в уголовно-юрисдикционную деятельность.

При этом уголовно-процессуальные гарантии прав личности распространяются исключительно на лиц, отстаивающих свой частный интерес в ходе производства по делу, в то время как публичные интересы обеспечиваются гарантиями правосудия, подробное рассмотрение которых не входит в предмет настоящего исследования.

В контексте научной дискуссии о соотношении категорий «правовой статус» и «правовое положение» личности в уголовном судопроизводстве мы солидарны с группой исследователей, рассматривающих правовой статус как один из элементов правового положения наряду с законными интересами и уголовно – процессуальными гарантиями, также входящими в его объём.

Определены объём и взаимные связи категорий, входящих в правовую характеристику личности. В частности сделан вывод о том, что в основе разграничения прав и свобод лежит деятетельностный критерий, выраженный в: степени формализованности способов достижения правового интереса гражданина с субъективной стороны, а также характера требуемых от должностных лиц действий (содействия в реализации или воздержании от вторжения соответственно) с объективной. Также определено, что законный интерес, являющийся первичной в онтологическом смысле категорией по отношению к праву, различающийся с ним также по средствам реализации и объёму содержания, в ходе производства по уголовному делу выступает в качестве детерминанта объёма правового статуса личности и вектора процессуальной деятельности.

В качестве необходимого фактора, обеспечивающего реальную возможность процессуальной экзистенции указанных элементов правового положения личности в уголовном судопроизводстве, исследовано понятие уголовно-процессуальных гарантий. Путём анализа доктринальных подходов к содержательному определению гарантий, сделан вывод о том, что в него входят: а) соответствующий закон, формализующий конкретную гарантию; б) уголовно-процессуальная форма; в) принципы уголовного судопроизводства; г) обеспечительная деятельность обязанных субъектов (государственных органов и должностных лиц). Также определена значимость гарантий для нивелирования «уязвимости» личности перед цифровыми технологиями, внедряемыми в уголовно-юрисдикционную деятельность.

При этом заострено внимание на том, что принципы уголовного судопроизводства могут быть составным элементом сразу нескольких уголовно-процессуальных гарантий одновременно, а также могут сосуществовать в рамках одной из них, в связи с чем являются основанием для формирования их новых видов сообразно появлению законных интересов, нуждающихся в обеспечении.

В заключение подчёркнуто, что формирование новых уголовно-процессуальных гарантий осуществляется путём законотворческой деятельности, а также легитимацией судебной и правоприменительной практикой объективно существующих законных интересов, основанных на принципах уголовного судопроизводства.

§ 2. Формирование системы гарантий обеспечения прав личности при применении цифровых технологий в ходе производства по уголовному делу.

В рамках предыдущего параграфа нами акцентировалось внимание на том, что критерием признания законных интересов личности в уголовном процессе для установления соответствующих гарантий возможности их реализации, является соответствие принципам уголовного судопроизводства.

Из этого делался вывод, что именно посредством придания путём коррекции правоприменительной практики и нормотворчества легального статуса законным интересам граждан, базирующимся на принципах уголовного судопроизводства, происходит восполнение правовых пробелов и актуализация уголовно-процессуальных гарантий динамично изменяющимся общественным отношениям.

Такое понимание значения принципов для формирования гарантий в уголовном судопроизводстве разделяют и представители отечественной науки. Например, А.А. Коомбаев справедливо отмечает, что: «закрепление в законах принципов правового положения личности и его структурных элементов означает для личности появление её новых правовых возможностей. Новые правовые возможности, вытекающие из принципов правового положения личности, обогащают его содержание, равно как и содержание его структурных элементов, в первую очередь его основу – субъективные права, обязанности и законные интересы»[101].

Схожей позиции придерживается и В.Ю. Мельников, который утверждает, что именно система принципов играет концептуальную роль в обеспечении гарантий прав личности в уголовном судопроизводстве[102].

Учитывая обусловленные развитием цифровой среды динамичные изменения, как всего общества в целом, так и его уголовно-процессуальной сферы в частности, у лиц, вовлечённых в орбиту уголовного судопроизводства, возникают определённые законные интересы, требующие признания и гарантийного обеспечения со стороны государства.

Принимая во внимание возможность одновременного существования одного и того же уголовно-процессуального принципа в составе нескольких отдельных гарантий в уголовном судопроизводстве, а также сосуществования разных принципов в рамках конкретной гарантии, их новые виды, формируемые для целей обеспечения появляющихся в ходе цифровизации

[101] Коомбаев А.А. Указ. соч. С. 37 - 39.

[102] См. например: Мельников В.Ю. Обеспечение прав граждан в ходе досудебного производства. М., 2006. С. 37.; Мельников В.Ю. Механизм обеспечения, реализации и защиты прав человека в уголовном судопроизводстве. М., 2013. С. 128.

уголовного судопроизводства законных интересов личности, представляется обоснованным систематизировать по основанию наличия в их объёме конкретного принципа.

Таким образом, в рамках настоящего параграфа мы рассмотрим текущее состояние и перспективы дальнейшего формирования гарантий прав личности при применении цифровых технологий в производстве по уголовному делу, разделив на группы, в зависимости от лежащего в их основе принципа уголовного судопроизводства.

При этом для наглядности в первую очередь следует обратиться к принципу «права на доступ к правосудию», законные интересы личности в рамках которого уже в значительной степени снабжены уголовно-процессуальными гарантиями, и лишь во вторую к принципам, разработка гарантий в рамках которых находится на повестке дня современного уголовного процесса в период его цифровой трансформации.

Законным интересом, сопряжённым с принципом права на доступ к правосудию, будет желание личности иметь максимально простые и оперативные возможности инициировать должную правовую реакцию государства в лице его компетентных органов и должностных лиц на нарушения её прав и свобод.

Следует отметить, что не все представители юридической науки признают право на доступ к правосудию в качестве отдельного принципа уголовного судопроизводства. Так, например, ряд исследователей указывает, что оно является, скорее, гарантией, обеспечивающей реализацию права на защиту в уголовном судопроизводстве[103].

[103] См. например: Иванов В.В. Проблемы реализации и конституционные гарантии конституционного права потерпевшего на доступ к правосудию и судебную защиту: дисс. … канд. юрид. наук. Самара, 2004. С. 8.; Баранов И.В. Проблемы реализации и процессуальные гарантии конституционного права потерпевшего на доступ к правосудию и судебную защиту: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2004. С. 7.; Бородинова Т.Г., Бабенко И.А., Губко И.В. Актуальные проблемы обеспечения доступа к правосудию в уголовном судопроизводстве // Научно-практическое пособие / Бородинова Т. Г., Бабенко И. А., Губко И. В. Краснодар, 2018. С. 8.

Впрочем, исходя из описанных нами в рамках предыдущего параграфа настоящей главы сущностных характеристик уголовно-процессуальных принципов, считаем более обоснованной позицию исследователей, полагающих, что право на доступ к правосудию, является отдельным непоименованным в УПК РФ, производным от ст. 52 Конституции Российской Федерации принципом уголовного судопроизводства[104].

Так, данное принципиальное положение отражает совокупность политических, правовых и ценностных устремлений государства к такому построению уголовного судопроизводства, при котором каждый гражданин в случае угрозы его правам, свободам и законным интересам, будет иметь оперативную возможность инициировать разбирательство со стороны государственных органов в лице их должностных лиц.

В этой связи достойна упоминания позиция Д.А. Гришина, отмечавшего, что: «данное правомочие определённо имеет статус фундаментального положения уголовного судопроизводства, так как является важнейшим средством коммуникации заинтересованных лиц с судами в ходе производства по уголовному делу и применяется на всех стадиях исследуемой деятельности» [105] . Иными словами, указанный правовед подтверждает «сквозной» характер действии права на доступ к правосудию, как необходимый признак уголовно-процессуального принципа.

Справедливость поддержанного нами подхода обосновывается и тем, что данный принцип положен в основу разрабатываемой авторским коллективом

[104] См. например: Топилина Т.А. Право на доступ к правосудию как принцип уголовного судопроизводства // Право и политика. 2020. №4. С. 49 – 58.; Воскобитова Л.А. Механизм реализации судебной власти посредством уголовного судопроизводства: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2004. С. 20.; Володина Л.М. Право на доступ к правосудию // Бюллетень Уральского отделения Международной ассоциации содействия правосудию. 2010. № 1 (3). С. 35.; Нуждин А.А. Реализация принципа законности в процессе расследования и предупреждения пенитенциарных преступлений // Правовая культура в современном обществе. Сборник научных статей. Могилёв, 2022. С. 390.

[105] Гришин Д.А. Правовой статус личности в условиях цифровизации уголовного судопроизводства. М.: Юрлитинформ, 2025. С. 87.

под руководством Л.Н. Масленниковой [106] модели построения уголовного судопроизводства, гарантирующего доступность правосудия в цифровую эпоху.

Указанными исследователями особо отмечено, что перспективная модель должна базироваться на терминологической определённости в части обозначения и разграничения объёмов таких понятий, как «доступность правосудия», «доступ к правосудию» и «право на доступ к правосудию»[107], в связи с чем представляется целесообразным также кратко остановиться на этом вопросе.

Решая собственную задачу, вышеуказанный авторский коллектив определил, что доступность правосудия следует определять через информированность членов гражданского общества о возможностях, порядке и способах защиты своих прав, в связи с чем она представляет собой, скорее, элемент правовой культуры, нежели уголовно-процессуальное явление. При этом под доступом к правосудию понимается досудебный этап производства по уголовному делу, позволяющий установить пределы уголовного преследования in rem и in personam и основания для рассмотрения дела судом по существу, в то время как право на доступ к правосудию – притязания личности на деятельность правоохранительных органов по расследованию уголовного дела и суда по его разрешению[108]. Из этого определения представители научного сообщества делают вполне обоснованный вывод о том, что право на доступ к правосудию органически разделяется на 2 этапа: следственный и судебный[109].

В этой связи следует упомянуть положение статьи 8 УПК РФ, согласно которой отправление правосудия по уголовному делу – есть исключительная прерогатива суда. С учётом этого, в доктрине также существует мнение, что

---

[106] См. подробнее: Масленникова Л. Н. Концептуальный подход к построению уголовного судопроизводства, обеспечивающего доступ к правосудию в условиях развития цифровых технологий // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2020. №10 (74). С. 56.

[107] Там же. С. 57.

[108] Подробнее см.: Масленникова Л.Н., Топилина Т.А. Доступ к правосудию и проблемы его ограничения в уголовном судопроизводстве // Юридические исследования. 2020. №7. С. 20.

[109] См.: Мичурина О.В., Тютерева Ю.С. Дистанционный порядок производства по уголовному делу. М., 2025. С. 48.

доступ к правосудию предполагает возможность заинтересованного лица обращаться за защитой и восстановлением своих прав именно в суд, что на досудебном этапе производства по уголовному делу может выражаться в обжаловании действий и бездействий лиц, ведущих производство по уголовному делу[110].

В рамках данной дискуссии нам представляется, что двухзвенная структура рассматриваемого принципа более обоснована, так как, коль скоро суд в силу прямого указания ч. 3 ст. 15 УПК РФ не является органом уголовного преследования, то защита прав личности, потерпевшей от преступления, и восстановление социальной справедливости посредством вынесения приговора будут невозможны (за исключением дел частного обвинения) без обращения в органы предварительного расследования, уполномоченные возбуждать уголовное дело в соответствии с ч. 1 ст. 146 УПК РФ. В частности, именно постановлением лица, ведущего производства по делу, в соответствии с ч. 1 ст. 42 УПК РФ по общему правилу формализуется процессуальный статус потерпевшего.

В этой связи считаем целесообразным начать рассмотрение цифровых гарантий права на доступ к правосудию именно с досудебного этапа производства по уголовному делу.

По справедливому замечанию Л.А. Воскобитовой от своевременной реакции органов предварительного расследования на заявление лица, которому преступлением причинён вред, в виде возбуждения уголовного дела, напрямую зависит сама возможность его доступа к правосудию[111]. В связи с этим особую актуальность приобретают проблемы уклонения обязанных органов и их должностных лиц от регистрации сообщений о совершении преступления и надлежащего проведения доследственной проверки в порядке ст. 144 УПК РФ и

[110] См. например: Гришин Д.А. Указ. соч. С. 93 – 96

[111] См.: Воскобитова Л.А. Возбуждение и прекращение уголовного дела: анализ следственной практики // Уголовное судопроизводство. 2010. № 2. С. 3.

принятия по её результатам соответствующего процессуального решения[112], а также чрезмерное затягивание сроков таких проверок[113]

В целях разрешения данной проблемы предлагается введение полноценной[114] возможности подачи заявления о совершении преступления и отслеживания статуса его доследственной проверки посредством специального онлайн-сервиса[115]. Так, введение подобной системы, в качестве составного элемента цифровой трансформации досудебного производства предлагается научными коллективами под руководством Л.Н. Масленниковой и С.В. Зуева. В частности, в качестве инструмента идентификации заявителя предлагается интегрировать в соответствующую систему процедуру регистрации через портал «Госуслуг». Решение проблемы предупреждения об уголовной ответственности по ст. 306 УК РФ при подаче заявления о совершении преступления в электронном виде, которую выделяют некоторые отечественные учёные-процессуалисты, вышеуказанные исследователи предлагают разрешить посредством проставления заявителем галочки в специальной онлайн-форме[116].

---

[112] Подробнее см.: Актуальные проблемы обеспечения прав участников уголовного судопроизводства: монография / М.А. Аширбекова, В.М. Быков, И.С. Дикарев [и др.]: под ред. Н.С. Мановой. М., 2016. С. 63 – 67.; Малышева О.А. Трансформация досудебного уголовного производства в условиях цифровизации: тенденции и риски / О.А. Малышева // Тенденции уголовной политики России на современном этапе развития общества, Ижевск, 2024. С. 44.

[113] См.: Камчатов К.В. Механизмы доступа потерпевших к правосудию: состояние и тенденции развития / К.В. Камчатов // Сборник научных трудов по материалам Международной конференции, Академия управления МВД России. М., 2023. С. 176.

[114] На момент подготовки настоящей работы действующей редакцией ч. 1 ст. 474.2. УПК РФ исключена подача заявления о совершении преступления в рамках электронного документооборота, а заявления, подаваемые посредством ведомственных электронных сервисов, не смотря на наличие Приказа МВД России от 29 августа 2014 года № 736, предусматривающего такую возможность, в подавляющем большинстве случаев рассматриваются в порядке и сроки, установленные Федеральным законом от 2 мая 2006 года № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации».

[115] Подробнее см.: Малышева О.А. Совершенствование начального этапа досудебного производства в условиях цифровой трансформации / О.А. Малышева // Развитие учения о противодействии расследованию преступлений и мерах по его преодолению в условиях цифровой трансформации. М., 2021. С. 392-400; Андреева О.И. Правовое регулирование уголовно-процессуальных отношений в цифровую эпоху / О.И. Андреева, О.А. Зайцев // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 455. С. 192 - 194.

[116] См.: Масленникова Л. Н. Концептуальный подход к построению уголовного судопроизводства, обеспечивающего доступ к правосудию в условиях развития цифровых

Для примера Л.Н. Масленниковой приводится опыт Федеративной Республики Германия, в которой параграфом 158 Уголовно-процессуального кодекса[117] предусматривается возможность подачи сообщения о преступлении с помощью сети Интернет посредством заполнения формуляра на специализированном сервисе «Onlinewache». При этом идентификация осуществляется посредством данных «личного кабинета» и IP заявителя[118].

Кроме того в рассматриваемом контексте небезынтересно упомянуть опыт Казахстана, который, несмотря на то, что как и Россия организовывал свою систему уголовного судопроизводства посредством модификации советского уголовно-процессуального законодательства, на сегодняшний день достиг значительных успехов в построении высокотехнологичного уголовного процесса, основанного на информационных технологиях. Так, для нивелирования «искусственной латентности преступлений», вызванной сокрытием органами предварительного расследования заявлений о совершении преступлений, в Казахстане создан электронный «Единый реестр досудебных расследований»[119], в который, в соответствии с Правилами ведения ЕРДР[120], попадают все заявления о совершении преступлений с присвоением им уникального номера в «Книге учёта информации»[121] – аналоге отечественной «Книги учёта заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях»[122], с помощью которого заявитель может отслеживать дальнейшие действия правоохранительных органов по

технологий // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2020. №10 (74). С. 58 – 59.; Высокотехнологичный уголовный процесс: монография / под ред. Докт. юрид. наук С.В. Зуева, докт. юрид. наук Л.Н. Масленниковой. М., 2023. С. 115 – 117.

[117] Далее – УПК ФРГ.

[118] Подробнее смотрите: Масленникова Л.Н., Сушина Т.Е. Опыт цифровизации уголовного судопроизводства Федеративной Республики Германия… и возможности его использования при цифровизации уголовного судопроизводства России. Актуальные проблемы российского права. 2020. 15(6). С. 214-224.

[119] Далее - ЕРДР.

[120] Утверждены Приказом Генерального Прокурора Республики Казахстан от 19 сентября 2014 года № 89.

[121] Далее - КУИ.

[122] Далее - КУСП.

рассмотрению его заявления [123]. С регистрацией заявления о совершении преступления ст. 179 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан связывает начало досудебного производства по уголовному делу.

Не менее важной гарантией реализации права на доступ к правосудию в рамках доследственной проверки сообщения о совершении преступления является оперативное информирование заявителя о процессуальном решении, принятом по её результатам в порядке ч. 2 ст. 145 УПК РФ.

В частности, Топилина Т.А. в своём диссертационном исследовании, посвящённом доступу к правосудию в условиях цифровизации, обратила внимание на целесообразность введения электронной системы информирования заявителя о результатах рассмотрения его заявления о совершении преступления, приводя в пример позитивный зарубежный опыт. Так, системы с похожим функционалом реализованы в ФРГ, Испании, Франции, а также в КНР, где гражданин в любой момент может получить информацию о рассмотрении его заявления посредством мессенджера WeChat[124].

Оперативное информирование участников уголовного судопроизводства находится в фокусе внимания исследователей проблем реализации права на доступ к правосудию на досудебном этапе производства по уголовному делу. В частности, по справедливому замечанию О.И. Андреевой и О.А. Зайцева, методы информирования, используемые следственными органами (посредством почтовых отправлений, телеграфа и т.д.), не отвечают потребностям и ожиданиям современного общества, а также затрудняют производство по делу[125].

На своевременное получение лицами, участвующими в производстве по уголовному делу, информации о совершённых или готовящихся

[123] Подробнее о системе ЕРДР и цифровизации досудебного производства Казахстана см.: Садвакасова А.Т, Ханов Т.А. О новой системе учета и регистрации заявлений, сообщений и иной информации об уголовных правонарушениях // Всероссийский криминологический журнал. 2019. №2. С. 340 – 353.

[124] Подробнее см.: Топилина Т.А. Доступ к правосудию в уголовном судопроизводстве в условиях развития цифровых технологий. дисс. … канд. юрид. наук. М., 2022. 285 с.

[125] См. подробнее: Андреева О.И., Зайцев О.А. Перспективы ведения российского уголовного судопроизводства в электронном формате // Уголовная юстиция. 2018. № 12. С. 57.

процессуальных действиях направлен, в том числе и «электронный документооборот», как гарантия доступного правосудия.

Путём анализа позиций учёных-процессуалистов, разрабатывающих концепции внедрения в отечественное уголовное судопроизводство сервисов электронного документооборота, можно заключить, что данное понятие выражается в виде взаимосвязи определённых элементов.

А) Система электронного информирования участников уголовного судопроизводства, которая подразумевает возможность получения повесток, извещений и процессуальных документов на досудебном этапе производства по делу в электронном виде гражданином, давшим соответствующее согласие.

Подобная система электронного взаимодействия апробирована практическим опытом ряда иностранных государств, таких как: ФРГ, Латвия и Новая Зеландия, в связи с чем рассматривалась исследователями как перспективная для применения в РФ [126]. Указанную позицию разделил и отечественный законодатель. Федеральным законом от 25 декабря 2023 года № 672-ФЗ УПК РФ дополнен статьёй 474.2, часть 6 которой предусматривает направление участникам уголовного судопроизводства повесток и уведомлений в форме электронного документа.

Б) Возможность направления ходатайств, жалоб, обращений по уголовному делу, а также получения процессуальных документов в электронной форме также, будучи составной частью электронного документооборота, является необходимым элементом гарантий права на доступ к правосудию.

При этом следует отметить, что в виду отсутствия единообразного понимания как в доктрине, так и в правоприменительной практике сущности электронного документа в уголовном судопроизводстве, следует согласиться с широкой трактовкой его содержания, в соответствии с которой он может быть

[126] См. например: Высокотехнологичный уголовный процесс: монография / под ред. докт. юрид. наук С.В. Зуева, докт. юрид. наук Л.Н. Масленниковой. М., 2023. С. 1113 – 114.

создан как изначально в цифровой форме [127], так и являться электронным образом бумажного носителя.

В Российской Федерации предусмотрены возможности, как подачи процессуальных документов на этапе досудебного производства по уголовному делу в электронном виде, так и их получения. В частности, в соответствии с ч. 1 ст. 474.2 УПК РФ в форме электронного документа, заверенного усиленной квалифицированной электронной подписью, могут направляться ходатайства, заявления, жалобы, представления, требования по уголовному делу, при этом для ходатайств об ознакомлении с материалами уголовного дела и получении их копий, а также об участии в следственных действиях предусмотрена возможность заверения простой электронной подписью.

В свою очередь гражданин, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, имеет право получать от лиц, ведущих производство по уголовному делу, копии постановления, обвинительного заключения, обвинительного акта, обвинительного постановления и копии иных процессуальных документов в электронном виде, заверенном усиленной квалифицированной электронной подписью (ч. 3 ст. 474.2 УПК РФ).

Как отмечают учёные-процессуалисты, в частности, Д.А. Печегин, подобные системы электронного взаимодействия в том или ином виде реализованы в Швейцарии, Сингапуре, ФРГ, США, Великобритании и других странах [128].

В) Ведение «электронного уголовного дела» [129]. Так, разработчики концепции «единого онлайн-сервиса» производства по уголовному делу обращают внимание на то, что целесообразно хранить в электронном виде: а) сведения о лицах, участвующих в производстве по уголовному делу; б) процессуальные документы, поступившее в электронном виде в порядке

---

[127] См. например: Янковая В.Ф. Понятия «Электронный документ» и «Архивный электронный документ» // Делопроизводство. 2019 № 3. С. 10 – 16.

[128] См. подробнее: Печегин Д.А. Информационные технологии в уголовной юстиции: зарубежные тенденции и проблемные аспекты // Российская юстиция. 2021. № 9. С. 27-29.

[129] Подробнее см.: Андреева О.И. К вопросу о перспективах развития уголовного процесса в условиях цифровизации общественных отношений / О.И. Андреева // Судебная реформа в современной России: результаты, проблемы и перспективы. Краснодар, 2020. С. 14 - 16.

ст. 474.2. УПК РФ; в) отсканированные в формате PDF материалы, хранящиеся в уголовном деле на бумажных носителях[130]; г) видеозаписи следственных действий (допроса, очной ставки, опознания), проводящихся посредством систем ВКС в порядке ст. 189.1 УПК РФ.

При этом дачу разрешения участникам уголовного судопроизводства на ознакомление с материалами уголовного дела в электронной форме, равно как и определение объёма возможного доступа, предлагается оставить в дискреции лица, ведущего производство по уголовному делу.[131]

В качестве примера юрисдикции, где реализована возможность ознакомления с уголовным делом «онлайн», исследователями приводится ФРГ, ст. ст. 32f и 147 УПК которой позволяют обвиняемому и его защитнику посредством государственной системы «eA» получать доступ к «электронному досье», содержащему электронные и отсканированные документы по уголовному делу[132]. Сходные системы получили практическую апробацию также в ОАЭ, Грузии и Казахстане[133].

Впрочем, справедливым будет упомянуть, что насчёт целесообразности «оцифровки» материалов уголовного дела в отечественной научной среде нет единого мнения. Так, некоторые учёные обоснованно указывают на ряд проблем, которые на данном этапе препятствуют полноценному её внедрению в правоприменительную практику, в частности: а) представляется невозможным исследование, в том числе и экспертное, переведённых в электронную форму

---

[130] Подробнее см.: Уголовно-юрисдикционная деятельность в условиях цифровизации : монография / Голованова Н.А., Гравина А.А., Зайцев О.А. и др. ; редкол.: О.А. Зайцев, В.П. Кашепов, И.И. Кучеров, О.А. Степанов ; ИЗиСП. - Москва : КОНТРАКТ, 2019. С. 145 - 146.

[131] См. например: Высокотехнологичный уголовный процесс: монография / под ред. докт. юрид. наук С.В. Зуева, докт. юрид. наук Л.Н. Масленниковой. М. 2023. С. 113 – 114.; Масленникова Л.Н. К вопросу о политическом значении цифровизации досудебного производства в уголовном процессе // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 3. С. 34 – 36.

[132] См. например: Мичурина О.В., Тютерева Ю.С. Указ. соч. С. 72 – 74.; Информационные технологии в уголовном процессе зарубежных стран: монография / под. ред. докт. юрид. наук С.В. Зуева. М. 2020. С. 116.

[133] Малышева О.А. Применение следователем информационно-коммуникационных технологий при производстве следственных действий: риски и пути их преодоления / О.А. Малышева, П. А. Самсонов // Журнал российского права. 2024. Т. 28, № 2. С. 76.

образов вещественных доказательств по уголовному делу; б) «дублирование» материалов уголовного дела с физических носителей на электронные требует значительных людских и материальных ресурсов; в) в силу специфики хранения электронной информации, существует вероятность утраты конфиденциальности и компрометации материалов уголовного дела[134].

Совокупность рассмотренных нами элементов электронного документооборота является дополнительной цифровой гарантией права на доступ к правосудию, на что справедливо указывал, в частности, авторский коллектив под руководством С.В. Зуева[135].

Судебная стадия производства по уголовному делу также требует дополнительных цифровых гарантий реализации права на доступ к правосудию.

Так, Д.А. Гришин отмечает, что основными из них являются: а) возможность подачи процессуальных документов (ходатайств, жалоб, и т.д.) в электронной форме, б) информирование о движении уголовного дела в суде посредством информационных технологий, в) дистанционное участие в судебных заседаниях с использованием систем видео-конференц-связи (ВКС), г) возможность ознакомления с материалами уголовного дела в дистанционном формате[136].

При этом справедливым будет отметить, что большая часть данных гарантий получила закрепление в отечественной системе уголовного судопроизводства. В частности, по справедливому замечанию профильных исследователей, введение ст. 474.1 УПК, в соответствии с которой любой участник процесса при наличии технической возможности наделен правом подачи в суд ходатайства (заявления, жалобы, представления) в форме электронного документа, подписанного электронной подписью, значительно расширило возможность дистанционного участия граждан в производстве по

[134] Подробнее см.: Головко Л.В. Цифровизация в уголовном процессе: локальная оптимизация или глобальная революция // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. С. 18.
[135] См.: Высокотехнологичный уголовный процесс: монография / под ред. докт. юрид. наук С.В. Зуева, докт. юрид. наук Л.Н. Масленниковой. М., 2023. С. 122 – 123.
[136] См.: Гришин Д.А. Указ. соч. С. 100 – 102.

уголовному делу[137]. Также, участие в судебном заседании посредством систем ВКС регулируется ст. 241.1 УПК РФ. Кроме того, Приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 25 декабря 2013 года № 257 предусмотрено информирование участников уголовного судопроизводства о судебных заседаниях посредством СМС-сообщений.

Подводя итог рассмотрению гарантий доступа к правосудию в уголовном судопроизводстве в условиях цифровизации, следует отметить, что объединяющей категорией для них будет являться «дистанционный порядок производства по уголовному делу», включающей в себя все описанные нами виды электронного взаимодействия в ходе производства по уголовному делу[138]. Кроме того, организация государством дистанционного порядка производства по уголовному делу рассматривается в качестве единой самостоятельной гарантии доступности правосудия в Российской Федерации[139].

Формирование указанных уголовно-процессуальных гарантий, составляющих в своей совокупности дистанционный порядок производства по уголовному делу, сопряжено и с рядом других принципов уголовного судопроизводства.

Так, установленный в ст. 19 Конституции принцип равенства граждан перед законом и судом в условиях интеграции электронных технологий в производство по уголовному делу, трансформируется в «цифровое равенство», как стандарт современного уголовного судопроизводства, на что обращают внимание отечественные учёные-процессуалисты[140].

---

[137] См. например: Научные концепции развития российского законодательства: монография / Хабриева Т.Я., Тихомиров Ю.А., Авхадеев В.Р. и др.; под ред. Т.Я. Хабриевой, Ю.А. Тихомирова; ИЗиСП. - 8-е изд., перераб. и доп. М., 2024. С. 474.

[138] См. подробнее: Мичурина О.В., Тютерева Ю.С. Указ. соч. С. 23.

[139] См. подробнее: Правовые и организационно-технологические гарантии уголовного судопроизводства: монография /под ред . докт. юрид. наук Зуева С.В. М., 2025. С. 19 – 21, 27 – 28.; Мичурина О.В., Тютерева Ю.С. Дистанционный порядок производства по уголовному делу. М., 2025. С. 34-35.

[140] См. например: Высокотехнологичный уголовный процесс: монография / под ред. докт. юрид. наук С.В. Зуева, докт. юрид. наук Л.Н. Масленниковой. М., 2023. С. 39 - 41.; Задорожная В. А. Цифровое равенство при взаимодействии граждан с органами, ведущими производство по уголовным делам // Пермский юридический альманах. 2023. №6. С. 485 - 494.

Законным интересом граждан, требующим обеспечение их «цифрового равенства», является желание иметь реальную возможность участвовать в производстве по уголовному делу в дистанционной форме. Например, именно с затруднительностью (в том числе и финансовой дороговизной) обеспечения равных условий доступа к системам электронного документооборота ряд отечественных исследователей, в том числе и сотрудников Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, связывали потенциальные риски внедрения систем электронного документооборота[141].

В наиболее общем виде «цифровое равенство» можно рассматривать как комплекс гарантий материально-технического характера, позволяющих нивелировать детерминированную личностными (возрастом, уровнем образования, навыками владения компьютером и т.д.), географическими (спецификой предоставления доступа в сеть Интернет в удалённых районах РФ), а также экономическими (финансовыми трудностями приобретения электронных устройств для определённых групп населения) факторами разницу возможностей лиц, вовлечённых в сферу уголовного судопроизводства, участвовать в дистанционном порядке производства по делу[142]. Учитывая, что обеспечение цифрового равенства осуществляется в основном внеправовыми способами, подробное рассмотрение соответствующих гарантий не будет являться предметом настоящего исследования.

Дистанционный порядок производства по уголовному делу также сопряжён с принципом осуществления уголовного судопроизводства в разумный срок, установленным п. «с» ч. 3 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, и формализованным в отечественном

---

[141] См. подробнее: Уголовно-правовые гарантии суверенитета государства (сравнительно-правовое исследование): научно-практическое пособие / Артемов В.Ю., Белялова А.М., Борисов С.В. и др.; отв. ред. И.И. Кучеров, С.Л. Нудель, О.И. Семыкина; ИЗиСП. М., 2023. 352 с.

[142] См. подробнее: Правовые и организационно-технологические гарантии цифрового уголовного судопроизводства: монография /под ред . докт. юрид. наук Зуева С.В. М., 2025. С. 106 -108.

законодательстве в 2010 году путём введения ст. 6.1. УПК РФ[143]. Так как его содержанием является сокращение времени от начала изобличительной деятельности до разрешения уголовно-правового конфликта путём вынесения приговора или прекращения уголовного преследования, для обеспечения его реальной реализации требуется инструмент, ускоряющий взаимодействие между лицами, участвующими в производстве по уголовному делу, а также редуцирующий временные затраты [144], которые требует организация физического присутствия участников процессуальных действий. В качестве такого инструмента учёными-процессуалистами, такими как О.В. Мичурина и Ю.С. Тютерева [145], рассматривается введение в уголовное судопроизводство элементов дистанционного производства по уголовному делу.

Равным образом, указанные исследователи отмечают взаимосвязь дистанционных процедур уголовного судопроизводства с совершенствованием гарантий безопасности жизни и здоровья его участников [146]. Учёные-процессуалисты, придающие самостоятельное значение принципу обеспечения безопасности личности при производстве по уголовному делу, отмечают, что он имеет две формы выражения[147].

Во-первых, ч. 1 ст. 9 УПК РФ запрещает осуществление производства по уголовному делу способами, ставящими под угрозу жизнь и здоровье граждан. В связи с этим, при наличии ситуаций чрезвычайного характера, например в

[143] Подробнее см.: Семченко С.С. Принцип разумного срока в уголовном судопроизводстве с точки зрения решений Европейского Суда по правам человека и практики судов РФ // СибСкрипт. 2013. №4 (56). С. 206-211.; Лебедева А.А. Принцип «Разумный срок уголовного судопроизводства» // СтройМного. 2016. №4 (5).

[144] См. например: Малышева О.А. Процессуальные гарантии прав участников следственных действий, производимых с применением системы видео-конференц-связи / О.А. Малышева // Lex Russica (Русский закон). 2022. Т. 75, № 6(187). С. 76

[145] См. например: Мичурина О.В., Тютерева Ю.С. Дистанционный порядок производства по уголовному делу. М., 2025. С. 35

[146] Там же: С. 38 – 43.

[147] Богинский М. М. Основы механизма обеспечения безопасности личности в уголовном судопроизводстве // Право и управление. 2022. №9. С. 166 – 170.; Базюк М.Л. Охрана прав и свобод человека и гражданина как принцип российского уголовного судопроизводства: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2009. С. 12.; Зарипов Ф.Ф. Обеспечение безопасности участников уголовного процесса как самостоятельный принцип российского уголовного судопроизводства // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2016. №2. С. 92-94.

случае неблагоприятной санитарно-эпидемиологической обстановки, организация дистанционного порядка производства по уголовному делу становится дополнительной гарантией безопасности личности, позволяя минимизировать физическое взаимодействие участников уголовного судопроизводства. В связи с этим, по справедливому замечанию некоторых исследователей, пандемия COVID-19 способствовала развитию дистанционных форм производства по уголовному делу[148].

Во-вторых, использование дистанционных технологий может выступать дополнительной гарантией государственной защиты лиц, в отношении которых применяются меры безопасности по основаниям, указанным в ч. 3 ст. 11 УПК РФ[149].

Кроме того, законным интересом, сопряжённым с принципом обеспечения подозреваемому/обвиняемому права на защиту, является желание указанных лиц, содержащихся под стражей в следственном изоляторе, иметь возможность оперативно, без временных затрат на получение адвокатом допуска на территорию соответствующего учреждения, реализовывать право на конфиденциальные свидания с защитником. Федеральным законом от 8 августа 2024 года № 267-ФЗ, данный законный интерес получил гарантию в виде закрепления в УПК РФ возможности свидания адвокатов с находящимися в СИЗО подзащитными посредством ВКС.

Основанием для выделения ещё одной группы гарантий прав личности в условиях цифровизации являются принципы законности и обоснованности применения уголовно-процессуального принуждения.

Для обозначения содержания данных основополагающих положений уголовного судопроизводства считаем целесообразным отдельно определить значение понятий «принуждение» и «законность» и «обоснованность».

---

[148] См. например: Зайцев О.А. Обеспечение конституционных прав и свобод участников уголовного судопроизводства в условиях пандемии COVID-19 // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 11. С. 91 - 108.

[149] См. подробнее: Мичурина О.В., Тютерева О.С. Указ. соч. С. 41 – 42; Малышева О.А. Нравственные основы применения следователем цифровых технологий в процессе доказывания / О.А. Малышева // Судебная власть и уголовный процесс. 2023. № 3. С. 28.

Анализ исследований отечественных учёных-процессуалистов свидетельствуют, что смежными понятиями для принуждения являются «ограничение» [150] и «государственное вторжение» [151] в охраняемую законом сферу гражданина. Они характеризуются общей структурой, которую можно обозначить, как: воздействующий субъект > деятельность по принудительному ограничению > объект воздействия, через элементы которой считаем целесообразным установить содержание «уголовно-процессуального принуждения».

Если касательно характеристики субъекта, осуществляющего принуждение в рамках уголовного процесса, не может быть какой-либо дискуссии в виду реализуемой в Российской Федерации монополии государства в лице его компетентных органов и должностных лиц на его формализованное применение, то конкретный объект их принудительного воздействия вызывает дискуссию в научном сообществе.

Так, ряд исследователей отмечает, что объектом уголовно-процессуального принуждения выступает воля принуждаемого, в виду чего оно осуществляется либо путём ограничения свободы волевого определения собственного поведения, либо в понуждении к несвоевольному подчинению определённому правилу [152] . Другие учёные утверждают, что объектом принуждения являются права, свободы и законные интересы конкретного лица[153]. На наш взгляд правы те исследователи, которые указывают, что объект уголовно-процессуального принуждения представляет собой комплексное

---

[150] См. например: Петрикин В.Ю. Обеспечение имущественных прав граждан при применении мер уголовно – процессуального принуждения: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2007. С. 10.

[151] См. например: Васильева Е.Г. Меры уголовно – процессуального принуждения: монография. Уфа. 2003. 136 с.

[152] См. например: Ардашкин В.Д. О принуждении по советскому праву // Советское государство и право. 1970. № 7. С. 33 – 39.; Демидов П.В. Частное правовое принуждение как категория современной теории права: научные и практические проблемы. дисс. … канд. юрид. наук. Н. Новогород. 2005. 156 с.

[153] См. например: Ребане И. А. Убеждение и принуждение в деле борьбы с посягательствами на советский правопорядок. — Ученые записки Тартуского государственного университета. Труды по правоведению. Тарту. 1966. С 176 – 182.; Прокофьева С. М., Султанкан Б. Реализация принципа законности при применении мер уголовно-процессуального принуждения // Вестник экономической безопасности. 2009. №5. С. 73 – 77.

явление, включающее в себя, как элементы правового положения личности (права, свободы, законные интересы), так и свободу воли человека[154].

В качестве примера, иллюстрирующего обоснованность данного подхода, можно привести частный случай уголовно-процессуального принуждения – меры пресечения. Так, при избрании меры пресечения в виде домашнего ареста (ст. 107 УПК РФ), имеет место, как воздействие на волю личности в виде понуждения к ограничению собственного поведения (не покидать установленное место содержания под домашним арестом) и несвоевольному подчинению порядку исполнения меры пресечения (например, ношению электронного браслета), так и на элементы его правового статуса (свободу передвижения).

Рассматривая деятельностный аспект уголовно-процессуального принуждения, следует отметить, что оно может выражаться в самых разных формах, вариативность которых обусловлена, в том числе и тем, что принуждение является «сквозной» категорией уголовного судопроизводства, проявляющейся не только в формализованных мерах, предусмотренных разделом IV УПК РФ, но и, например, в ходе производства следственных действий. Однако для всех мер возможного принудительного воздействии есть общее условие – они должны отвечать критерию законности.

Таким образом можно заключить, что под уголовно-процессуальным принуждением подразумеваются предусмотренные законом формы принудительного воздействия государства на волевое самоопределение, а также на права, свободы и законные интересы лиц, участвующих в производстве по уголовному делу, с целью побуждения к исполнению требований правовых норм или воздержанию от их нарушения.

Принцип законности, предусмотренный ч. 1 ст. 7 УПК РФ, являясь общеправовым [155], пронизывает все отношения, регулируемые нормами

---

[154] См. например: Тутынин И.Б. Теоретические основы уголовно процессуального принуждения имущественного характера. М., 2022. С. 16. С. 14

[155] См. например: Цатурян Т.В. Общеправовой принцип законности: понятие и сущность // Проблемы экономики и юридической практики. 2014. №2. С. 113 – 115.

уголовно-процессуального права, возникающие в ходе производства по уголовному делу.

Применительно к уголовно-процессуальному принуждению «законность» означает, что основной предпосылкой обеспечения прав, свобод и законных интересов лиц от неправомерного ограничения со стороны государственных органов, участвующих в уголовном судопроизводстве, является строгое соблюдение положений закона, регламентирующих порядок и условия применения такого принуждения[156].

Под «обоснованностью» применения уголовно-процессуального принуждения подразумевается необходимость установления совокупности фактов, сведений, обстоятельств, убедительных доводов, иными словами, данных, свидетельствующих о наличии оснований для его применения[157].

Справедливым будет подчеркнуть, что, в отличие от рассмотренного нами дистанционного порядка производства по уголовному делу, система гарантий прав личности от незаконного и необоснованного ограничения в результате применения уголовно-процессуального принуждения в цифровую эпоху находится на этапе формирования, в виду чего одной из целей нашего исследование является разработка предложений по их совершенствованию.

В зависимости от конкретной охраняемой законом области интересов личности, на которую непосредственно направлена ограничительная деятельность государственных органов, уголовно-процессуальное принуждение разделяется на: психологическое, физическое и имущественное, с чем соглашаются и представители научного сообщества, исследующие данный вопрос[158].

---

[156] См. подробнее: Прокофьева С. М., Султанкан Б. Реализация принципа законности при применении мер уголовно-процессуального принуждения // Вестник экономической безопасности. 2009. №5. С. 73.

[157] Мельников В.Ю. Обеспечение прав граждан в ходе досудебного производства. М., 2006. С. 38 – 39.

[158] См.например: Баранов А.М. Законность в досудебном производстве по уголовным делам: автореф. дис. … докт. юрид. наук. Омск, 2006. С. 10.; Теппеев А.А. Понятие мер уголовно – процессуального принуждения и их виды // Пробелы в российском законодательстве. 2020. №4. С. 235 – 238.

Анализ актуальных доктринальных исследований и правоприменительной практики свидетельствует, что каждый из указанных видов принуждения в результате цифровизации уголовного судопроизводства нуждается в дополнительных гарантиях от незаконного и необоснованного применения. Так, частными примерами физического принуждения в уголовном судопроизводстве могут являться: ограничивающие свободу меры пресечения и задержание подозреваемого.

Появление цифровых новелл, потенциально вступающих в контрадикторность с принципами законности и обоснованности применения мер принуждения, предвосхищается некоторыми исследователями, упоминающими в качестве возможной перспективы более широкое внедрение систем с элементами искусственного интеллекта для поддержки принятия процессуальных решений, в том числе и о применении мер принуждения[159].

Важно отметить, что программы такого рода уже получили реальную практическую апробацию. В частности, в Москве реализована система распознавания лиц, сведения которой об идентификации подозреваемого уже используются для обоснования задержания в порядке ст. 91 УПК РФ, что предлагается дополнительно формализовать некоторыми исследователями, внеся соответствующие изменения в УПК РФ[160].

В виду технологических особенностей ИИ, делающих затруднительным объяснение того, каким образом он пришёл к тому или иному выводу, возможности компрометации результатов его работы вследствие наличия скрытых недостатков программы, а также отсутствия легального процессуального статуса его решений, очевидно наличие основанного на уголовно-процессуальных принципах законного интереса личности не подвергаться незаконному и необоснованному физическому принуждению, такому как задержание.

---

[159] Правовые и организационно-технологические гарантии цифрового уголовного судопроизводства: монография /под ред . докт. юрид. наук Зуева С.В. М., 2025. С. 123 – 124.

[160] См. например: Чурикова А.Ю. Использование информационных технологий и систем в уголовном судопроизводстве: возможности, риски, правовое регулирование: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2024.

В связи с изложенным, перед внедрением таких программ в правоприменительную практику необходима разработка соответствующих уголовно-процессуальных гарантий указанного законного интереса[161]. Следует отметить, что составным элементом, а также предпосылкой появления указанных гарантий будет являться и принцип неприкосновенности личности, закреплённый в ч. 1 ст. 10 УПК РФ, устанавливающий невозможность задержания граждан без законных оснований.

Психологическое принуждение в уголовном судопроизводстве может выражаться в обращённом к гражданину императивном требовании совершить те или иные изначально не запланированные им действия под угрозой применения мер ответственности.

В виду распространения в гражданском обороте мобильных устройств с расширенными мультимедийными возможностями, повышается интерес правоохранительных органов к получению доступа к содержанию их внутренней памяти, защищённой криптографическими средствами шифрования, для потенциального получения криминалистически значимой информации. Равным образом, шифрование данных используются для защиты хранилищ цифровых финансовых инструментов[162] (например, криптовалют), что также детерминирует интерес правоохранительных органов к их разблокировке.

Обращённое к владельцу требование о разблокировке таких устройств может противоречить привилегии против самоизобличения, установленной ст. 51 Конституции РФ, а, следовательно, и принципу законности уголовно-процессуального принуждения, а также принципу обеспечения подозреваемому/обвиняемому права на защиту.

Кроме того, использование физического принуждения для получения доступа к электронному устройству, защищённому средствами биометрической идентификации, нарушает запрет на производство по уголовному делу

[161] На необходимость разработки таких гарантий отмечается, например, в: Правовые и организационно-технологические гарантии цифрового уголовного судопроизводства: монография /под ред . докт. юрид. наук Зуева С.В. М., 2025. С. 126 – 127.
[162] Далее - ЦФИ.

способами, ставящими под угрозу жизнь и здоровье граждан, являющийся составным элементом ранее упомянутого нами принципа обеспечения безопасности личности.

Таким образом, можно заключить, что основанный на принципах уголовного судопроизводства законный интерес личности не подвергаться неправомерному принуждению к предоставлению правоохранительным органам доступа к своим электронным устройствам, нуждается в признании и обеспечении необходимым набором уголовно-процессуальных гарантий.

С цифровыми финансовыми инструментами связана сфера принуждения имущественного характера, также нуждающаяся в дополнительном установлении гарантий.

Так, уголовно-процессуальное принуждение имущественного характера по удачному определению И.Б. Тутынина заключается в том, что в ходе его реализации: «существует возможность обращения к праву собственности посредством влияния на осознанную потребность и намериваемую реализовать способность владеть, пользоваться и распоряжаться материальными благами и тем самым регулировать правоограничения, и в конечном итоге стимулировать лиц на необходимое поведение»[163]. Из данного определения следует, что формализованным способом его реализации является наложение ареста на имущество по уголовному делу (ст. 115 УПК РФ).

Верховным Судом Российской Федерации в п. 13 Постановления Пленума от 1 июня 2017 года № 19 в качестве критерия обоснованности наложения ареста на имущество, установлена соразмерность его стоимостного выражения размеру причинённого преступлением ущерба, а также потенциальным имущественным санкциям, в связи с чем у лица – собственника арестовываемого имущества наличествует законный интерес в обеспечении гарантий от необоснованного ограничения его имущественных прав сверх указанного предела.

[163] Тутынин И.Б. Указ. соч. С. 33.

Кроме того, после наложения уголовно-процессуального ареста на имущество и до его отмены или разрешения в приговоре вопроса об имущественных взысканиях у его собственника наличествует законный интерес в сохранении ценностных свойств арестованного имущества. То есть «первостепенное значение имеет неуменьшение в количественном отношении того, на что направлено ограничение – имущества, когда его свойства, ценность (эквивалентная стоимость) полностью сохраняются или находятся в сопоставимых уровнях с момента начала и до окончания соответствующих уголовно – процессуальных отношений»[164].

В виду высокой степени изменчивости оборотной стоимости в фиатном эквиваленте цифровых финансовых инструментов, лицо, в отношении которого применяются меры уголовно-процессуального принуждения имущественного характера, заинтересовано в установлении законной возможности защиты своих имущественных прав путём конвертации или реализации арестованного имущества при наличии обоснованной угрозы потери его стоимости, что влечёт целесообразность установления соответствующих гарантий.

Ещё одним непоименованным в уголовно–процессуальном законодательстве принципом уголовного судопроизводства является «неприкосновенность частной жизни человека».

Нормативный базис данный принцип получил в виде системной взаимосвязи ч. 1 ст. 11, ст. 13 УПК РФ и ст. 23 Конституции, в соответствии с которой государственные органы и их должностные лица обязаны обеспечивать неприкосновенность частной жизни человека, личную и семейную тайну, а также тайну коммуникации (переписки, переговоров, почтовой корреспонденции и т.д.). Учитывая, что на основе данного законоположения строится сама структура организации производства по делу (например, предусматривается особая процедура по судебному санкционированию вторжения государства в сферу приватности личности), множество

[164] Тутынин И.Б. Указ. соч. С. 229 – 230.

исследователей обоснованно признают неприкосновенность частной жизни в качестве самостоятельного принципа уголовного судопроизводства[165].

В исследуемом контексте является дискуссионным вопрос о необходимости судебного санкционирования получения правоохранительными органами информации, содержащейся во внутренней памяти электронных технических устройств, в процессе следственного осмотра или экспертизы.

Несмотря на то, что судебная и правоприменительная практики идут по пути необязательности судебного разрешения указанных действий, значительное количество исследователей отстаивают позицию, что, так как судебное санкционирование – есть гарантия неприкосновенности частной жизни человека [166] от неправомерного вторжения со стороны государства, учитывая множественность охраняемых законом тайн, хранилищем которых являются современные персональные электронные устройства, представляется целесообразным установить его в качестве обязательного для этих целей[167].

Учитывая наличие законного интереса граждан сохранить свою сферу приватности, в частности тайну переговоров, переписки и т.д., от вторжения со стороны государства, согласуемого с принципом неприкосновенности частной жизни человека, совершенствование его гарантий является актуальным вопросом современного уголовного судопроизводства.

---

[165] См. например: Карпунина Н.А. Охрана частной жизни как принцип российского уголовного процесса: дис. ... канд. юрид. наук : Самара, 2004. 186 с.; Кондрат И. Н. Частная жизнь: вопросы охраны и ограничения в сфере уголовного судопроизводства // Вестник экономической безопасности. 2011. №8. С. 43 - 49; Дунаева М.С. Право на неприкосновенность частной жизни граждан и его содержание в уголовном судопроизводстве: исторический и сравнительно-правовой анализ // Вестник ИрГТУ. 2011. №3 (50). С. 207 – 212.

[166] См. подробнее: Смирнов В.Е. Компьютерные программы для извлечения электронной доказательственной информации в уголовном судопроизводстве: причины появления, возможности, проблемы использования // Власть Закона. 2024. № 3. С. 237 – 248.

[167] См. например: Правовые и организационно-технологические гарантии уголовного судопроизводства: монография /под ред . докт. юрид. наук Зуева С.В. М., 2025. С. 91 – 105.; Оконенко Р.И. «Электронные доказательства» и проблемы обеспечения прав граждан на защиту тайны личной жизни в уголовном процессе: сравнительный анализ законодательства Соединенных Штатов Америки и Российской федерации: дисс. … кан. юрид. наук. М., 2016. 158 с.; Ефремова О. М. Реализация полномочий следователя, направленных на получение и использование компьютерной информации при производстве следственных действий: дис. ... канд. юрид. наук. Орел, 2021. 225 с.

Одним из основополагающих принципов устроения уголовного судопроизводства является принцип состязательности и равноправия сторон, установленный ст. 15 УПК РФ. Исходя из сложившихся в научном сообществе подходов к определению указанного принципа можно выделить его сущностные черты: а) это метод познания [168] и построения судебного процесса[169] б) направленный на установление истины по уголовному делу[170]; в) представляющий собой правовой спор обвинения и защиты[171] г) наделённых равными правами для отстаивания своей позиции и оспаривания утверждений противной стороны[172]; д) при разрешении дела независимым арбитром – судом, не исполняющим функций ни обвинения ни защиты[173].

Путём преломления выведенного нами определения в контексте доказывания по уголовному делу можно заключить, что сторона защиты имеет законный интерес в реализации двух полномочий: доказывания собственной версии произошедшего и постановления под сомнение версий и доказательств стороны обвинения.

Очевидно, что современные технологии и повышение их доступности дают возможность стороне защиты предоставлять в суд доказательства, произведённые путём программной обработки первичных данных. Таковые могут выступать как в качестве средств визуализации уже имеющихся в материалах уголовного дела доказательств (в случае с видеопрезентациями и трёхмерными реконструкциями), так и быть самостоятельными доказательствами в случае, если они получены в ходе исследования

---

[168] Мельников В.Ю. Указ. соч.

[169] Нестерова А.М. Состязательность в уголовном судопроизводстве // Проблемы в деятельности органов предварительного расследования и пути их разрешения в России: Сб. матер. Все-рос. «круглого» стола. М. 2017. С. 263—267.

[170] См. например: Шестакова Т.П. Состязательность и равноправие сторон как принцип уголовного судопроизводства // Молодой ученый. 2018. № 8. С. 99—101.

[171] Пастухова И. А., Медведев С. С. Принцип состязательности в уголовном судопроизводстве // Вестник науки. 2019. №11 (20). С. 131 -135.

[172] Воскобитова Л.А. Механизм реализации судебной власти посредством уголовного судопроизводства: дис. … докт. юрид. наук. М. 2004. С. 314.

[173] Гамзалиев Р.З. Принцип состязательности сторон в уголовном судопроизводстве // Закон и право. 2024. №1. С. 178 – 180.

специалиста. Однако профильные исследователи, такие как М.А. Юркевич[174], отмечают, что в подавляющем большинстве случаев стороне защиты отказывают в приобщении результатов работы таких программ к материалам уголовного дела и их демонстрации в судебном заседании, что свидетельствует о необходимости разработки соответствующих уголовно-процессуальных гарантий.

Учитывая существующий по объективным причинам дисбаланс доказательственных возможностей в части использования специализированных программных средств визуализации, необходимо установление режима «благоприятствования защите» [175] в виде упрощённых требований к предоставляемой ей наглядной информации. Кроме того, при представлении в обоснование своей позиции стороной обвинения доказательства, созданного посредством программной обработки первичной информации, необходимо гарантировать стороне защиты минимальный набор правомочий, позволяющий провести «контртестирование» такой программы для последующего исключения производного доказательства из материалов дела.

Подводя итог рассмотрению состояния и перспектив формирования системы уголовно-процессуальных гарантий прав личности в цифровую эпоху можно заключить, что в настоящее время должное законодательное закрепление и доктринальную проработку в значительной степени получила только совокупность гарантий, входящих в понятие дистанционного порядка производства по уголовному делу. Их опережающее развитие обусловлено не в последнюю очередь тем, что предпосылкой появления, а также составной их частью является целый ряд принципов уголовного процесса, таких как: право на доступ к правосудию, обеспечение права на защиту, безопасность личности

[174] См.: Юркевич М.А. Применение судом видеотехнологий в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. С. 104.

[175] «Благоприятствование защите» рассматривается некоторыми исследователями в качестве самостоятельного принципа уголовного судопроизводства. См. подробнее: Михеенкова М.А. Благоприятствование защите (favor defensionis) и его проявление в современном уголовном процессе. дисс. … канд. юрид. наук. М., 2012. 279 с.; Хайдаров А.А. Принцип благоприятствования защите и его проявление в ходе рассмотрения уголовного дела в суде первой инстанции // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2013. №12. С. 88 - 91.

при производстве по уголовному делу, а также осуществление уголовного судопроизводства в разумный срок.

В рамках остальных рассмотренных нами принципов, существует значительное количество базирующихся на них законных интересов, которые либо не легализованы в отечественной уголовно-процессуальной среде, либо не получили должного гарантийного обеспечения. В связи с этим, в последующих главах исследования подвергнется научному осмыслению закрытие указанных лакун путём формулирования дополнительных гарантий в цифровом уголовном судопроизводстве, способами, обозначенными нами в рамках первого параграфа настоящей главы.

В виду того, что принципы, в рамках которых подлежат разработке новые гарантии, можно органически разделить на: а) связанные с процессом доказывания (неприкосновенности частной жизни гражданина, а также его жилища, состязательности и равноправия сторон, благоприятствование защите) [176] , б) связанные с уголовно-процессуальным принуждением (законность и обоснованность принуждения, неприкосновенность и безопасность личности, обеспечение подозреваемому/обвиняемому права на защиту), последующая структура работы исследования будет подчинена этой группировке.

Так, в рамках второй главы будут рассмотрены гарантии прав личности при производстве следственных и судебных действий, непосредственно направленных на установление обстоятельств, входящих в предмет доказывания по уголовному делу, тогда как в рамках третьей главы будут подвергнуты научному осмыслению правовые средства недопущения применения к лицу, вовлечённому в сферу уголовного судопроизводства незаконного и необоснованного принуждения как физического и психологического, так и имущественного характера.

[176] Совершенствование гарантий прав личности в процессе доказывания по уголовному делу отмечают в качестве приоритетного направления доктринальных исследований и ряд учёных-процессуалистов. См. например: Александров А.С., Андреева О.И., Зайцев О.А. О перспективах развития российского уголовного судопроизводства в условиях цифровизации // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 448. С. 199 - 207.

Выводы по параграфу.

Систему выстраивающихся в условиях цифровизации производства по уголовному делу уголовно-процессуальных гарантий целесообразно сгруппировать по основанию принадлежности законных интересов личности, обеспечиваемых ими, к конкретным принципам уголовного судопроизводства.

Для обеспечения законных интересов граждан, связанных с применением цифровых технологий при производстве по уголовному делу, основанных на принципах права на доступ к правосудию, обеспечения права на защиту, безопасности личности при производстве по уголовному делу, равноправия сторон, а также осуществления уголовного судопроизводства в разумный срок, сформирована группа гарантий, составляющих в своей совокупности «дистанционный порядок производства по уголовному делу».

В свою очередь дистанционный порядок производства по уголовному делу представлен совокупностью отдельных уголовно-процессуальных гарантий прав личности, таких как: а) автоматическая регистрация сообщений о совершении преступлений, подаваемых заявителем, а также информирование о результатах их рассмотрения посредством специализированного цифрового сервиса; б) внедрение электронного документооборота, включающего в себя: цифровую систему оповещения участников уголовного судопроизводства о предстоящих следственных и процессуальных действиях, возможность получения и отправления процессуальных документов в электронной форме, формирование электронного уголовного дела; в) информирование о движении уголовного дела в суде посредством информационных технологий; г) дистанционное участие в судебных заседаниях, следственных действиях и свиданиях с защитником посредством систем видео-конференц-связи.

В то время как элементы дистанционного порядка производства по уголовному делу в значительной степени получили надлежащее закрепление в отраслевом законодательстве, существует ряд согласующихся с другими принципами уголовного судопроизводства законных интересов, требующих формирования дополнительных уголовно-процессуальных гарантий.

Гарантиями интереса личности в обеспечении её неприкосновенности от незаконного и необоснованного уголовно-процессуального принуждения должны являться: а) разработка стандартов допустимости использования ИИ для поддержки процессуальных решений; б) установление соотношения требований правоохранительных органов о разблокировке электронных устройств с привилегией против самоизобличения и принципом обеспечения безопасности личности в ходе производства по уголовному делу; в) установление законного способа конвертации или реализации арестованных цифровых финансовых инструментов при обоснованной угрозе потери их ценностных свойств.

Производный от принципов неприкосновенности частной жизни и жилища законный интерес лица сохранить свою сферу приватности от вторжения со стороны государства целесообразно снабдить дополнительными гарантиями от получения правоохранительными органами доступа к содержанию памяти личных электронных устройств без судебного решения.

Гарантиями обеспечения принципа состязательности и равноправия сторон в цифровую эпоху следует определить возможности стороны защиты использовать в доказывании по уголовным делам цифровые средства визуализации и реконструкции доказательственной информации, а также оспаривать противопоставляемые ей процессуальным оппонентом визуальные модели.

Глава II. ГАРАНТИИ ПРАВ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ПРОЦЕССА ДОКАЗЫВАНИЯ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ.

§ 1. Программно-аппаратное извлечение электронной доказательственной информации в контексте обеспечения неприкосновенности частной жизни.

Появление информационно-телекоммуникационных сетей повысило уровень технологической информированности, вовлечённости в электронную информационную среду и погруженности в отслеживание инноваций в сфере IT-технологий не только общества в целом, но и тех, кто антагонизирует себя ему, преступая закон. Как следствие, в арсенале преступников на сегодняшний день находятся не только передовые электронно-цифровые средства достижения противоправного результата, но также приёмы и способы сокрытия следов своей незаконной деятельности.

В настоящее время получило чрезвычайно широкое распространение ограничение доступа к операциям с электронными устройствами посредством установки разнообразных паролей и кодов доступа, а также шифрование внутреннего содержания их памяти. Совершенствование приёмов и способов такой электронной конспирации связано с характером информации, содержащейся на персональных цифровых устройствах, и возможности её использования против их владельцев в случае получения доступа к ней.

Особое значение для расследования уголовных дел могут представлять такие сведения как: а) информация, содержащаяся в базах данных, внутренних директориях памяти устройства, социальных сетях; б) метаданные, известные как «цифровые идентификаторы конечного оборудования», под которыми в правовой доктрине понимают техническую оболочку содержательной части электронных сообщений. Совокупность данных сведений представляет собой

«цифровой профиль лица», как отдельную разновидность криминалистически значимой информации[177].

В связи с изложенным, ключевое значение для успешного раскрытия и расследования преступлений приобретает способность правоохранительных органов преодолевать средства защиты, устанавливаемые преступниками на свои электронные устройства и системы. По сути, речь в данном контексте идёт о создании правовых и организационно-технических условий для «законного взлома» электронных устройств уполномоченными должностными лицами правоохранительных органов.

Вне всякого сомнения, такая интервенция государства в сферу приватности личности может представлять собой грубое ограничение её прав, в связи с чем краеугольную значимость приобретают механизмы превенции произвольного и незаконного использования государством цифровых технологий в ходе расследования преступлений.

Кроме того, техническая сложность применения программ-взломщиков детерминирует необходимость наличия особых требований к формированию доказательств, получаемых в результате такового, во избежание искажения их содержательной части.

В частности, такая ситуация имеет место при использовании специализированных программно-аппаратных комплексов для извлечения криминалистически значимой информации из электронных устройств, к которым у правоохранительных органов имеется непосредственный физический доступ и которые были изъяты в установленном законом порядке.

Таким образом, считаем целесообразным рассмотреть: а) общественные отношения, детерминирующие появление программно-аппаратных комплексов, осуществляющих извлечение электронной доказательственной информации; б) криминалистические особенности реализации их функций; в) актуальность

[177] Подробнее см. например: Зайцев О.А., Пастухов П.С. Цифровой профиль лица как элемент информационно — технологической стратегии расследования преступлений // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. №56. С. 281—308.; Усольцев Ю.М., Усольцева Н.А. Метаданные электронного сообщения как электронное доказательство в уголовном процессе // Северный регион: наука, образование, культура. 2021. С. 29—34.

условий их применения в уголовном процессе защите прав человека от необоснованного вторжения государства в его «сферу приватности»;
г) особенности включения результатов работы исследуемых программ и программно-аппаратных комплексов в доказательственный массив по уголовным делам.

Необходимость применения программно-аппаратных комплексов для извлечения доказательственной информации из устройства, физически находящегося в распоряжении правоохранительных органов, возникает, чаще всего, когда в ходе расследования у владельца обнаруживаются и изымаются защищённые паролем или более совершенными криптографическими средствами защиты данных цифровые устройства (например, мобильный телефон, компьютер), которые потенциально могут содержать информацию о готовящемся, совершаемом или совершённом преступном деянии.

Семантическое значение слова «извлечение» подразумевает, что при его реализации происходит «вытаскивание», получение чего-либо из какого-либо источника. В исследуемом контексте это означает, что для использования в ходе производства по уголовному делу необходимо получение субъектом доказывания доступа к цифровой информации, защищённой криптографическими средствами шифрования.

По нашему мнению, прежде чем переходить к процессуальным вопросам применения в уголовном судопроизводстве программ для извлечения электронной доказательственной информации, представляется целесообразным рассмотреть детерминанты их появления и краеугольной значимости для правоохранительных органов.

Первоочередным обстоятельством, обусловившим необходимость разработки и внедрения программ для извлечения и расшифровки электронной информации, со всей очевидностью, будет являться массовое появление в свободном доступе для приобретения на открытом рынке средств сокрытия и шифрования данных.

Как производство, так и широкое распространение таких средств являются прямым следствием внутренней конкуренции между основными игроками на рынке IT-технологий – такими компаниями, как «Apple» и «Google», которые с начала 2010-х годов стремились завоевать лояльность покупателей, позиционируя свои устройства, как «защищённую приватную зону» для их владельцев. В этой связи неудивительно, что одним из акторов рекламных компаний указанных корпораций было снабжение выпускаемых под их брендами электронных устройств технологией, обеспечивающей полное шифрование их внутренней памяти и делающей ознакомление с содержательной частью находящейся в ней информации недоступной лицу, которому не известен специальный ключ, ввод которого обуславливал расшифровку.

Как показала практика, заверения IT-гигантов оказались небезосновательными. Внедрённые технологии защиты данных действительно сделали практически невозможным доступ к содержащейся на электронном устройстве информации для третьих лиц, включая даже разработчиков соответствующего устройства, о чём будет подробнее сказано далее.

В этой связи неудивительно, что правоохранительным органам также пришлось столкнуться с этой технологической новинкой. Учитывая место регистрации упомянутых IT-компаний, а также первоочередной рынок сбыта их продукции, логично, что первопроходцами в сфере взаимодействиями с зашифрованными электронными устройствами оказались правоприменители Соединённых Штатов Америки[178].

Своеобразным тестом актуальности существующей системы правового регулировании получения доступа к зашифрованной информации реалиям сложившейся действительности в США стал массовый расстрел людей в городе Сан – Бернардино в Штате Калифорния, произошедший в 2015 году. Среди изъятых по делу доказательств Федеральное бюро расследований (Federal Bureau of Investigation, FBI) [179] США заинтересовал «IPhone» [180] ,

[178] Далее – США.
[179] Далее – ФБР.

принадлежавший одному из преступников, который был снабжён системой защиты от получения доступа путём перебора паролей, удалявшей всё содержимое внутренней памяти устройства после 10 неудачных попыток введения секретной комбинации[181].

Для получения доступа к заблокированному устройству Министерство юстиции (Department of Justice, DOJ) США обратилось Окружной суд Центрального округа Штата Калифорния с ходатайством в порядке параграфа 1651 раздела 28 Кодекса США[182]. Указанная норма предусматривает, что суд, удовлетворив ходатайство, направляет судебный запрос (ордер), получатель которого обязан предоставить любую информацию, требующуюся для уголовного расследования.

В своём ходатайстве Министерство юстиции просило обязать компанию «Apple» оказать ФБР помощь в разблокировании изъятых у подозреваемых мобильных устройств и расшифровке содержательной части размещённой на них информации. Удовлетворяя ходатайство Министерства юстиции, в п. 7 соответствующего Постановления суд установил возможность представления адресатом судебного запроса в пятидневный срок мотивированных возражений против его исполнения.

Юристы компании «Apple» воспользовались указанной возможностью, тем самым дав старт дискуссии, основополагающей для всей системы правового регулирования доступа к зашифрованной информации в уголовном судопроизводстве США, получившей название «Спор компании «Apple» и ФБР о расшифровке (Apple FBI encryption dispute)»[183], в ходе которого ставился вопрос о возможности понуждения частных компаний к разблокированию произведённых ими электронных устройств наличествовавшим правовым инструментарием Соединённых Штатов. В рамках судебного разбирательства

---

[180] Линейка мобильных телефонов с расширенными мультимедийными возможностями, производящаяся компанией «Apple» (прим. автора).

[181] Подробнее см.: Brower H., McCray D. 20/20 Hindsight and Looking Ahead: The Vision of the Five Eyes and What's Next in the «Going Dark» Debate. 110 Va. L. Rev. 2024. P. 71.

[182] Данная правовая норма также известна в США как «Закон обо всех предписаниях (All Writs Act)».

[183] Далее – Спор о расшифровке.

по рассмотрению возражений «Apple» относительно выданного Окружным судом Центрального округа Штата Калифорния «приказа о разблокировке», были последовательно оценены и отвергнуты все правовые средства понуждения IT-компаний к сотрудничеству в рассматриваемых условиях.

Во-первых, как справедливо было отмечено представителями «Apple», основания, приведённые Министерством юстиции в ходатайстве, поданном в порядке параграфа 1651 раздела 28 Кодекса США, неприменимы к спорным правоотношениям, как противоречащие критериям правомерности санкционирования данной категории ордеров, установленным в деле «США против Нью-Йоркской телефонной компании»[184].

В частности, так как производитель электронного устройства не осуществляет оперативный контроль за дальнейшим его использованием покупателем, который осуществляет настройку и калибровку системы на основе индивидуальных предпочтений, отсутствует критерий «достаточной связи адресата ордера с расследуемым преступлением».

Также не стоит забывать, что приватность цифровой среды приобретаемого устройства позиционировалась IT-гигантами на рынке, как одно из конкурентных преимуществ, в связи с чем они сознательно отказались при разработке своей продукции от создания так называемых «чёрных ходов (backdoor)» и «мастер ключей», открывающих доступ к защищённым данным устройствам вне зависимости от пользовательских настроек[185].

Более того, в силу обозначенных возможностей пользовательской модификации системы устройства, для исполнения требования ордера корпорации «Apple» пришлось бы разработать универсальную программу-«взломщика» для всей линейки своей продукции, что является «чрезвычайно обременительным» с точки зрения реализации возложения суда и неправомерно по смыслу вышеуказанного прецедента – «США против Нью-Йоркской телефонной компании».

[184] United States v. New York Telephone Co., 434 U.S. 159 (1977).
[185] См.: Jacobsen, K. Game of Phones, Data Isn't Coming: Modern Mobile Operating System Technology and Its Chilling Effect on Law Enforcement. George Washington Law Review. 2017. Vol. 85, No. 2. P. 573.

И даже при наличии технической возможности быстрого и необременительного создания «универсального взломщика», принуждение к таковому противоречило бы гарантирующей свободу слова Первой поправке к Конституции США, в том смысле, который ей придаёт судебно-прецедентная практика, являясь «принуждением к выступлению»[186], на что также указал представитель компании «Apple».

Данный аргумент корпорации согласуется с правовой позицией Федерального Суда Северного округа Штата Калифорния и 9-го окружного апелляционного суда, которые по делу «Бернштейн против Государственного департамента США» заключили, что программный код и алгоритмы шифрования представляют собой «форму политического самовыражения»[187], в связи с чем в отношении них действуют положения Первой поправки к Конституции США[188].

Во–вторых со ссылкой на прецедентное решение, вынесенное Окружным судом Нью-Йорка по спору между теми же сторонами[189], была опровергнута применимость к спорным правоотношениям положений раздела 108 «Закона США о прослушивании» [190] , предписывающего операторам связи самостоятельно получать, расшифровывать и предоставлять правоохранительным органам по их требованию содержательную часть телефонных или иных переговоров, осуществляемых подозреваемым посредством средств связи, находящихся под контролем данного поставщика услуг. В частности суд указал, что производители электронных устройств не являются операторами связи по смыслу «Закона о прослушивании», следовательно, не могут быть адресатом предписания, выдаваемого на его основании.

---

[186] См. например: Riley v. National Federation of the Blind, 487 U.S. 781, 796-97 (1988).

[187] Подробнее см.: Nguyen T., Cryptography, Export Controls, and the First Amendment in Bernstein v. United States Department of State Harvard Journal of Law & Technology. 1996. P. 667.

[188] Аналогичная правовая позиция высказана и, например, в деле: Universal City Studies Inc., v. Corley, 273 F.3d 429, 445 (2001).

[189] См.: In re Apple, Inc., 149 F. Supp. 3d at 344, 351.

[190] Communications Assistance for Law Enforcement Act (CALEA) - параграф 2703 Раздела 18 Кодекса США.

Любопытно отметить, что пока продолжались судебные тяжбы между «Apple» и Министерством юстиции, ФБР, в интересах которого и был выдан спорный ордер, самостоятельно взломало интересующее его устройство, используя программно-аппаратный комплекс производства частной [191] израильской компании «Cellebrite» – «UFED» (Universal Forensic Extraction Device – Универсальное устройство извлечения криминалистической информации), в связи с чем «Спор о расшифровке» был прекращён.

Столь подробное рассмотрение данного прецедента обусловлено тем, что он: 1) показал принципиальную невозможность решать проблему доступа правоохранительных органов к зашифрованной на устройствах информации через принуждение их производителей к содействию; 2) ознаменовал собой начало новой парадигмы «внепроцессуального» доступа к зашифрованным данным при помощи программно-аппаратных комплексов; 3) детерминировал появление схожих тенденций и в других странах, включая Российскую Федерацию, так как отсутствие эффективного инструмента принуждения к сотрудничеству IT-компании в «домашней» юрисдикции фактически предопределило исход аналогичных дел в иностранных правопорядках.

Раскрывая криминалистический аспект уголовной политики в исследуемой сфере, считаем возможным дать краткое представление о функциональных особенностях программно-аппаратных комплексов для извлечения криминалистически значимой информации на примере UFEDa, получившего наибольшее распространение в правоприменительной практике Российской Федерации.

Определяющей для его использования в процессе доказывания по уголовному делу будет возможность получения доступа к зашифрованной информации, содержащейся в памяти электронного устройства. При этом разработчиками предусмотрено как «сплошное» извлечение всех имеющихся в памяти данных (которое ведёт к созданию их зеркальной копии, доступной для свободного анализа правоохранительными органами), так и выборочное.

[191] См.: Haber E. The Law of the Trojan Horse. 57 UC Davis L. Rev. 1667. 2024. P. 1712.

Наличие на исследуемом при помощи UFEDa устройстве средств превенции взаимодействия с неавторизованным пользователем (например, стандартных для мобильных устройств графических или биометрических паролей) не мешает производить извлечение, что, впрочем, не относится к самым продвинутым средствам защиты электронной информации, недоступным для рядовых граждан.

Интересно отметить, что факт «удаления» пользователем искомых данных не имеет значения для UFEDa, что обусловлено спецификой заполнения памяти устройств и её отображения пользователям. Так, зачастую, при «стирании» той или иной информации, уничтожаются только сведения о её местоположении в памяти устройства («путь»), при этом сам файл остаётся целым, пусть и недоступным для просмотра, вплоть до замещения его месторасположения другими вновь записанными данными. Таким образом, пока занимаемый искомым файлом раздел внутренней памяти не будет перезаписан, UFED сможет получить к нему доступ.

В частности, поддаются извлечению: а) международный идентификатор устройства (IMEI), что особенно актуально в случае его изменения пользователем для целей преступной конспирации[192]; б) данные сим-карты, включая абонентский номер (IMSI) и контакты «телефонной книги»; в) журнал вызовов, включая удалённые звонки, смс, ммс и голосовые сообщения; г) журнал использования интернет браузера, закладки сайтов в сети Интернет, файлы cookie; г) медиафайлы электронного устройства д) информация о действиях, совершённых с устройством, например об изменении настроек, подключению к сетям Wi-Fi и т.д.; е) метаданные устройства – техническая оболочка содержательной части электронных сообщений, в том числе ретроспективные данные о местоположении относительно вышек сотовой связи[193].

---

[192] См.: Тушканова О.В. О типовой методике исследования информации в мобильных телефонах// Библиотека Криминалиста. 2013. № 5 С. 298.

[193] См.: Смирнов В.Е. Компьютерные программы для извлечения электронной доказательственной информации в уголовном судопроизводстве: причины появления, возможности, проблемы использования // Власть Закона. 2024. № 3. С. 242-243.

Указанный программно-аппаратный комплекс получил в Российской Федерации распространение на уровне региональных следственных управлений, однако его постепенно замещает отечественный аналог – «Мобильный Криминалист» от компании «Оксиджен Софтвэр (Oxygen Software)», имеющий сходный функционал, однако способный также извлекать данные из «облачных» хранилищ (ICloud, GoogleDrive и т.д.)[194].

Произведённый анализ доктринальных воззрений отечественных правоведов на «место» рассматриваемых программ в производстве по уголовному делу, а также практики их реального применения, позволяет сделать вывод, что процессуальные условия их использования варьируются в зависимости от следственных ситуаций.

Так, по мнению авторского коллектива профильных специалистов под редакцией С.В. Зуева, в практической деятельности превалирует использование UFEDa и его аналогов в ходе проведения осмотра предметов – электронных устройств, ранее изъятых в ходе иных следственных действий (ст. 176 УПК РФ) [195] . Изученная нами судебная практика подтверждает правомерность позиции указанных учёных. Так, закреплённые в протоколах осмотра предметов работы UFEDa закладывались в основу: приговора Долинского городского суда Сахалинской области от 22 декабря 2023 года по делу № 1-110/2023; приговора Кыштымского городского суда Челябинской области от 16 марта 2023 года по делу № 1-6/2023; приговора Ленинского районного суда города Нижнего Новгорода от 23 ноября 2020 года по делу № 1- 408/2020; приговора Железнодорожного районного суда города Симферополя от 25 марта 2019 года по делу № 1-7/2019, приговора Вяземского районного суда Смоленской области от 17 мая 2023 года по делу № 1-24/2023, приговора Комсомольского районного суда города Тольятти от 23 мая 2019 года № 1-106/2019 и других.

---

[194] Подробнее см.: Дерюгин Р.А. Использование сведений о соединениях между абонентами или абонентскими устройствами при раскрытии и расследовании преступлений, монография. Екатеринбург, 2019.142 с.

[195] Балашин В.С., Вехов В.Б., Григорьев В.Н. и др. Развитие информационных технологий в уголовном судопроизводстве: под ред. Зуева С.В. - М., Юрлитинформ, 2018. С. 210.

В контексте отражения в протоколе осмотра предметов хода и результатов работы UFEDa представляет особый интерес анализ процессуального закрепления применения программно-аппаратных комплексов (как отечественного, так и зарубежного производства), произведённый О.М. Ефремовой в своём профильном диссертационном исследовании. Указанный учёный-процессуалист, исследовав ряд уголовных дел, в которых применялись соответствующие средства извлечения электронной информации, обращает внимание, что существует три варианта приобщения программно исполненного «отчёта об извлечении»[196] к протоколу осмотра.

В первом варианте, отчёт об извлечении информации записывается на материальный носитель, который приобщается к протоколу без исследования его содержания[197], во втором варианте содержательная часть отчёта заменяет собой описательную часть протокола следственного действия, и в третьем варианте, который позиционируется учёным как наиболее правильный с точки зрения соблюдения критериев допустимости и относимости, производится приобщение отчёта в качестве приложения к протоколу с одновременным указанием в его описательной части полученной в ходе следственного действия криминалистически значимой информации[198].

Считаем должным согласиться с выводом данного учёного, отметив, однако, обязательность фиксации следователем-криминалистом с помощью технических средств (фото-видео) в порядке ч. 1.1. ст. 170 УПК РФ всего процесса использования программно-аппаратного комплекса, равно как и всех

---

[196] Данный отчёт содержит как сведения о порядке и последовательности совершённых UFEDом действий, так и извлечённую в результате работы программно-аппаратного комплекса информацию.

[197] Судебная практика свидетельствует, что в таком случае материальный носитель будет являться предметом дополнительного осмотра предметов, в ходе которого будет исследована содержательная часть извлечённой информации, что имело место, например, в уже упомянутых: приговоре Долинского городского суда Сахалинской области от 22 декабря 2023 года по делу № 1-110/2023; приговоре Кыштымского городского суда Челябинской области от 16 марта 2023 года по делу № 1-6/2023; приговоре Железнодорожного районного суда города Симферополя от 25 марта 2019 года № 1-7/2019(1-277/2018;), приговоре Комсомольского районного суда города Тольятти от 23 мая 2019 года № 1-106/2019.

[198] Ефремова О. М. Реализация полномочий следователя, направленных на получение и использование компьютерной информации при производстве следственных действий: дис. ... канд. юрид. наук. Орел, 2021. С. 122 -123.

этапов взаимодействия с извлекаемой электронной информацией, с последующим приобщением фототаблицы к протоколу осмотра предметов.

Привлечение для целей фиксации хода и результатов следственного действия понятых в порядке ч. 2 ст. 170 УПК РФ считаем целесообразным исключительно в дополнение к техническим средствам, но никак не вместо.

Во-первых, представители общественности не обладают необходимым набором знаний в области информационных технологий, чтобы понимать значение совершаемых посредством программно-аппаратных комплексов действий.

Во-вторых, фиксация последовательности взаимодействия с UFEDом участвующих в следственном действии лиц воспроизводимым способом (фото и видеосъемка) является дополнительной гарантией возможности для стороны защиты оспорить «технологические» доказательства обвинения, например, с помощью заключения и/или показаний специалиста, ставящих под сомнение достоверность данных, извлекаемых зафиксированным способом.

При этом полное отсутствие каких-либо средств фиксации должно однозначно влечь недопустимость полученных в ходе такого осмотра доказательств. Изложенный подход разделяется и правоприменителем, что подтверждает судебная практика, например: приговор Сургутского городского суда Ханты-Мансийского автономного округа - Югры от 1 апреля 2024 года № 1-7/2024.

Второй вариант использования рассматриваемых программно-аппаратных комплексов обусловлен их портативностью, в связи с чем возможно их применение специалистом в порядке ч.ч. 2 и 3 ст. 164.1. УПК РФ при извлечении и копировании информации с электронных устройств, как составной части обыска или выемки.

В частности, необходимость такого извлечения информации в «полевых условиях» в ряде случаев фактически обуславливается предусмотренной взаимосвязью ч. 1 ст. 164.1. и ч. 4.1. ст. 164 УПК РФ невозможностью (в отсутствие императивно установленных исключительных обстоятельств)

изъятия электронных носителей информации при расследовании ряда преступлений. В таких условиях применение UFEDa и аналогов без предварительного изъятия электронного устройства прямо на месте производства следственного действия является единственной доступной правоохранительным органом опцией, на что, в частности, указывал в своей работе А.Н. Першин[199].

Кроме того применение рассматриваемых нами программ может производиться, как составная часть экспертного исследования в ходе компьютерно-технической экспертизы, что отмечено в изученных нами: приговоре Смоленского областного суда от 6 апреля 2023 года № 2-9/2023 по делу № 2-23/2022 и приговоре Нижневартовского городского суда Ханты-Мансийского автономного округа - Югры от 4 февраля 2021 года по делу № 1-96/2021.

Определив категории электронной информации, поддающейся извлечению, а также круг следственных действий, в ходе которых возможно применение указанных программно-аппаратных комплексов, учитывая предмет настоящего диссертационного исследования, логично поставить вопрос о процессуальных гарантиях прав личности, электронные устройства которой подвергаются изучаемому воздействию.

Особую актуальность этот вопрос приобретает в свете упомянутых в начале настоящего параграфа видов криминалистически значимой информации, составляющей предмет частной жизни человека, которую могут содержать современные электронные устройства. Для многих из них уголовно-процессуальное законодательство предусматривает механизм защиты от необоснованного доступа со стороны правоохранительных органов в виде установления необходимости получения судебного разрешения для такового[200].

---

[199] Першин А.Н. Осмотр сетевых информационных ресурсов-новый вид следственного действия? // Российский следователь. 2020. № 1 С. 13-16 .

[200] См. например: Камчатов, К. В. Модернизация порядка оперативного получения сведений при раскрытии и расследовании преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий, в целях обеспечения прав потерпевших / К. В. Камчатов // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2022. Т. 1, № 2(101). С. 214.

В частности, извлекаемые при помощи UFEDa с мобильных телефонов данные из «журнала звонков» представляют собой информацию, получаемую в ординарном порядке при помощи следственного действия «получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами», для производства которого обязательно судебное решение в соответствии с п. 12 ч. 2 ст. 29, ч. 1 ст. 186.1 УПК РФ.

Таким образом, ключевой вопрос с точки зрения обеспечения прав лиц, чьи устройства подвергаются воздействию UFEDa и подобных ему комплексов, заключается в наличии или отсутствии требования о его судебном санкционировании.

Концептуально значимым для рассматриваемого вопроса является правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации, выраженная в Определении от 8 апреля 2010 года № 433-0-0, в соответствии с которой для проведения осмотра и экспертизы с целью получения имеющей значение для уголовного дела информации, находящейся в электронной памяти устройств, изъятых при производстве следственных действий в установленном законом порядке, судебного решения не требуется. Этот подход был подтверждён и в более позднем Определении Конституционного Суда Российской Федерации от 25 января 2018 года № 189-О.

Данные решения допускают свободное извлечение и использование в ходе уголовного судопроизводства информации с электронных устройств, при условии их правомерного изъятия, определяя в качестве единственного механизма защиты прав лица, считающего, что проведение таких следственных действий несёт ущерб его конституционным правам, возможность обжалования соответствующего следственного действия в порядке ст. 125 УПК РФ.

Указанный подход имеет и значительную поддержку в научном сообществе. Так, основываясь на вышеприведённых правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации, значительное количество исследователей, таких как: А.В. Булыжкин[201], С.Ю. Скобелин[202], а также

[201] См.: Булыжкин А.В. К вопросу о состоянии правового регулирования и правоприменения порядка изъятия электронных носителей информации // Современное уголовно-

Ю.С. Киричек [203] настаивают на отсутствии необходимости судебного санкционирования доступа к электронной информации с изъятых носителей.

В целом, в свете сказанного неудивительно, что согласно опросам, проведённым в ходе специализированных исследований, установлено, что только 20 % следователей обращались за судебным разрешением в порядке ст. 185 УПК РФ для осмотра содержательной части электронной информации с изъятых цифровых устройств[204].

Впрочем, требовало дополнительного легального или доктринального объяснение наличие очевидной дихотомии между правовыми гарантиями для владельцев одной и той же информации, в зависимости от механизма получения правоохранительными органами доступа к ней, как в приведённом выше примере с истребованным в порядке ст. 186.1 УПК РФ «журналом звонков».

Интерпретируя правовую логику, лежащую в основе этой дихотомии, ряд исследователей, таких как В.Ф. Васюков и В.С. Черкасов указали, что главным детерминантом необходимости получения судебного решения для производства следственных действий в отношении электронной информации является её нахождение у третьего лица (которым чаще всего являются операторы связи)[205].

Указанный вывод исследователи делают путём определения сущностных критериев разграничения осмотра изъятого в ходе обыска электронного

процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. 2019. № 1. С. 49–58.

[202] См.: Скобелин С.Ю. Возможности получения криминалистически значимой информации при осмотре мобильных средств связи и пределы ограничения конституционных прав граждан на тайну переписки // Преступность в сфере информационных и телекоммуникационных технологий: проблемы предупреждения, раскрытия и расследования преступлений. Воронеж, 2017. № 1. С. 89-98.

[203] См.: Киричек Ю.С. Тактика осмотра мобильного телефона и фиксация его результата / Ю.С. Киричек // Сборник статей победителей VI Международного научно-практического конкурса. Пенза, 2017. С. 179-182.

[204] Подробнее см.: Ефремова О. М. Указ. соч. С. 137.

[205] Васюков В.Ф. Осмотр, выемка электронных сообщений и получение компьютерной информации // Уголовный процесс. 2016. № 10. С. 65.; Черкасов В.С. Правовое регулирование электронных средств в доказывании на досудебных стадиях уголовного процесса: дис. ... канд. юр. наук. Челябинск, 2022. С. 80 - 81.

устройства и осмотра (выемки) электронных сообщений, производимой в порядке ч. 7 ст. 185 УПК РФ. Так, во втором случае предполагается наличие адресата императивного требования о сохранении содержания электронной коммуникации (учреждения/оператора связи), который самостоятельно осуществляет извлечение данных в силу их циркуляции на подконтрольных ему коммуникационных каналах.

Другие исследователи, такие как авторы комментария к УПК РФ А.В. Смирнов и К.Б. Калиновский, прямо указывают, что судебное санкционирование не предусмотрено для получения доступа к информации, извлекаемой правоохранительными органами самостоятельно из внутренней памяти изъятых устройств. В то же время оно является обязательным для обращения с запросом к организациям, обеспечивающим деятельность коммуникационных площадок, таким как владельцы сервисов обмена мгновенными сообщениями или операторы подвижной радиотелефонной связи[206].

Считаем должным согласиться с существованием в Российской Федерации выявленного указанными учёными-процессуалистами разделения «охранного статуса» электронной информации, тем более что указанное различие также обусловлено и наличием предусмотренной ст. 63 Федерального закона от 7 июля 2003 года № 126-ФЗ «О связи» обязанности операторов обеспечивать «тайну связи» в её конституционном (ч. 2 ст. 23 Конституции Российской Федерации) понимании, от которой их освобождает только наличие судебного предписания.

Таким образом, по справедливому замечанию ряда исследователей, в системе действующего правового регулирования фактически исключён судебный контроль над получением сведений, составляющих предмет частной

[206] См. например: Смирнов А.В., Калиновкий К.Б. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под общ. ред. А.В. Смирнова // СПС «Консультант Плюс».

жизни человека, посредством использования программно-аппаратных комплексов в ходе описанных нами ранее следственных действий[207].

По нашему мнению, сложившаяся правовая действительность не отвечает законному интересу участников уголовного судопроизводства не подвергаться необоснованному вторжению государства в сферу своей приватности, базирующемуся на принципах неприкосновенности частной жизни и тайны переписки, и иных переговоров в уголовном судопроизводстве.

Как справедливо отмечает ряд учёных-процессуалистов, единственной реальной гарантией от необоснованной интервенции государственных органов в сферу приватности граждан, является обязательное судебное санкционирование такового [208] , которое, по нашему мнению, должно распространяться и на рассматриваемые правоотношения.

В контексте защищаемого положения считаем целесообразным рассмотреть извлечение информации при помощи программно-аппаратных комплексов в разрезе судебно-прецедентой практики США, содержащей, по нашему мнению, жизнеспособный подход аргументации необходимости получения для него судебного решения, пригодный для частичной экстраполяции на отечественные реалии.

Так, получение полицией информации, содержащейся в электронных устройствах лиц, в отношении которых осуществляется уголовное преследование, рассматривалось в разрезе соответствия Четвёртой поправке к Конституции США[209], гарантирующей неприкосновенность частной жизни от вмешательства со стороны государственных органов без судебного решения, критерием получения которого является наличие у «запрашивающего» органа

---

[207] См. например: Васюков В.Ф. Осмотр, выемка электронных сообщений и получение компьютерной информации // Уголовный процесс. 2016. № 10. С. 67.; Правовые и организационно-технологические гарантии цифрового уголовного судопроизводства: монография /под ред . докт. юрид. наук Зуева С.В. М., 2025. С. 91 – 92.

[208] См. например: Смолькова И.В. Актуальные проблемы охраняемых законом тайн в российском уголовном судопроизводстве. М., 2014. С. 118 - 119.; Мельников В.Ю. Механизм обеспечения, реализации и защиты прав человека в уголовном судопроизводстве. М.: Юрлитинформ, 2013. С. 129.; Гришин Д.А. Правовой статус личности в условиях цифровизации уголовного судопроизводства. М.: Юрлитинформ, 2025. С. 47 – 48.

[209] Далее – Четвёртая поправка.

достаточных оснований полагать, что содержащаяся на цифровом устройстве информация имеет отношение к уголовному расследованию.

Равно как и в Российской Федерации, в Соединённых Штатах имеется судбеная практика, на которой строится общий подход государства к исследуемому вопросу, а именно бывшее предметом рассмотрения Верховного Суда США [210] дело «Райли против Штата Калифорния» [211] . Указанный прецедент установил три критерия, обуславливающих обязательность получения судебного решения для государственных интервенций в цифровые устройства, на которых мы остановимся подробнее.

Во-первых, в «Райли...» было установлено, что извлечение и последующее исследование правоохранительными органами информации из изъятых полицией электронных устройств представляет собой вторжение в охраняемую Четвёртой поправкой сферу приватности их владельцев в виду природы современных электронных устройств.

Так, получив доступ к содержанию памяти, например, мобильного устройства, полиция автоматически получает доступ к разнородным подробностям частной жизни человека (личные фотографии, записи, ретроспективные сведения о совершённых покупках и банковских транзакциях и т.д.), даже в тех случаях, когда указанные данные не являются предметом интереса правоохранителей. В связи с этим, при осмотре и извлечении информации с современных смартфонов презюмируется вторжение в сферу правовой охраны Четвёртой поправки, что детерминирует необходимость получения судебного решения.

Отдельные споры в американском научном обществе [212] вызывает то, каким образом в судебных решениях, выдаваемых для целей извлечения и исследования данных с электронных устройств, учитывать положения Четвёртой поправки к Конституции США, согласно которым в них должны

[210] Riley v. California, 134 S. Ct. 2473, 2484 (2014).
[211] Далее – «Райли…».
[212] См. например: Gershowitz A., The Post-Riley Search Warrant: Search Protocols and Particularity in Cell Phone Searches, 69 Vand L. Rev. 2016. P. 585, 615.

быть конкретизированы: место производства обыска, а также «предметы, подлежащие изъятию».

Особо остро этот вопрос стоит с учётом того, что на момент вынесения решения суду неизвестен не только тип, формат и характер файлов, подлежащих извлечению, но даже приблизительное их месторасположение во внутренних директориях памяти телефона (или в облачных сервисах), в связи с чем буквальное исполнение требований Четвёртой поправки выглядит весьма неординарной задачей.

Понимая необходимость разрешения упомянутой правовой неопределённости, американская судебная практика идёт по пути легализации указания в соответствующем судебном решении в качестве предмета поиска только на признаки расследуемого преступления[213] (например, «электронная информация в любой форме, связанная с незаконным оборотом наркотических средств») с предоставлением возможности исследования файлов любых типов и форматов вне зависимости от местонахождения в памяти электронного устройства[214]. В качестве «месторасположения» суды признают достаточным указание на геолокацию самого электронного устройства, его владельца и идентифицирующих признаков (наименование, модель и т.д.)[215].

В качестве второго критерия, детерминирующего обязательность получения судебного ордера, суд в «Райли...» выделил «разумное ожидание приватности» владельца исследуемого устройства.

Как подробно описано в начале настоящего параграфа, появление в уголовно-процессуальной сфере таких программно-аппаратных комплексов, как UFED, является прямым следствие широкого распространения на открытом рынке средств шифрования электронных данных, а также криптографических средств ограничения доступа к цифровым устройствам. Из этого следует, что извлечение данных имеет место в случаях, когда владелец устройства

[213] См. например: United States v. Deppish, 994 F. Supp. 2d 1211, 1221 (2014).
[214] См. например: United States v. Burgess, 576 F.3d at 1094 (2009).
[215] См. например: Orin S. Kerr, Executing Warrants for Digital Evidence: The Case for Use Restrictions on Nonresponsive Data, 48 Tex. Tech L. Rev. 2015.P.1, 6–7.

установил определённые препятствия для доступа к нему третьих лиц, в связи с чем он безусловно ожидает, что устройство является «сферой его приватности».

Именно с таким явственно следующим из обстоятельств субъективным чувством защищенности и недоступности для посторонних хранилища информации о частной жизни человека, получившим название «разумное ожидание приватности», прецедентное решение по делу «Кац против США»[216] связывает безусловную необходимость получения судебного решения в соответствии с Четвёртой поправкой, которое определённо распространяется и на исследуемую нами сферу.

Наконец, «Райли...» содержит аналогичный российскому критерий необходимости судебного санкционирования извлечения электронной информации в виде представления о том, что при проникновении в цифровое устройство становятся доступны данные, находящиеся вне физической памяти изъятого устройства у сторонних организаций-операторов электронно-цифровых сервисов, что, например, имеет место при исследовании содержимого «облачных хранилищ», таких как «ICloud», на что обратил внимание в своём диссертационном исследовании отечественный учёный-процессуалист Р.И. Оконенко[217].

Представляется, что применение подобных критериев в отечественной уголовно-процессуальной системе позволит сформировать новую гарантию прав личности, вовлечённой в орбиту уголовного судопроизводства.

В частности, установленная в «Райли…» безусловная относимость современных персональных электронных устройств к хранилищам информации, доступ к которой требует судебного санкционирования, имеет значительную поддержку в отечественном научном сообществе.

Так, несмотря на то, что к рассматриваемой проблеме высказал своё отношение Конституционный Суд Российской Федерации, многие

---

[216] Katz v. United States, 389 U.S. 347 (1967).

[217] См.: Оконенко Р.И. «Электронные доказательства» и проблемы обеспечения прав граждан на защиту тайны личной жизни в уголовном процессе: сравнительный анализ законодательства Соединенных Штатов Америки и Российской федерации: дисс. … кан. юрид. наук. М., 2016. С. 113.

исследователи и правоприменители настаивают, что сфера действия ч. 2 ст. 23 Конституции Российской Федерации подлежит расширительному толкованию с включением в объём охраняемой ей информации данных, извлекаемых из правомерно изъятых в ходе следственных действии электронных устройств.

В этой связи особый интерес представляет диссертационное исследование В.С. Черкасова, который, основываясь на анализе судебной практики, обращает внимание на существование судебных решений, в которых российский правоприменитель дал государственному вторжению во внутреннюю память электронных устройств оценку, сходную с американской.

В качестве примера указанный учёный-процессуалист упомянул кассационное определение Омского областного суда от 24 мая 2012 года № 22-2225/12, в котором указано на обязательность получения судебного решения для извлечения информации с мобильного телефона, так как она подпадает под определение «частной жизни» человека, в виду чего положениями ч. 2 ст. 23 Конституции Российской Федерации предусмотрены дополнительные гарантии от её неправомерного изъятия из «зоны приватности» гражданина. При этом, несмотря на то, что вышеприведённое решение было вынесено в условиях, когда Конституционный Суд ещё не обозначил своё мнение по рассматриваемому вопросу, высказанная в нём правовая позиция достойна пристального внимания, на что указал В.С. Черкасов[218].

Кроме того, такого расширительного толкования сферы действия ч. 2 ст. 23 Конституции Российской Федерации придерживались и другие суды общей юрисдикции. Например, О.М. Ефремова упоминает изученный ею приговор Кромского районного суда Орловской области, в котором был исключён протокол осмотра переписки посредством SMS-сообщений, полученной из изъятого мобильного телефона, как результат следственного действия, произведённого без обязательного судебного санкционирования, что по мнению суда противоречит судебной монополии дачи согласия на

[218] Черкасов В.С. Правовое регулирование электронных средств в доказывании на досудебных стадиях уголовного процесса: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2022. С. 89 - 90.

вторжение в содержательную часть переписок, закреплённой в п. 8 ч. 2 ст. 29 УПК РФ[219]. Аналогичная судебная практика спорадически встречается и в других регионах Российской Федерации. Так, на существование схожих судебных решений на территории Алтайского края указывала в своём исследовании Н.Н. Гаас[220].

Убедительное обоснование необходимости распространения правового режима тайны связи на правомерно изъятый носитель электронной информации приводит авторский коллектив под редакцией С.В. Зуева. Данные исследователи приводят в качестве примера приговор Волгоградского городского суда от 17 ноября 2016 года № 1-914/2016, которым гражданин был осуждён по ч. 1 ст. 138 УК РФ за неправомерное получение доступа к учётной записи потерпевшего в социальной сети «Вконтакте». Среди прочего суд указал, что «доступ к электронным сообщениям лица без его разрешения нарушает тайну связи, предусмотренную ст. 23 Конституции РФ, а также иными федеральными законами». Таким образом, одни и те же действия по получению доступа к электронным сообщениям через носитель информации против воли владельца получают противоположную правовую оценку судов с точки зрения нарушения тайны связи в зависимости от факта совершения их должностным лицом или обычным гражданином. В качестве способа разрешения выявленной правоприменительной непоследовательности исследователями предлагается рассматривать указанные действия как вторжение в частную жизнь граждан вне зависимости от субъекта, осуществляющего его, что детерминирует необходимость формирования дополнительных уголовно-процессуальных гарантий[221].

В этой связи небезынтересна также позиция А.В. Кима, который предлагает разделение всех электронных устройств, изымаемых в ходе производства по уголовному делу, на две категории:

---

[219] Ефремова О. М. Указ. соч. С. 132.

[220] См.: Гаас. Н.Н. Осмотр изъятого мобильного устройства: проблемы правоприменения // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2019. № 4 (24). С. 28 – 32.

[221] Правовые и организационно-технологические гарантии цифрового уголовного судопроизводства: монография /под ред . докт. юрид. наук Зуева С.В. М., 2025. С. 97 – 100.

«неперсонифицированные» и «персонифицированные», критерием разграничения которых будет являться наличие информации, составляющей сведения частного характера об его владельце[222]. За последними данный исследователь предлагает признать дополнительные гарантии от необоснованного вмешательства в виде судебного санкционирования доступа к их содержимому.

Концептуально поддерживая указанный подход, считаем необходимым обратить внимание на сложности и вольности трактовки, которые объективно могут возникнуть в правоприменительной деятельности при реализации предлагаемого варианта.

Например, если в отношении мобильного устройства-смартфона может существовать некая «презумпция наполнения охраняемой законом информацией», то как быть в случаях, когда о наличии каких-либо сведений о частной жизни заявляется подозреваемым/обвиняемым в отношении изъятого у него флеш-накопителя или иного устройства, функциональные характеристики которого не позволяют с очевидностью установить возможность наличия там таких сведений?

Считаем что ответ на данный вопрос прочно связан с еще одним критерием обязательности получения судебного разрешения, установленным в «Райли…», а именно возможностью доступа с изъятого устройства к информации, находящейся на внешних по отношению к его памяти электронных ресурсах.

Продолжая аналогию с «Райли…» в этом контексте целесообразно отметить, что данные в облачных хранилищах, по сути, являются «доверенными третьему лицу», что по смыслу ч. 7 ст. 185 УПК РФ требует для их извлечения судебное решение.

В связи с этим представляется обоснованной позиция В.С. Черкасова, который предложил ввести механизм судебного санкционирования для

[222] См.: Ким А.В. отдельные вопросы проведения осмотра и экспертизы электронных носителей информации // Учёные записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. № 1. 2019. С. 151 – 156.

извлечения информации исключительно с устройств, функциональные возможности которых позволяют распространять и принимать информацию посредством сетей электросвязи, в частности, имеющие возможность доступа в Интернет[223].

Указанный ограничительный критерий подлежащих защите видов цифровых устройств не только отвечает на вопрос, поставленный нами в примере с флеш-накопителем, но также представляется в наибольшей степени обеспечивающим баланс частных и публичных интересов в уголовном судопроизводстве. Так, лица, против своей воли вовлечённые в орбиту уголовного судопроизводства, получат дополнительную гарантию от необоснованной интервенции в их частную жизнь, а правоохранительные органы не столкнутся с необходимостью получать судебное решение для извлечения информации из «неперсонифицированных» электронных устройств наподобие флеш-накопителей и компакт-дисков. Предлагаемую нами необходимость закрепления в уголовном процессе Российской Федерации обязательности получения судебного решения для вторжения в содержательную часть электронной информации на изъятом устройстве поддерживают и многие представители отечественного научного сообщества, например: В.Ю. Агибалов[224], Р.Г. Бикмиев и Р.С. Бурганов[225],С.М. Кузнецова[226], Е.Г. Ларин[227], О.В. Желева[228], В.А. Родивилина, Н.Н. Цуканов[229] и другие.

---

[223] Черкасов В.С. Указ. соч. С. 104.

[224] См.: Агибалов В.Ю. Виртуальные следы в криминалистике и уголовном процессе: монография. М.: Юрлитинформ, 2012. С. 115

[225] См.: Бикмиев Р.Г. и Бурганов Р.С. Выемка и осмотр электронных устройств // Уголовное право. 2018. № 1. С. 125 – 131.

[226] См.: Кузнецова С.М. Реализация конституционного права на тайну переписки, телефонных переговоров и иных сообщений при осмотре сотового телефона в ходе производства по уголовному делу // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2018. № 2 (43). С. 39 – 43.

[227] См.: Ларин Е.Г. Осмотр мобильного телефона: проблемы законодательства и практики / Е.Г. Ларин // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2017. № 17 (1). С. 132-134.

[228] См.: Желева О.В. К вопросу о порядке производства осмотра мобильного телефона // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2021. №2 (32). С. 22 – 32.

Кроме того, как следует из результатов проведённого нами анкетирования правоприменителей, 56 % респондентов выразили мнение о том, что подобные нововведения повысят гарантии от необоснованного вмешательства государства в частную жизнь граждан в ходе уголовного судопроизводства.

Говоря о способе закрепления предлагаемых изменений, представляется разумным прямое дополнение УПК РФ и модификация уже существующих норм. Предлагаемые нормы должны быть универсальными, подлежащими применению при всех процессуальных вариациях использования программно-аппаратных комплексов для извлечения электронной информации, которые мы рассмотрели в настоящем параграфе.

На основании изложенного, автор предлагает ввести изменения в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, дополнив ч. 2 ст. 29 УПК РФ пунктом 14 следующего содержания: «о разрешении осмотра электронной информации с изъятых электронных устройств, функциональные характеристики которых позволяют принимать и передавать сигналы посредством сетей электросвязи, а, равно и о передаче таких устройств в экспертное учреждение для производства компьютерно-технической экспертизы с аналогичной целью».

Ссылка на предлагаемый пункт также подлежит включению в ч. 2 ст. 164 УПК РФ, а также в ч. 1 ст. 165 УПК РФ, которые будут изложены в следующих редакциях соответственно: «В случаях, предусмотренных пунктами 4 – 9, 11, 12 и 14 части 2 статьи 29 настоящего Кодекса, следственные действия производятся на основании судебного решения»; «В случаях, пунктами 4 – 9, 11, 12 и 14 части 2 статьи 29 настоящего Кодекса, следователь с согласия руководителя следственного органа, а дознаватель с согласия прокурора возбуждает перед судом ходатайство о производстве следственного действия, о чем выносится постановление». Применение программно-аппаратных

---

[229] См.: Родивилина В.А., Цуканов Н.Н. Изъятие и осмотр мобильного телефона как электронного носителя информации // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 4 (91). С. 107 – 114.

комплексов специалистами «в полевых» условиях в порядке ст. 164.1. УПК РФ не подлежит отдельному упоминанию в предлагаемых новеллах, так как содержащиеся в них основания для получения доступа к устройству и копирования информации даже в системе действующего регулирования предполагают вынесения судебного решения (п. 2 ч. 1 ст. 164.1. УПК РФ) или вынесения постановления о производстве экспертизы, в отношении таких устройств (п. 1 ч. 1 ст. 164.1. УПК РФ), которое в случае реализации предлагаемых нами нововведений будет возможно только с разрешения суда.

Кроме того, считаем должным по аналогии с осмотром жилища, которое допускается при согласии проживающих в нём лиц (ч. 1 ст. 12 и ч. 5 ст. 177 УПК РФ), установить исключения из правила об обязательном судебном санкционировании извлечения доказательственной информации для случаев, когда владелец устройства не возражает против такового. Установление предлагаемого исключения необходимо для упрощения возможности лица, в отношении которого осуществляется изобличительная деятельность, принимать активное участие в доказывании своей непричастности к расследуемому преступлению, а, равно, для редуцирования необходимости правоохранительным органам получать судебную санкцию в не требующих того ситуациях.

В связи с изложенным считаем возможным также дополнить ст. 177 УПК РФ частью 7 следующего содержания: «осмотр электронной информации с устройств, указанных в пункте 14 части 2 статьи 29 настоящего Кодекса производиться только с согласия их владельцев или на основании судебного решения. Если владелец устройства возражает против проведения осмотра, то следователь возбуждает перед судом ходатайство о производстве осмотра в соответствии со статьёй 165 настоящего Кодекса».

Совокупность предлагаемых законодательных изменений, по нашему убеждению, позволит значительно увеличить уголовно-процессуальные гарантии от незаконного проникновения в частную жизнь человека в ходе производства по делу.

Выводы по параграфу.

Внедрение в правоприменительную практику программно-аппаратных комплексов для извлечения компьютерной информации детерминировано тремя причинами: а) широким распространением в гражданском обороте персональных электронных устройств с криптографическими средствами защиты данных; б) криминалистической значимостью содержащейся на них сведений, таких как: цифровые идентификаторы конечного оборудования, техническая оболочка передаваемых сообщений (метаданные), а также медиафайлы; в) отсутствием в правовом инструментарии как отечественных, так и иностранных правоохранительных органов эффективных способов принуждения производителей таких устройств к их разблокировке.

Судебная практика Российской Федерации свидетельствует о том, что применение таких программно-аппаратных комплексов имеет место: а) в рамках компьютерно-технической экспертизы; б) в ходе обыска или выемки в порядке, предусмотренном ч. 2 и 3 ст. 164.1 УПК РФ, в) в процессе осмотра электронного устройства в порядке ст. 176 УПК РФ. В последнем случае, для развития гарантий владельцу устройства от модификации извлекаемой информации, представляется целесообразной фиксация всего процесса использования программно-аппаратного комплекса и его результатов в порядке ч. 1.1. ст. 117 УПК РФ. Как в доктрине, так и в правоприменительной практике нет единого мнения относительно того, требуется ли для программного извлечения информации с электронного устройства получать судебное разрешение.

На сегодняшний день доминирует концепция, основанная на правовых позициях Конституционного Суда РФ о том, что судебное решение необходимо исключительно для изъятия электронной информации, находящейся в распоряжении третьих лиц (операторов связи).

Данный подход, однако, нельзя признать удачным с точки зрения обеспечения гарантий прав личности в уголовном судопроизводстве, в виду того, что современные электронные устройства содержат не только

информацию, являющуюся предметом семейной, банковской и иных охраняемых законом тайн, но также и сведения из «облачных» сервисов, которые технически находятся в распоряжении третьих лиц.

В связи с этим, автором, посредством анализа как отечественных, так и зарубежных подходов к разрешению рассматриваемой проблемы выделяются детерминанты, наличием/отсутствием которых предлагается определять, нарушает ли извлечение той или иной информации неприкосновенность частной жизни, гарантированную ч. 2 ст. 23 Конституции Российской Федерации, а именно функциональные возможности устройства принимать и передавать информацию посредством сетей электросвязи.

Для совершенствования уголовно-процессуальных гарантий законного интереса личности защитить свою частную жизнь от необоснованного государственного вторжения представляется целесообразным внесение изменений в ст. 29, 164, 165 и 177 УПК РФ, предусматривающих обязательное получение судебного разрешения для извлечения и осмотра электронной информации с изъятых цифровых устройств с вышеуказанными характеристиками.

§ 2. Обеспечение состязательности сторон при применении цифровых средств визуализации.

Судебное разбирательство представляет собой кульминацию производства по уголовному делу, призванную разрешить дело по существу и ответить на вопрос о виновности человека, представшего перед судом. Основными элементами рассмотрения дела в суде являются судебное следствие и прения сторон, как звенья цепи, ведущей к установлению истины по делу и совершению правосудия путём постановления приговора, что в конечном итоге является целью как данной стадии в частности, так и всего уголовного судопроизводства в целом[230].

[230] См.: Хайдаров А.А. цель судебного следствия в уголовном судопроизводстве // Юристъ-правоведъ. 2021. №2 (97). С. 110 – 111.

Если характеризовать судебную стадию производства по уголовному делу, то она неотделима от познавательной деятельности сторон и суда, именуемой процесс доказывания. В ходе неё, суд, будучи основным субъектом доказывания (ст.ст. 87, 88 и 442 УПК РФ), актором правосудия (ст. 8 УПК РФ) и независимы арбитром (ст. 15 и 243 УПК РФ), проверяет и оценивает доказательства представленные сторонами.

В идеальной модели уголовного судопроизводства (в особенности в случае, если по делу не проводилось предварительное слушание в порядке главы 34 УПК РФ), к открытию судебного следствия у познающего субъекта – суда должно отсутствовать собственное мнение об обстоятельствах рассматриваемого дела, которое подлежит формированию в ходе разбирательства. Стоит отметить, что в большей степени этой модели отвечает рассмотрение дела с участием коллегии присяжных заседателей, так как в отличие от профессионального судьи, который не ограничен в возможности ознакомиться с материалами уголовного дела до момента открытия судебного следствия, единственная информация, которой обладает присяжный заседатель – это краткая фабула дела, озвученная председательствующим в порядке п. 3 ч. 2 ст. 328 УПК РФ.

Таким образом, на начальных стадиях рассмотрения уголовного дела в суде, самыми осведомлёнными относительно обстоятельств произошедшего являются стороны. Однако их знания обстоятельств дела, выраженные в «позициях защиты и обвинения», ангажированы сообразно преследуемой процессуальной цели и, с точки зрения независимого наблюдателя носят вероятностный характер[231].

По большому счёту участие сторон в судебном разбирательстве сводится к последовательному и системному представлению своих доказательств на этапе судебного следствия для интерпретации его итогов в обоснование собственной версии в ходе судебных прений. Именно посредством преломления версий сторон в сознании арбитров происходит моделирование

[231] См.: Орлов Ю.К. Основы теории доказательств в уголовном процессе: науч.-практ. пособие. М.: Проспект, 2000. 144 с.

ими достоверной картины произошедшего. В связи с изложенным, особую значимость для обоснования позиций сторон приобретают приёмы и способы представления, как отдельных доказательств, так и корреляционных связей между ними[232].

Кроме того, наличие в общемировой практике институтов «народного правосудия», таких как производство по уголовным делам с участием присяжных заседателей в Российской Федерации (глава 42 УПК РФ), требует дифференцированного подхода к представлению позиций сторон. Так, непрофессионализмом присяжного как познающего субъекта обуславливаются повышенные требования к наглядности тех сведений, которые ему транслируются, на что указывают и профильные исследователи[233].

В этой связи неудивительно, что помимо классического судоговорения участники уголовных судебных разбирательств как в России, так и по всему миру стремятся «подкрепить» свою версию наглядным материалом. В частности, как указывают профильные исследователи, ещё до изобретения фотографии юристы соревновались в мастерстве исполнения рукописных схем, которые демонстрировали судебному присутствию, что, впрочем, уже тогда вызывало споры о приемлемости такого воздействия на познающий субъект[234].

Действительно, как отмечают некоторые профильные специалисты, визуальное изображение является таким же средством коммуникации, как и устная речь. В частности, оно оказывает следующие формы влияния на субъект восприятия: а) придаёт более привлекательное внешнее выражение транслируемой информации; б) позволяет сформулировать мысленную модель изображаемых событий или явлений; в) акцентирует внимание на наиболее

---

[232] См.: Смирнов В.Е. Использование в уголовном судопроизводстве средств визуализации и моделирования в контексте обеспечения равноправия сторон // Уголовная юстиция. 2024. № 24. С. 84 – 88.

[233] См. например: Криминалистика для государственных обвинителей: под ред. А.Ф. Козусева, В. Н. Исаенко, А. М. Кустова. М., 2012. С. 287.; Брижак З.И. Психологические основы доказывания в суде с участием присяжных заседателей Юридическая психология. 2014. № 3. С. 8 - 11.

[234] См.: Van Weelden L. and van Charldorp T. A Communications Perspective on the Use of Visualisations in a Dutch Court for Minor Felonies (May 10, 2019). Utrecht Law Review, Vol. 15, № 1, P. 28.

важных деталях; г) выстраивает системные связи между элементами повествования; д) объясняет сложные для понимания вещи[235].

Эту специфику влияния наглядных образов на восприятие информации учитывает и ряд отечественных исследователей, обосновывающих целесообразность использования в уголовном судопроизводстве современных средств визуализации и моделирования для представления доказательственной информации и правовых позиций сторон[236].

Немаловажно отметить также, что повышенные стандарты наглядности детерминирует цифровизация преступной деятельности и методов противодействия ей, влекущая, как усложнение технических форм реализации объективной стороны преступлений, так и внедрение электронно-цифровых методов их расследования. В связи с этим, в судебных заседаниях представляются цифровые данные большого объёма, такие как: сведения о соединениях между абонентскими устройствами, электронная информация, извлечённая посредством рассмотренных в рамках предыдущего параграфа настоящей главы способов, текстовые сообщения в социальных сетях и мессенджерах за значительный период и т.д., что затрудняет их исследование как обособлено, так и в системной взаимосвязи[237].

Таким образом, становится очевидно, что применение технологий визуализации в судебном заседании (в особенности с участием присяжных заседателей) предоставляет стороне – инициатору такового ряд преимуществ перед процессуальным оппонентом.

В связи с изложенным, как уже отмечалось нами в параграфе 2 главы 1 настоящего диссертационного исследования, у стороны защиты сформировался

---

[235] См. например: J.R. Levin. On the functions of pictures in prose, in L.M. Pirozzolo & M.C. Wittrock (eds.), Neuropsychological and cognitive processes in reading (1981). 43 p.

[236] См. например: Высокотехнологичный уголовный процесс: монография / под ред. докт. юрид. наук С.В. Зуева, докт. юрид. наук Л.Н. Масленниковой. М., 2023. С. 191; Юркевич М.А. Применение судом видеотехнологий в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. С. 104.

[237] См. подробнее: Forensics Visualizations as a catalyst for fighting organized crime [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://roxanne-euproject.org/news/blog/forensics-visualizations-as-a-catalyst-for-fighting-organized-crime (доступ от 13.01.2024).

законный интерес, согласуемый с принципом состязательности уголовного судопроизводства, иметь реальную возможность: а) представлять судебному присутствию собственные визуальные модели, иллюстрирующие правовую позицию; б) оспаривать содержание визуальной модели, представленной стороной обвинения.

Гарантиями прав личности в данном контексте будут являться выявление условий демонстрации цифровой визуальной информации в процессе доказывания по уголовному делу, а также обеспечение процессуальных условий возможности её представления стороной защиты, чему и посвящён настоящий параграф.

Произведённый нами анализ доктринальных источников свидетельствует, что наглядное представление информации в уголовном судопроизводстве осуществляется двумя путями: «моделирования» и «визуализации», которые имеют не только различный материально-технический базис, но также и дифференцированные доказательственное значение и процессуальные условия применения. В виду заявленных целей исследования на данной дихотомии считаем необходимым остановиться подробнее.

Визуализацию в уголовном судопроизводстве в наиболее общем виде можно характеризовать, как направленное на познающего субъекта использование сторонами технических средств, таких как видеотехнологии, 3-Д моделирование, графические презентации (создаваемые, например, в таких программах, как «Power Point») для наглядного представления содержания своей позиции по делу или его материалов.

В свою очередь, результаты компьютерного моделирования, обличённые в удобную для восприятия визуальную форму, представляют собой не «пересказ» имеющейся в материалах уголовного дела информации, а самостоятельное доказательство, содержанием которого является научно обоснованный вывод об обстоятельстве, подлежащем доказыванию в ходе производства по уголовному делу, производимый путём программной

обработки и анализа отдельных доказательств с применением математических и физических формул.

В отечественном уголовном судопроизводстве наибольшее распространении получили именно инструменты «моделирования» и, в первую очередь, компьютерные реконструкции криминальных дорожно-транспортных происшествий, которые достоверно воссоздают картину аварии, анализируя представленные для программной обработки материалы уголовного дела, такие как «Carat-3» и «Virtual CRASH 3.0»[238] .

В материалах уголовного дела такие «реконструкции» представлены в виде приложений к соответствующему заключению эксперта, и подлежат исследованию одновременно с ним с возможностью допроса эксперта – составителя модели в порядке ст. 205 УПК РФ. О правомерности данного вывода однозначно свидетельствует произведённый нами анализ судебных решений по уголовным делам, в которых в качестве доказательств использовались результаты работы указанных программ, например: приговор Поронайского городского суда Сахалинской области от 5 октября 2023 года по делу № 1-146/2023; приговор Питкярантского городского суда Республики Карелия от 28 марта 2023 года по делу № 1-2/2023; приговор Суздальского районного суда Владимирской области от 25 декабря 2023 года по делу № 1-78/2023; апелляционное определение Кемеровского областного суда от 21 июня 2022 года № 22-2484/2022 и другие. Последний поименованный судебный акт интересен ещё и тем, что содержит указание на «побочную» роль такого рода реконструкций, выражающуюся в возможности демонстрации свидетелю при его допросе в порядке ст. 278 УПК РФ обстоятельств произошедшего в целях сопоставления его показаний и результатов экспертизы.

В зарубежных правопорядках, в частности в США, к такого рода моделям также предъявляются стандартные для судебных экспертиз требования

[238] Подробнее о принципах их работы см. например: Беляев М.В., Четвергов М.А. К вопросу о современных способах моделирования дорожно-транспортных происшествий // Вестник Московского университета МВД России. 2018. №4.

сертифицированности, научной апробации технологии визуализации, обязательности допроса их создателя в судебном заседании и т.д.[239].

Из изложенного логически следует отсутствие какой бы то ни было дискуссии относительно процессуальных условий применения технологий компьютерного моделирования в уголовном судопроизводстве, однако в вопросах использования технологий «визуализации» подходы менее единообразны.

Исходя из анализа изученных при подготовке настоящего диссертационного исследования судебных актов, а также научных изысканий учёных-процессуалистов можно выделить ряд «прикладных» целей применения технологий визуализации при производстве по уголовному делу.

Во-первых, графика и видеотехнологии привлекаются сторонами для структурного и последовательного изложения в судебных заседаниях содержания как отдельных доказательств, так и их взаимосвязи в контексте своей правовой позиции по делу.

Хрестоматийным примером, из которого явственно следует адекватность инструмента заявленной цели, является исследование в суде результатов такого следственного действия, как «получение информации о соединениях между абонентами и абонентскими устройствами», предусмотренного ст. 186.1 УПК РФ.

В соответствии с руководящими разъяснениями Верховного Суда Российской Федерации, изложенными в абз. 2 п. 11 Постановления Пленума от 1 июня 2017 года № 19, предметом названного следственного действия могут являться, среди прочего, сведения о местоположении телефонного аппарата относительно базовой станции

В исследуемом контексте, криминалистически значимыми сведениями, получаемыми в порядке ст. 186.1 УПК РФ, могут являться: а) информация обо всех абонентских устройствах, которые находились в «зоне покрытия» конкретной базовой станции подвижной радиотелефонной связи за

[239] См. подробнее: Webster, V.; Bourn, F. (Trey), III. The Use of Computer-Generated Animations and Simulations at Trial. Defense Counsel Journal; Chicago Vol.83 № 4 (2020). p.p. 439 – 459.

определённый период времени в случаях, когда, например, необходимо установить круг лиц, потенциально имеющих связь с преступлением в силу своего нахождения неподалёку в момент его совершения[240]; б) сведения о местоположении конкретного абонентского устройства относительно базовых станций в интересующий следствие период времени, что используется для целей опровержения или подтверждения заявления о наличии алиби и определения маршрута перемещений обвиняемого.

В соответствии с системной взаимосвязью ч. 5 и 6 ст. 186.1 УПК РФ в качестве доказательств, производных от данного следственного действия, выступают протоколы осмотра информации о местоположении абонентов относительно базовых станций, а также вещественные доказательства – детализации подключений абонентского устройства к базовым станциям.

Учитывая, что доказательственное значение, применительно к описанным ситуациям, будут иметь топографическая привязка базовых станций к план-схемам конкретной местности, а также время присоединения абонентских устройств к ним, темпорально обуславливающее маршрут передвижения обвиняемого, в судебном заседании остро встаёт вопрос доступного для познающего субъекта изложения результатов данного следственного действия.

Так, очевидна непригодность для этой цели вербальных средств в виде монотонного озвучивания в порядке ст. 285 УПК РФ координат базовых станций и времени «подключения» к ним абонентских устройств, в связи с чем необходимость применения средств визуализации не вызывает сомнений[241].

Произведённый нами анализ судебной практики свидетельствует, что представление результатов следственного действия, предусмотренного ст. 186.1 УПК РФ, в пространственном контексте происходит через демонстрацию суду графических планов-схем, на которых изображаются как зоны покрытия

[240] Подробнее см.: Антонов О.Ю. Получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами в России: сущность, этапы и пути совершенствования тактического обеспечения // Вестн. Том. гос. ун-та. 2020. №459. С. 223.

[241] См. например: Чаднова И.В. Цифровые следы как самостоятельное доказательство / И.В. Чаднова, А.В. Извеков // Правовые проблемы укрепления российской государственности. Томск, 2019. С. 127.

конкретных базовых станций, так и маршрут передвижения между ними владельца соответствующего абонентского устройства с привязкой ко времени.

При этом такие схемы могут быть приобщены и исследованы как в самом судебном заседании[242], так и создаваться следователем с участием специалиста при осмотре результатов следственного действия в порядке ч. 5 ст. 186.1 УПК РФ и процессуализироваться как приложение к соответствующему протоколу осмотра[243].

Как видно из представленных примеров, статические графики-схемы активно принимаются судами для визуального изложения содержания указанного доказательства, однако к динамическим видеопрезентациям, созданным посредством использования компьютерных программ, суды относятся менее благосклонно, в виду чего автором не обнаружено ни одного судебного акта, в котором бы фигурировали подобные способы визуализации.

К похожему выводу в своём диссертационном исследовании приходит и М.А. Юркевич. В частности, указанный исследователь отмечает не только пренебрежение судами самостоятельным использованием передовых достижений компьютерных визуальных технологий, но также встречающиеся в практике отказы в удовлетворении ходатайств стороны защиты о демонстрации динамических видеопрезентаций перемещений обвиняемого, созданных на основе сведений о местоположении абонента относительно базовых станций. В подтверждение своей позиции М.А. Юркевич приводит не только анализ судебной практики, но также и результаты анкетирования представителей судейского сообщества[244].

Стоит отметить, что отсутствие обширной судебной практики в исследуемом контексте отчасти детерминировано также «процессуальной консервативностью» самих сторон производства по уголовному делу. Так,

---

[242] См. например: апелляционное определение Верховного суда Республики Татарстан от 22 декабря 2020 года по делу № 22-8159/2020.

[243] См. например: апелляционное постановление Ленинградского областного суда от 28 января 2021 года по делу № 22-16/2021 и приговор Советского районного суда города Брянска от 18 декабря 2023 года по делу № 1-149/2023.

[244] Юркевич М.А. Применение судом видеотехнологий в уголовном судопроизводстве. дис. ... канд. юрид. наук. М,. 2021. С. 112-113.

например, анкетирование представителей государственного обвинения даёт схожие с «судебными» результаты в части скепсиса к применению цифровых технологий визуализации. Из проведённого другой группой исследователей опроса сотрудников прокуратуры следует, что никто из них не использовал такие способы изложения своей позиции в суде, а максимальная наглядность в их обвинительной деятельности выражалась в подготовке к судебным прениям презентационных материалов в печатном виде: диаграмм схем, таблиц и т.д.[245]

Второй целью использования технологий визуализации в уголовном судопроизводстве является реконструкция исследуемого события, в частности, места происшествия и взаимного расположения объектов на нём, например, при помощи создания 3-Д моделей.

Такая необходимость может возникнуть, когда элементы реализации объективной стороны преступления, будучи локализованными на сравнительно небольшой местности, состояли из действий большого количества лиц (как обвиняемых, так потерпевших и свидетелей), показания которых противоречат друг другу, при этом сохранение обстановки места происшествия для проведения следственного эксперимента или доступ к нему следственных групп представляются невозможными или затруднительными.

В отечественной доктрине встречается мнение профильных специалистов, что реконструкция места преступления приобретает особую значимость при расследовании преступлений, оставляющих множество неприглядных следов, подлежащих уборке соответствующими службами после производства неотложных следственных действий, таких как: ДТП со смертельным исходом, пожары, теракты, убийства и т.д. [246].

Соглашаясь с приведённой позицией, считаем важным дополнить, что необходимость реконструкции мест происшествия может возникать в ситуациях, когда у правоохранительных органов отсутствует непосредственный

[245] См.: Malykhina N. I., Menzhega, M. M., & Slavgorodskaya, O. A. Application Of 3D Technology In Criminal Proceedings.State and Law in the Context of Modern Challenges, (2022). vol 122. P. 414.

[246] См. например: Полякова А.В. Формирование и развитие 3-D технологий в судебно-экспертой деятельности: методологические и организационные аспекты : дис. … канд. юрид. наук. Уфа, 2023. С. 148.

доступ к ним. Так, например, соответствующая практика имеется в США при судебном рассмотрении дел о применении запрещённых видов вооружений в локальных конфликтах. В частности, имела место 3-Д реконструкция места предполагаемого применения химического оружия в Сирийской Арабской Республике на основе спутниковых снимков данной территории[247].

В таких ситуациях демонстрация материалов уголовного дела, и в особенности, сведений из протокола осмотра места происшествия в виде пространственно-контекстуализированных точек в искусственно воссозданной виртуальной среде становится механизмом объяснения суду обстоятельств произошедшего, что отмечается и в зарубежной литературе [248].

Отечественной практике известно применение технологий 3-Д для реконструкции места преступления и отображения расположения действующих лиц, предметов обстановки, траекторий движения и действий лиц, вовлечённых в рассматриваемые события. Например, в данном контексте небезынтересна практика Ленинградского областного суда, в котором интерактивная анимированная 3-Д модель места происшествия демонстрировалась прокурором присяжным заседателям для подтверждения состоятельности своей версии произошедшего[249].

Зарубежным доктрине и правоприменительной практике также известны случаи применения в судах технологий 3-Д реконструкции мест происшествия. Так, например, в австралийском Окружном суде Перта ещё в 1997 году при рассмотрении дела «Маротты, Булла и Кинга против Короны» по обвинению в совершении группового изнасилования, стороной защиты была подготовлена компьютерная трёхмерная анимация, демонстрирующая пространственные

[247] См. подробнее: Оракбаев А. Б. О некоторых вопросах расследования преступлений с использованием средств виртуализации // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 1. С. 90.

[248] См. например: Schofield D. Technology Corner: Visualising Forensic Data: Evidence Guidelines (Part 2). State University of New York (2013). P. 101.

[249] См. например: Крысин В.В. Цифровые технологии как средство обеспечения наглядности речи государственного обвинителя в прениях сторон с участием коллегии присяжных заседателей / В.В. Крысин // Следственная практика. 2020. Вып. 210. С. 98–101.; Холопов А.В. 3D-моделирование события преступления в стадии судебного разбирательства с участием присяжных заседателей: проблемы и пути решения // Криминалистъ. 2023. № 3. С. 85 – 86.

перемещения участников событий на воссозданном на основании фотографий полиции месте происшествия[250].

Похожая технология использовалась и в уголовном процессе Великобритании во время слушания дела об убийстве потерпевшего осколками бутылки для опровержения позиции стороны защиты о причинении смерти в результате необходимой самообороны, что отмечали отечественные исследователи при компаративистском анализе применения аналогичных технологий[251].

Третья цель использования средств визуализации имеет место в случаях, когда исследованию в судебном заседании с участием присяжных подлежат «шокирующие» [252] обстоятельства, такие как, например, характер повреждений чрезвычайно обезображенного трупа, демонстрация натуралистических изображений которого из фототаблиц может вызвать предубеждение коллегии присяжных в отношении подсудимого, что недопустимо в соответствии с ч. 8 ст. 335 УПК РФ в том смысле, который ей придаёт судебная практика[253].

Небесполезно отметить, что зарубежная правоприменительная практика также исходит из невозможности демонстрации чрезмерно жестоких кадров суду присяжных, детерминированной опасением за непредвзятость вердикта. При этом в основе такого подхода лежат и научные изыскания специалистов в области психологии, в соответствии с которыми эмоциональное воздействие, оказываемое «шокирующими доказательствами» на присяжных заседателей, может отвратить их от вынесения справедливого и взвешенного вердикта[254]. Кроме того, нежелательность демонстрации подобных изображений обуславливается потенциальной возможностью оскорбить религиозные, культурные и этические представления участников процесса, а также повлечь

[250] С.: Schofield D. Там же. P. 102 – 103.
[251] См.: Malykhina, N. I., Menzhega, M. M., & Slavgorodskaya, O. A.Указ. соч. P. 413.
[252] См.: Холопов А.В. Указ. соч. С. 23 - 26.
[253] Подробнее о «шокирующих доказательствах, см. например: Насонов С. А. Запрет исследования доказательств, способных вызвать предубеждение заседателей в отношении подсудимого / / Вопросы современной юриспруденции. 2014. № 34. С. 115-119.
[254] См. например: Baier W., Warnett J.M., Payne M., Williams M.A. Introducing 3D Printed Models as Demonstrative Evidence at Criminal Trials. J. Forensic Sci. 2018. (4). P. 1300 – 1301.

дополнительные переживания для семьи жертвы, потерявшей близкого человека[255].

В связи с этим, использование результатов компьютерного моделирования, созданных на основании фотографий (в том числе и рентгеновских снимков) и измерений трупа [256] , получило широкое распространение при необходимости демонстрации такого рода доказательств.

Например, в уголовном процессе США известен случай, когда при рассмотрении в одном из окружных судов Штата Миннесота дела об убийстве, сторона обвинения для демонстрации характера и локализации повреждений, причинённых жертве нападавшим, представила в суд 3-Д модель её головы и шеи, произведённую на основе томографического исследования[257].

В качестве четвёртой цели использования рассматриваемых технологий можно выделить то, что во всех вышеперечисленных случаях сторона, применяющая технологии визуализации, стремится к формированию единого мысленного образа транслируемой информации у всего состава суда вне зависимости от индивидуальных особенностей восприятия каждого из его членов с возможностью возврата к нему в дальнейшем путём повторного воспроизведения[258]. Данная цель становится актуальнее в связи с тем, что в соответствии с проведёнными зарубежными специалистами в сфере психологии исследованиями применение визуальных технологий улучшает запоминание присяжными обстоятельств произошедшего[259].

---

[255] Там же. С. 1299-300.

[256] Подробнее о процессе создания моделей частей тела для демонстрации в уголовном судопроизводстве см.: McGee K., Morris j., Reichard R., O'Laughlin K. and MacLean C. Substantive Admissibility of 3D Forensic Medical Graphics and Models. American Journl of Trial Advocacy, Vol. 44, No. 1, 2020. P. 141 – 158.

[257] См.: McGee K., Morris j., Reichard R., O'Laughlin K. and MacLean C. Там же. P. 156.

[258] «Воспроизводимость» визуальных моделей, как обоснование для их широкого внедрение в уголовном процессе отмечалось, например, в: Алабужев И.Г.. Визуализация показаний допрашиваемого посредством компьютерного моделирования: дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2004. С. 89.

[259] Подробнее о влиянии визуализированной информации на запоминание обстоятельств уголовного дела членами жюри см.: Home P., G. Norman D., Wade K., Spearing E., Williams M. 3D scanning a crime scene to enhance juror understanding of Bloodstain Pattern Analysis evidence, Science & Justice, Volume 64, 2024, p.p. 333-338.

Проведённое нами в ходе настоящего исследования анкетирование правоприменителей иллюстрирует отсутствие единого мнения касательно критериев возможности использования результатов работы указанных программ для демонстрации в судебных заседаниях по уголовным делам.

Так, 58 % респондентов указали, что единственным основанием для появления программных средств визуализации в уголовном судопроизводстве является их предоставление в качестве приложений к заключениям эксперта или специалиста, по сути, приравняв их к технологии моделирования. В свою очередь, 22 % опрошенных указали на возможность их использования при установлении тождества между визуальной информацией и иллюстрируемыми материалами уголовного дела. Ещё 18 % правоприменителей, согласившись с предыдущим критерием, добавили к нему условия наличия структурированного отчёта о ходе их создания и обеспечения процессуального равенства сторон в возможности применения такого рода программ. В этой связи, однако, целесообразно отметить, что категорически против любого применения средств визуализации доказательственной информации в уголовном судопроизводстве высказались всего 2 % респондентов.

Рассмотрение процессуальных условий использования цифровых средств визуализации в уголовном судопроизводстве считаем целесообразным начать с исследования зарубежного опыта в изучаемой сфере. Наибольший интерес здесь будет представлять правоприменительная практика США, так как она также придерживается дифференциации процессуальных условий визуализации и моделирования, что отвечает структуре параграфа.

Аналогом отечественной «визуализации» в американской доктрине выступает «анимация», сущность которой представляет собой лишь воссоздание исследуемых судом событий в интерпретации свидетеля или подсудимого, а не истинную и научно обоснованную картину произошедшего, в связи с чем её результаты имеют вспомогательное доказательственное

значение для показаний названных лиц и, следовательно, пониженные стандарты допустимости к применению в уголовном судопроизводстве[260].

В наиболее общем виде возможность использования цифровых анимаций в уголовном процессе США базируется на «Федеральных правилах [261] о доказательствах» [262] и сводится к тому, что: а) в соответствии с Правилом 901 (а), они должны быть актуальными той доказательственной информации, которую воспроизводят, то есть предельно точно изображать «первичные» доказательства (например, показания свидетеля); б) их доказательственная ценность должна превалировать над потенциальной возможностью оказания на познающий субъект недопустимого воздействия, способного вызвать предубеждение или исказить обстоятельства рассматриваемого дела (Правило 403); в) анимации должна «усиливать доказательственное значение» изображаемой информации, то есть делать её истинность «более вероятной» в глазах познающего субъекта (Правило 401).

Впрочем, судебно-прецедентной практикой США выработаны и дополнительные процессуальные условия использования средств визуализации в уголовном судопроизводстве помимо указанных «рамочных».

Так, сторона, которая представляет результат работы таковых для демонстрации членам жюри, должна предупредить их о том, что: а) анимация, которая будет им продемонстрирована, не является точным отображением произошедших событий, а представляет собой лишь обличённую в наглядную форму версию того или иного участника уголовного судопроизводства; б) члены жюри не должны придавать анимациям большее доказательственное значение только потому, что они созданы с помощью компьютера и имеют удобную для восприятия форму[263].

---

[260] См. например: Webster, V.; Bourn, F. (Trey), III. Указ. соч. P. 440; Baier W., Warnett J.M., Payne M., Williams M.A. Указ. соч. P. 1299.

[261] Далее – Правила.

[262] Federal Rules of Evidence (1975). Cornell Law School Legal Information Institute. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.law.cornell.edu/rules/fre (доступ от 12.11.2024).

[263] См. например: Дело «Хинкла против города Клаксбурга (Hinkle v. City of Clarksburg)», 81 F.3d , 425 (4th Cir. 1996), дело «Народ против Колея (People v. Cauley)», 32 P.3d 602, 606-607

В частности, обосновывая обязательность донесения инструкций такого рода до присяжных, Десятый окружной апелляционный суд указал, что это является единственным способом нивелирования рисков того, что «присяжные перепутают реальность с искусственно созданной виртуальной моделью»[264] .

При этом в случае непредставления такого предостережения стороной, председательствующий «коронный» судья может самостоятельно предупредить членов жюри о вышеуказанных обстоятельствах по собственной инициативе или ходатайству противоположной стороны[265].

Небезынтересен также способ подтверждения технически корректного отображения анимацией исследуемого события или явления. Так, в случае возникновения сомнений, сторона, представляющая анимацию, может подтвердить её соответствие масштабу, плану местности, результатам вскрытия трупа патологоанатомом и т.д. с помощью свидетельских показаний приглашённого специалиста в области технологий визуализации (зачастую, самого автора анимации)[266].

Кроме того, одним из основополагающих условий демонстрации визуальных моделей является предварительное и своевременное раскрытие противоположной стороне в разумные сроки до начала судебного заседания содержания анимации, как гарантия возможности оспаривания её соответствия материалам дела и/или подготовки «в противовес» собственного цифрового визуального продукта[267].

Американские условия использования средств визуализации (анимации) в уголовном судопроизводстве представляются нам обоснованными и подлежащими частичной экстраполяции на отечественную правовую

(Colo. Ct. App. 2001), а также дело «Кейна против моста и тоннеля Трайборо (Kane v. Triborough Bridge & Tunnel Authority)», 778 N.Y.S.2d 52, 54 (NY. Sup. Ct. App. Div. 2004).

[264] См.: Robinson v. Mo. Pac. R.R. Co., 16 F.3d 1083, 1089 (10th Cir. 1994).

[265] См. например: Дело «Дацков против Континентального авиамоторного предприятия Теледайн (Datskow v. Teledyne Continental Motors Aircraft Prods)»., 826 F. Supp. 677, 685 (W.D.N.Y. 1993).

[266] См. например, решение Шестого окружного апелляционного суда по делу Ponce v. M/V Altair, 493 F. Supp.2d 880, 885 (S.D. Tex. 2007).

[267] См. например, Дело «Кларка против Кантрэлла (Clark v. Cantrell)», 529 S.E.2d 528, 535 (S.C. 2000).

действительность, особенно в разрезе того, что в той или иной форме они уже предложены как доктриной, так и судебной практикой.

Первоочередным условием, вне всякого сомнения, должна являться аутентичность. Так, по нашему мнению, несмотря на определённую ангажированность цифровых видеоматериалов, представляемых той или иной стороной, они должны безусловно соответствовать тем материалам уголовного дела, которые воспроизводят. Иными словами, как верно отмечали такие исследователи-процессуалисты, как Л.А. Шестакова и Р.А. Коныгин, необходима минимализация допущений автора визуальной модели, не имеющих первичного базиса в виде соответствующего доказательства [268]. В частности, под таковыми можно рассматривать изображение на 3-Д модели места происшествия элементов окружающей обстановки, не запечатлённых в протоколе осмотра места происшествия и прилагающейся к нему фототаблице.

Впрочем, установление такого условия несёт неочевидные на первый взгляд риски для состязательного правосудия, связанные с технологическими условиями создания цифровых реконструкций.

Например, продолжая рассмотрение визуализации через оптику 3-Д реконструкции места происшествия, следует отметить, что для создания максимально репрезентативной модели необходимо использование специального оборудования.

Так, трёхмерная модель-реконструкция места происшествия создаётся путём объединения в одно целое результатов работы 3-Д сканеров местности, фиксирующих «глубину» сцены при помощи лазерных лучей, а также отсканированных моделей отдельных предметов, размещённых на месте преступления[269]. Очевидно, что стороне обвинения, пользующейся поддержкой государственной материально-технической базы, получить в своё

[268] См.: Коныгин Р.А., Шестакова Л.А. Использование компьютерного трёхмерного моделирования в уголовном судопроизводстве Российской Федерации // Юридический вестник Самарского университета. 2017. Т.3 № 3. С. 104.

[269] Подробнее о созданиях трёхмерных моделей смотрите, например: Holowko, E., Januszkiewicz, K., Bolewicki, P., Sitnik, R., & Michoński, J. (2016). Application of multiresolution 3D techniques in crime scene documentation with bloodstain pattern analysis. Forensic Science International, 267, 218–227.

распоряжение указанные программно-аппаратные комплексы несравнимо проще, чем стороне защиты.

Из изложенного следует, что в том случае, если при осмотре места происшествия в планы следователя-криминалиста заведомо входит привлечение программно-аппаратных комплексов для реконструкции места происшествия, то стороне защиты будет практически невозможно представить в суде какую – либо альтернативную визуальную модель, в виду объективных преимуществ технического исполнения «следственной» модели.

Возможное решение указанной доказательственной диспропорции кроется во втором способе цифровой реконструкции места происшествия. Так, сравнимую точность воссоздания специалистом по 3-Д анимации окружающей обстановки предоставляет программное трёхмерное преобразование фотографий места происшествия, выполненных особым способом. При этом, как следует из профильных исследований, «ординарные» фототаблицы к протоколам осмотра места происшествия менее пригодны для программной обработки[270].

В связи с этим, считаем целесообразным допускать к участию в следственных осмотрах, в которых планируется формирование трёхмерных визуальных моделей, приглашённых в порядке ч. 2.1. ст. 58 УПК РФ стороной защиты специалистов по 3-Д реконструкциям для объяснения участникам осмотра принципов построения фототаблиц, доступных для последующей программной обработки, или для самостоятельного осуществления фотографирования.

Рассмотренная ситуация относится и ко второму условию использования средств визуализации в уголовном судопроизводстве, также получившему отражение в американской правовой системе, а именно возможности оспаривания представленной процессуальным оппонентом визуальной модели посредством создания собственной.

---

[270] Подробнее см.: Полякова А.В. Формирование и развитие 3-D технологий в судебно-экспертой деятельности: методологические и организационные аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2023. С. 153 - 154.

Ярким иллюстративным примером необходимости данного условия может являться проанализированное нами уголовное дело, бывшее предметом рассмотрения Центрального районного суда города Волгограда, в ходе которого изучалась визуальная схема движения обвиняемых, полученная в результате преобразования программно-аппаратным комплексом «Сегмент-АРМ-Р» информации, полученной в порядке ст. 186.1 УПК РФ, о местоположении абонента относительно базовых станций. Данный комплекс предназначен для обработки и наглядного визуального изложения содержания детализаций абонентский соединений [271] . Его применение осуществляет специалист в порядке ч. 5 ст. 186.1 УПК РФ, а результаты подвергаются исследованию в судебном заседании как приложения к протоколу осмотра предметов – результатов «получения информации о соединениях между абонентами и абонентскими устройствами». Отклоняя ходатайство защиты о признании недопустимой соответствующей визуальной модели, суд указал, что «полученные при помощи данного комплекса результаты не являются безусловным доказательством нахождения определённых телефонов непосредственно вместе, а лишь указывают на активность телефона в пределах одной локальной зоны действия одних и тех же антенн сотовых операторов. Данные результаты указывают на определённую закономерность территориальной активности исследуемых телефонных номеров. Кроме этого, результаты анализа данного программного комплекса являются проверяемыми, т.е. облегчают ручной анализ детализации звонков»[272].

Таким образом суд, фактически, прямо указал на надлежащий способ опровержения стороной защиты визуальных моделей такого рода – представление собственных. Учитывая обозначенную объективную диспропорцию доступности технологий визуализации, считаем необходимым в рамках принципа благоприятствования защите, установить «льготные» условия возможности приобщения её визуальных моделей.

[271] Подробнее см.: Антонов О.Ю. Указ. соч. С. 224.
[272] Приговор Центрального районного суда города Волгограда от 21 февраля 2023 года № 1-10/2023(1-158/2022)

В частности, при предоставлении в суд результатов работы средств визуализации представляется чрезмерным оценивать их с точки зрения сертифицированности программ, посредством которых они были созданы, а также наличия/отсутствия специализированного образования у их автора. Схожее предложение выдвигают и представители отечественной уголовно – процессуальной доктрины, такие как А.В. Холопов[273].

Полагаем, что это нивелирует опасность подрыва состязательных начал уголовного судопроизводства, детерминированную невозможностью представления стороной защиты «контрвизуализации» в противовес наглядным моделям стороны обвинения, исключив одно из основных препятствий для более широкого применения рассматриваемых технологий, отмечаемых в литературе[274].

Кроме того, понижение «порога вхождения» для представления услуг, связанных с визуализацией материалов уголовного дела само по себе увеличит число предложений от профильных организаций, доступное для стороны защиты, тем самым став дополнительной гарантией для неё защищаться всеми незапрещёнными законом способами путём наглядного изложения своей позиции.

Важно отметить, то противодействие средствам визуализации процессуального оппонента может выражаться ещё и в недопущении их демонстрации в виду несоответствия материалам дела или наличия значительного количества «допущений», отвращающих субъект познания от сущности изображаемой доказательственной информации.

В связи с этим третьим условием применения средств визуализации в производстве по уголовному делу будет являться обязательное снабжение результатов их работы подробным структурированным отчётом содержащим информацию о: а) наименовании использованной программы; б) конкретных материалах уголовного дела, представленных в качестве исходных данных для

[273] См.: Холопов А.В. 3D-моделирование события преступления в стадии судебного разбирательства с участием присяжных заседателей: проблемы и пути решения // Криминалистъ. 2023. № 3. С. 88.
[274] См. например: Юркевич М.А. Указ. соч. С. 111.

программной обработки (например, для 3-д реконструкции места происшествия таковыми будут фотоаблица и протокол осмотра); в) характере и очерёдности действий, произведённых как человеком – автором визуальной модели, так и самой программой. Важно отметить, что представление таких отчётов не будет излишне обременительным для сторон в виду того, что многие программы, такие как средство генерации 3-Д изображений Agisoft Metashape[275], позволяют автоматическое их формирование одновременно с визуальной моделью. Подготовка подробного отчёта о ходе создании визуальной модели для совместного приобщения в суд применяется и в зарубежной практике. Например, таковая имело место в упомянутом выше деле «Маротты, Булла и Кинга против Короны», рассмотренном в австралийском Окружном суде Перта[276].

Кроме того, учитывая, что присяжные заседатели являются участниками процесса доказывания, в связи с чем председательствующий вводит их в порядке п. 3, 5 и 6 ч. 3 ст. 340 УПК РФ в контекст основных правил оценки доказательств, считаем необходимым, чтобы «вспомогательная доказательственная сущность» визуальных моделей также доносилась до них.

В связи с изложенным, представляется целесообразным обязательное предварительное разъяснение членам коллегии присяжных (в случае рассмотрения уголовного дела с их участием) стороной, демонстрирующей наглядные материалы, того, что они представляют собой позицию, а не реконструкцию действительности. При этом противоположная сторона должна иметь возможность ходатайствовать перед председательствующим о таком разъяснении.

Переходя к механизму проверки представленных стороной в суд результатов работы рассматриваемых цифровых инструментов, следует отметить, что анализ практики реального разрешения вопросов возможности их демонстрации в судебном заседании выделяет две разные с процедурной точки зрения ситуации.

---

[275] Подробнее см.: Полякова А.В. Указ. соч. С. 155.

[276] Подробнее см.: Schofield D. Там же. P. 102 – 103.

Так, в случае, если дело рассматривается коллегией присяжных заседателей, то оценивать визуальную модель на соответствие рассмотренным условиям следует председательствующему совместно со сторонами в отсутствие «народных судей» в порядке, предусмотренном для решения вопросов о недопустимости доказательств (ч. 6 ст. 335 УПК РФ) в отдельном судебном заседании.

В частности, такой процессуальный механизм был использован Ленинградским областным судом по ходатайству прокурора для рассмотрения вопроса о возможности демонстрации присяжным 3-Д реконструкции места преступления. В ходе судебного заседания модель была оценена на предмет соответствия протоколам осмотра места происшествия и показаниям свидетелей, изучен процесс её создания, после чего стороне защиты было предоставлено время для подготовки собственной «контрмодели»[277].

Во втором случае, когда дело рассматривается профессиональным судом, указанный механизм неприменим, так как отсутствует «промежуточный фильтр» для информации, представляемой познающему субъекту, коим в вышеуказанном случае выступал председательствующий. В виду отсутствия возможности предварительного санкционирования визуальных материалов, по нашему мнению, необходимо разрешать сторонам их воспроизведение во всяком случае, при наличии технической возможности.

Дальнейшая оценка увиденного на предмет соответствия рассмотренным критериям – прерогатива суда в соответствии со ст. 17 УПК РФ. При этом, для подтверждения «технической» корректности создания наглядного материала может быть допрошен соответствующий специалист. Так, например, указанный подход имел место в упомянутых нами ранее постановлении Ленинградского областного суда от 28 января 2021 года по делу № 22-16/2021 и приговоре Советского районного суда города Брянска от 18 декабря 2023 года по делу № 1-149/2023, в которых для подтверждения аутентичности визуального

[277] См.: Крысин В. В. Цифровые технологии как средство обеспечения наглядности речи государственного обвинителя в прениях сторон с участием коллегии присяжных заседателей // Следственная практика. 2020. С. 97—98.

отображения схемы движения абонента относительно базовых станций был приглашён представитель оператора связи.

В случае соответствия визуальных моделей указанным условиям и положительного разрешения судом вопроса о возможности их демонстрации в судебном заседании, представляется обоснованным дальнейшее приобщение их к материалам уголовного дела в порядке ст. 286 УПК РФ в качестве «иных документов» (п. 6 ч. 2 ст. 74 УПК РФ).

Выводы по параграфу.

Наглядное представление информации посредством цифровых технологий в судебных заседаниях по уголовным делам осуществляется в виде а) компьютерного моделирования, представляющего собой научно обоснованный вывод об обстоятельстве, подлежащем доказыванию, произведённый с помощью программной обработки и анализа отдельных доказательств; б) визуализации, при которой осуществляется трансляция содержания позиций сторон по делу.

Целесообразность использования технологий визуализации в судебном заседании для наглядного представления отдельных материалов уголовного дела и их взаимосвязей обусловлена: а) существованием в отечественном правопорядке института присяжных заседателей, характеризующегося непрофессиональным познающим субъектом и особенностями судебного следствия, не допускающими демонстрации натуралистичных подробностей ряда преступлений; б) необходимостью сопоставления пространственного положения и перемещения локализованных на участке местности лиц и предметов при противоречивости показаний участников событий; в) увеличением объёма и усложнением содержания электронной доказательственной информации.

Отметив существующую в отечественной правоприменительной практике тенденцию препятствования стороне защиты в использовании цифровых средств визуализации доказательственной информации, автор вносит ряд предложений, позволяющих нивелировать дисбаланс доказательственных

возможностей сторон в ходе производства по уголовному делу, повысив гарантии состязательного построения уголовного процесса.

Представляется обоснованным, что цифровые визуальные модели, иллюстрирующие позиции сторон и содержание отдельных доказательств и их взаимосвязей, могут демонстрироваться в судебном заседании и приобщаться к материалам уголовного дела при условиях: а) точного соответствия отображаемым материалам уголовного дела; б) представления использовавшей цифровые визуальные средства стороной подробного отчёта о ходе создания наглядного материала и предупреждения присяжных о его производном доказательственном значении; в) предоставления времени противоположной стороне для создания собственной визуальной «контрмодели» или мотивированной позиции о несоответствии результата работы цифровых программ материалам уголовного дела или существенных технических ошибках, допущенных при их создании, искажающих суть демонстрируемого события/явления.

К визуальным моделям стороны защиты не должны предъявляться какие-либо иные требования, помимо вышеуказанных, в частности о необходимости использования исключительно сертифицированного программного обеспечения под контролем специалиста с профильным образованием.

Проверка соответствия вышеуказанным условиям должна производиться в отдельном заседании с участием председательствующего (при рассмотрении дела коллегией присяжных заседателей) или осуществляться судьёй самостоятельно после демонстрации ему визуальных материалов.

Внесение отдельных законодательных новелл в УПК РФ, посвящённых регулированию рассматриваемых правоотношений, считаем на данном этапе излишним, в связи с тем, что проверка и оценка визуальных материалов осуществляется судом в соответствии с общими правилами доказывания, а использование их при изложении своей позиции в судебных прениях регулируется правилом о запрете ссылаться на неисследованные материалы дела, предусмотренным ч. 4 ст. 292 УПК РФ.

Глава III. ГАРАНТИИ ПРАВ ЛИЧНОСТИ ПРИ ПРИМЕНЕНИИ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ХОДЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ.

§ 1. Процессуальные особенности доступа к заблокированным электронным устройствам в ходе производства по уголовному делу.

Уголовное судопроизводство немыслимо без принуждения, которое пронизывает все его стадии и являет собой, по сути, механизм достижения его целей.

Как было отмечено ранее, мы исходим из широкого понимания уголовно-процессуального принуждения, в объём которого, помимо прямо поименованных в Разделе IV УПК РФ, подлежат включению меры принудительного характера в отношении лиц, вовлечённых в орбиту уголовно-процессуальных отношений, применяемые в ходе производства следственных и иных процессуальных действий, а также непосредственное воздействие на человека с помощью уголовно-правовых санкций[278].

Разумеется, любое принуждение, лишая индивида самодетерменируемости и свободы воли, отражается на его правах, что требует установления гарантий от его произвольного применения.

Как подробно описано нами в рамках первого параграфа предыдущей главы настоящего исследования, преодоление невозможности получения правоохранительными органами доступа к зашифрованной криптографическими способами информации, находящейся на заблокированном электронном устройстве представляет собой весьма трудоёмкий процесс.

[278] Подробнее об узком и широком подходе к мерам принуждения см. например: Кривощёков Н.В. О сущности уголовно-процессуального принуждения // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2023. №4 (66). С. 66 – 75.; Цоколова О.И., Кузьменко Е.С. Принуждение в уголовном процессе: современные проблемы и тенденции (о результатах международной научно-практической конференции) // Проблемы предварительного следствия и дознания: сб. науч. тр. по материалам междунар. науч.-практ. конф. М., 2020. Т. 29. С. 3-5.

В связи с этим лица, ведущие производство по уголовному делу, могут принудить или убедить владельца соответствующего устройства к оказанию содействия правоохранительным органам в его разблокировании, что поспособствует как «экономии ресурса» специализированных подразделений, осуществляющих использование программно-аппаратных комплексов для извлечения компьютерной информации, так и соблюдению разумных сроков производства по уголовному делу.

Применение принуждения для указанных целей может вступать в контрадикторность с принципом «nemo tenetur se ibsem accusare (никто не обязан свидетельствовать против самого себя)», представленным в законодательстве значительного числа государств, притом в некоторых, таких как Российская Федерация, ФРГ или США, получившим конституционное закрепление[279]. Однако доктрина и правоприменительная практика различных юрисдикций, включая Российскую Федерацию, содержат различную трактовку указанного принципа применительно к принудительной разблокировке цифровой техники.

Следует выделить две парадигмы во взаимодействии государственных органов, желающих получить доступ к заблокированному устройству, с его владельцем, которые условно можно характеризовать как «принуждение» и «стимулирование». Если в первом случае государство применяет разнообразные меры давления, чтобы побудить к сотрудничеству, от уголовно-правовых санкций до физического воздействия, то во втором старается стимулировать к кооперации, предлагая взамен различные процессуальные «бонусы». При этом данные парадигмы носят отнюдь не взаимоисключающий характер, и элементы каждой из них могут сосуществовать и даже синергировать в рамках одного государства.

В связи с изложенным, для определения условий правового регулирования раскрытия лицом пароля от электронных устройств, наиболее отвечающих законному интересу граждан не подвергаться необоснованному

[279] Подробнее см.: Ильютченко Н. В. Принцип nemo tenetur se ibsem accusare: сравнительно-правовой анализ // Вестник Московского университета. 2015. № 3. С 42 – 49.

уголовно-процессуальному принуждению, целесообразно проведение компаративистского анализа сходных правоотношений в Российской Федерации и ряде иностранных правопорядков.

Европейское национальное законодательство, хотя и в значительной степени унифицировано на основе объединительной силы различных Конвенций, а также наличия надгосударственных структур, всё же весьма разнородно в вопросах соотношения интереса правоохранительных органов в получении доступа к зашифрованным электронным устройствам и принципа «nemo tenetur se ibsem accusare». Дифференциация правовых подходов европейских стран к возможности/невозможности принуждения к разблокированию устройства производна от ответа на вопрос: «существует ли пароль помимо воли обвиняемого?».

Наиболее ярким примером положительного ответа на него является законодательство Бельгии. Так, ст. 88.4 Уголовно-процессуального кодекса Бельгии предусмотрено, что следственный судья может адресовать императивное требование о предоставлении доступа к электронной информации, имеющей значение для расследуемого преступления, любому лицу, которое, по его мнению, имеет такую возможность, от специалиста в области IT-технологий, до владельца устройства, которому известен пароль от него.

К примеру, в Решении Второй палаты Кассационного суда Бельгии от 4 февраля 2020 года по делу № P.19.1086.№/1 было признано, что принуждение обвиняемого к сообщению своего пароля от мобильного телефона не является «выступлением против самого себя». Обосновывая своё решение, суд указал, что: а) код доступа к электронному устройству существует независимо от воли человека, которому он известен; б) он существует сам по себе и остаётся неизменным вне зависимости от личности лица, которое его вводит; в) код доступа является «нейтральным» с точки зрения доказательственного значения и не обладает «компрометирующим эффектом» в отличие от содержательной части разблокируемой информации; г) наличие современных систем

шифрования данных делает затруднительным установление истины по уголовному делу, в связи с чем принуждение такого рода является оправданным.

Сходное положение имеется и во французском законодательстве, а именно в статье 434-15-2 Уголовного кодекса Франции, устанавливающей уголовную ответственность за отказ в разблокировании электронного устройства по требованию правоохранительных органов, также бывшей предметом рассмотрения Конституционного совета Франции, который пришёл к аналогичному выводу[280].

В связи с изложенным можно заключить, что на сегодняшний день законодательство ряда европейских стран допускает принудительное введение обвиняемым пароля по требованию правоохранительных органов и суда. Помимо Франции и Бельгии такие нормы содержат статья 257 Уголовно-процессуального кодекса Хорватии и статья 48 Закона Ирландии 2001 года «О преступлениях, связанных с кражами и мошенничеством в сфере уголовного правосудия».

В разрезе нашего исследования особый интерес представляет опыт США в связи с тем, что их судебно-прецедентная практика, хотя и до сих пор не сформировала единообразного подхода к возможности/невозможности принуждения граждан к раскрытию паролей от электронных устройств, выработала ряд критериев, подлежащих учёту при разрешении данного вопроса.

При рассмотрении указанных правоотношений суды США руководствуются системной взаимосвязью положений Четвёртой (защищающей неприкосновенность частной жизни человека, отражённой в его личных документах, от необоснованного вторжения со стороны государства) и Пятой (предоставляющей право не свидетельствовать против самого себя)[281] поправок к Конституции США.

---

[280] См. подробнее: Europol Eurojust. Second report of the observatory function on encryption. 2020. P. 13.

[281] Далее – Пятая поправка.

Стоит отметить, что, британское прецедентное право, в значительной степени, по мнению профильных исследователей[282], повлиявшее на содержание Четвёртой поправки, заложило принцип, запрещающий изъятие и использование в качестве доказательств при производстве по уголовному делу личных документов человека, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, в силу того, что тайные мысли индивида, содержащиеся в них, имеют приоритет в предоставлении правовой охраны[283].

Приверженность данному принципу была подтверждена Верховным Судом в деле «Бойд против США», в котором был утверждён «охранный статус» содержащихся в приватной документации мыслей человека, а также дана оценка принуждению к их предоставлению, как нарушению привилегии против самооговора[284].

Вполне очевидно, что при принятии «Билля о правах» его составители предполагали под «документами» рукописный или печатный текст, размещённый на бумажном или ином носителе. Однако, в силу неизменности его содержания и прямого действия, судам в XX – XXI веке, применявшим указанные поправки при разрешении уголовных дел, пришлось экстраполировать правовой подход к «документам» и на электронную информацию.

Указанный абсолютный иммунитет просуществовал вплоть до 1976 года, когда Верховный Суд в деле «Фишер[285] против США»[286] постановил, что раскрытие содержания самостоятельно составленных человеком документов не может рассматриваться, как свидетельство против самого себя, поскольку первоначально они были произведены без какого-либо принуждения и,

[282] См. например: Reed Amar A., Fourth Amendment First Principles, 107 Harv. L. Rev. 757, 773 (1994). pp. 758 – 819.; David A. Sklansky, The Fourth Amendment and Common Law, 100 Colum. L. Rev. 1739, 1799 (2000). pp. 1739 - 1814.
[283] Дело, послужившее прецедентным основанием для указанного подхода: Entick v. Carrington (1765) 19 Howell's State Trials. pp. 1029 – 1039.
[284] Boyd v. United States 116 U.S. 616 (1886).
[285] Далее – Дело Фишера.
[286] Fisher v. United States 425 U.S. 391 (1976).

следовательно, не являются «свидетельскими показаниями» для целей применения Пятой поправки.

Однако Верховный Суд США в данном прецедентном решении выделил правовую процедуру «предоставление», как подпадающую под защиту Пятой поправки, которая непосредственно применима к исследуемому нами вопросу. Так, Верховный Суд США указал, что, Пятая поправка защищает не содержание «документов» («цифровой информации» при экстраполяции правовой позиции), а непосредственно запрещает принуждение человека к физическому акту их предоставления, то есть, в контексте предмета исследования, к вербальному или письменному раскрытию или самостоятельному введению пароля от своего электронного устройства.

Одновременно в Деле Фишера суд выделил три критерия[287], которые, будучи составными частями «представления», детерминируют последующее применение судами Пятой поправки при рассмотрении сходных дел. Так, побуждение к раскрытию данных для предоставления информации со своего устройства будет незаконным в случае, если тем самым подтверждаются следующие обстоятельства.

Во-первых, «факт существования» искомой информации. Таковой будет иметь место, например, в случае сообщения правоохранительным органам о наличии детской порнографии путём предоставления пароля от оборудования, на котором она хранится.

Во-вторых, «факт владения» конкретного индивида чем-либо. Так, человек предоставивший пароль от, например, биткойн-кошелька, тем самым даёт основания полагать, что криптовалюта, содержащаяся на нём, принадлежит ему.

В-третьих, «факт подлинности» предоставляемых сведений. Так, если пароль вводится для предоставления, например, личной банковской информации, то это косвенно подтверждает её достоверность для целей доказывания.

---

[287] См. подробнее: Sacharoff L., Unlocking the Fifth Amendment: Passwords and Encrypted Devices, 87 Fordham L. Rev. 203 (2018). P.217 – 219.

Данный подход по нашему мнению, предоставляет гораздо большие гарантии защиты прав преследуемого лица в уголовном судопроизводстве, чем подход европейских правоприменителей (в частности, бельгийских), которые не придают самостоятельного доказательственного значения факту предоставления пароля, что позволяет им обосновывать возможность принудительной разблокировки электронных устройств, как было показано нами на примере Решения Второй палаты Кассационного суда Бельгии от 4 февраля 2020 года по делу № P.19.1086.№/1.

Следует отметить, что зачастую раскрытие пароля представляет собой доказательство сразу трёх выделенных Верховным Судом США фактов. Так, при расследовании хранения детской порнографии (параграф 2252A раздела 18 Кодекса США) в предмет доказывания входит нахождение соответствующей информации (а также, для целей определения степени тяжести преступления – её количества)[288] у конкретного лица[289], которое осознанно её хранило[290], что может быть доказано фактом ввода пароля этим лицом.

Одновременно в Деле Фишера суд сформулировал в качестве обстоятельства, исключающего «представление» пароля из-под действия Пятой поправки, так называемую «доктрину предрешённого исхода». В соответствии с ней, если криминалистически значимое содержимое зашифрованного устройства заранее известно правоохранительным органам, то представление пароля не может рассматриваться, как «самоизобличение», так как акт предъявления пароля возможно рассматривать в качестве свидетельских показаний по смыслу Пятой поправки лишь в случае наличия на разблокированном устройстве информации, ранее отсутствовавшей у органов, осуществляющих уголовное преследование. Следовательно, применив доктрину предрешённого исхода, суд может выдать в отношении лица, против которого ведётся обвинительная деятельность, так называемый «приказ о расшифровке (Decryption Order)», в порядке, предусмотренном «Законом обо

[288] См.: U.S. Sentencing guidelines manual § 2G2.2(b)(7) (U.S. Sentencing comm'n 2016).
[289] См. например: United States v. Benoit, 713 F.3d 1, 6–7 (10th Cir. 2013).
[290] См. например: United States v. Grauer, 701 F.3d 318, 324 (8th Cir. 2012).

всех предписаниях (All Writs Act)» (параграф 1651 раздела 28 Кодекса США), который будет обязателен для исполнения последним.

Впрочем, сформулировав упомянутую доктрину, Верховный Суд США в Деле Фишера не уточнил, насколько конкретизированное знание о содержимом истребуемой информации должны продемонстрировать правоохранительные органы для того, чтобы привести в действие указанное исключение. В этой связи неудивительно, что последующая правоприменительная практика рассмотрения сходных дел выявила несколько критериев, позволяющих установить действительность «известности».

В первую очередь следует упомянуть о запрете предположений о наличии у лица, которому адресован запрос, того или иного документа. Правоохранительным органам необходимо продемонстрировать именно достоверное знание [291], которое не может быть обусловлено ссылкой на «обычный порядок вещей». Так, в деле «Гринфилд против США» [292] суд установил несостоятельность ссылок на профессию человека, как основание для презумпции обладания им определённым набором документов[293]. То есть, например, нельзя утверждать, что электронно-цифровое устройство специалиста в сфере информационных технологий будет обязательно содержать программы его разработки.

Во-вторых, правоохранительным органам необходимо показать, что они самостоятельно могут получить запрашиваемую информацию и подтвердить её подлинность, например, как в случае с банковскими документами в «деле Гринфилда», путём допроса свидетеля – сотрудника банка.

В-третьих, в научной литературе предлагается доказывать известность содержимого зашифрованного устройства через правило конкретизации, применяемое для вынесения судебных решений об истребовании информации в соответствии с Четвёртой поправкой[294].

[291] См. например: United States v. Ponds, 454 F.3d 313, 324–26 (D.C. Cir. 2006).
[292] Далее: Дело Гринфилда.
[293] United States v. Greenfield 831 F.3d 106 (2d Cir. 2016).
[294]См. например: Sacharoff L. Указ. соч. P. 218 – 219.

Таким образом, принудить к выдаче пароля возможно посредством вынесения решения суда для получения конкретных данных с электронного устройства, например, изображений с элементами детской порнографии, о существовании которых у преследуемого лица, а также характере их содержания, достоверно известно из свидетельских показаний или результатов электронного наблюдения.

Для иллюстрации практической реализации данного исключения из Пятой поправки в контексте предоставления доступа к электронной информации можно привести дело «Френсиса Роулза против США»[295]. В данном прецеденте суд рассматривал ходатайство о принудительной выдаче в порядке «Закона обо всех предписаниях» Френсисом Роулзом – обвиняемым в хранении и распространении детской порнографии пароля от ряда электронных устройств, среди прочего, от внешних (отделяемых) жёстких дисков.

В качестве обстоятельств, свидетельствующих о «предрешённом исходе» представители Министерства внутренней безопасности США указали, на то, что: а) результаты программно-аппаратного взлома персонального компьютера Френсиса Роулза свидетельствуют, что, на нём присутствуют изображения с элементами детской порнографии; б) данные сетевого перехвата указывают, что с персональных электронных устройств обвиняемого производилась загрузка мультимедийных изображений с элементами детской порнографии, списочный состав которых был детализирован полицией; в) сестра обвиняемого при допросе показала, что ей известно о содержательной части информации, загружаемой её братом, и что местом её хранения определены два внешних жёстких диска. Указанная совокупность доказательств позволила суду отклонить ссылку обвиняемого на Пятую поправку, применив доктрину предрешённого исхода.

Считаем должным отметить, однако, что все рассмотренные нами ограничения распространяются исключительно на случаи, когда от реципиента

[295] Подробный обзор обстоятельств указанного прецедента содержит Решение Третьего окружного апелляционного суда США от 6 февраля 2020 года по делу № 17-3205. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://caselaw.findlaw.com/court/us-3rd-circuit/2045505.html.

государственного запроса предполагается принудительная помощь в самоизобличении, что поддерживается и американской уголовно-процессуальной доктриной [296]. При наличии технологической возможности, например, посредством использования программно-аппаратных комплексов для извлечения доказательственной информации, электронное устройство может быть взломано, а его содержимое осмотрено на основании судебного решения, при соблюдении требований Четвёртой поправки, что подробно разбиралось нами в параграфе 1 главы 2 настоящего исследования.

Подводя промежуточный итог рассмотрению правовых условий выдачи паролей от электронных устройств по требованию правоохранительных органов в ряде зарубежных стран, можно сделать вывод о том, что концепция «принуждения» для указанных целей получила в них законодательное закрепление и практическую апробацию. Представляется, впрочем, что такой подход не только противоречит привилегии против самоизобличения, но также несёт в себе угрозу нарушения законного интереса гражданина не подвергаться в ходе уголовного судопроизводства воздействию, способному причинить ущерб его жизни и здоровью, как составному элементу принципа обеспечения безопасности личности, вовлечённой в сферу производства по уголовному делу.

Так, даже в случае, когда правоохранительным органам удалось получить судебное разрешение на принуждение кого-либо к выдаче собственного пароля, возникает вопрос о процедурных особенностях его осуществления.

В частности, очевидно, что степень насильственного воздействия на человека, например, при приложении его пальца к сенсору-считывателю отпечатков, значительно ниже, чем мера насилия, необходимого для «развязывания языка» гражданину, наотрез отказывающемуся называть пароль. Представляется, что реальную эффективность при таких обстоятельствах могут иметь только методы, квалифицируемые как «пытки» с точки зрения

[296] См. например: Richard A. Nagareda, Compulsion «To Be a Witness» and the Resurrection of Boyd, 74 N.Y.U. L. Rev. 1575 (1999) P. 1610 – 1611.; Laura K. Donohue, The Fourth Amendment in a Digital World, 71 N.Y.U. Ann. Surv. Am. L. 553, 568 (2016). pp. 553 - 686.

«Конвенции ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания»[297], что полностью исключает возможность физического принуждения для достижения указанных целей.

Таким образом, возникает казус, когда при наличии решения суда отсутствует механизм его принудительного исполнения. В связи с этим, государства, допускающие императивные требования к гражданам о разблокировке их электронных устройств, вынуждены предусматривать методы репрессивного воздействия на них, которые выражаются в применении дополнительных уголовно правовых санкций в отношении лиц, уклоняющихся от исполнения предписания.

Например, параграф 1826 раздела 28 Кодекса США предусматривает возможность помещения в тюрьму на срок до 18 месяцев лица, отказавшегося от исполнения решения суда о предоставлении истребованной информации, что, например, имело место в ранее упомянутом деле «Френсис Роулз против США», в котором обвиняемый проигнорировал выданное судом в порядке параграфа 1651 раздела 28 Кодекса США требование о раскрытии пароля к своим внешним жёстким дискам. Аналогичный случай с лишением свободы на срок 18 месяцев за отказ разблокировать собственный телефон, имевший место в Штате Флорида, приводят в своих работах и отечественные исследователи[298].

При этом зачастую, законодатели иностранных государств криминализуют более широкий круг общественно опасных деяний, в который так или иначе попадает отказ от разблокирования устройства по требованию властей.

Ярким примером в данном контексте будет являться Франция, ст. 434-15-2 Уголовного кодекса (Code pénal) которой устанавливает уголовную ответственность, предусматривающую наказание вплоть до 3 лет лишения свободы, в отношении любого лица за отказ от исполнения уголовно-

[297] Принята резолюцией 39/46 Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1984 года.
[298] См. например: Тютин Д.В. Налоговое право: курс лекций // СПС КонсультантПлюс. 2020.С. 643.

процессуального предписания о расшифровке электронной информации, что также экстраполируется и на введение пароля[299].

Ссылку на наличие уголовной санкции за уклонение обвиняемого от предоставления доступа правоохранительным органам к его электронному устройству содержит также и пар. 3 ст. 88.4. Уголовно-процессуального кодекса Бельгии.

В Российской Федерации рассматриваемые правоотношения регулируют положения ч. 1 ст. 51 Конституции РФ, гарантирующие привилегию не свидетельствовать против самого себя, как составную часть более широкого права защищаться против выдвинутого государством обвинения всеми незапрещёнными законом способами. Представляется, что в отличие от рассмотренных иностранных государств, как в правоприменительной практике, так и в уголовно-процессуальной доктрине РФ[300], сформировался однозначный подход, запрещающий принуждать к раскрытию/введению пароля от заблокированного электронного устройства.

Стоит отметить, что, как и в США, конкретные пределы права не свидетельствовать против самого себя устанавливаются практикой суда, уполномоченного толковать положения Основного закона. Конституционный Суд Российской Федерации, обладающий указанным полномочием в соответствии со статьёй 125 Конституции, придерживается довольно широкой трактовки сферы действия привилегии против самоизобличения. Так, в Определении от 24 сентября 2012 года № 1818-О и Постановлении от 25 апреля 2001 года № 6-П обращается внимание, что под запрещённым принудительным свидетельствованием против самого себя может пониматься недобровольное предоставление любых доказательств, подтверждающих собственную виновность в совершении преступления.

---

[299] См.: Liguori F. Указ. соч. P. 339.

[300] См. например: Мичурина О.В. О соблюдении разумного баланса между допустимостью принуждения и его запретом при производстве отдельных следственных действий // Вестник Московского университета МВД России. 2020. №2. С. 155; Тутынин И. Б., Химичева О.В. Применение мер уголовно-процессуального принуждения при расследовании преступлений, совершенных с использованием криптовалюты: монография М.: Юрлитинформ, 2022.С. 69.

Столь широкая трактовка привилегии против самоизобличения сформировала устойчивую единообразную судебную практику, сообразно которой: а) признаётся право лица, в отношении которого ведётся изобличительная деятельность отказываться от предоставления или самостоятельного введения пароля для разблокировки электронного устройства[301]; б) такой отказ не может быть истолкован против обвиняемого[302].

Примером страны, также законодательно установившей запрет на принуждение к раскрытию установочных данных для доступа к собственной электронной системе является Испания, абз. 2 п. 2 ст. 588 септиес «б» уголовно-процессуального закона которой предусматривает исключение из правила об обязательном предоставлении доступа к защищённой компьютерной информации любым лицом, которому известен способ такового, для обвиняемых и подследственных лиц, а также их близких родственников.

Таким образом, коль скоро отечественное законодательство в отличие от рассмотренных ранее юрисдикций не предусматривает обязанности раскрывать свой пароль, не может быть установлена и какая-либо ответственность за отказ от такового, в связи с чем понуждение к кооперации с правоохранительными органами угрозой дополнительной уголовно-правовой санкции нереализуемо.

На основании изложенного можно заключить, что действующая система правового регулирования рассматриваемых правоотношений в Российской Федерации в том смысле, который ей придают правовые позиции Конституционного Суда РФ, предоставляет наибольшие из представленных в международной практике гарантии обеспечения законного интереса личности не подвергаться необоснованному уголовно-процессуальному принуждению, а также обращению, влекущему угрозу её жизни и здоровью. Кроме того, она позволяет избежать излишней и необоснованной криминализации действий лиц, в отношении которых осуществляется уголовное преследование.

---

[301] См. например: апелляционное определение Тульского областного суда от 28 февраля 2022 года по делу № 22-478/2022; кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 14 марта 2024 года № 77-725/2024 и другие.

[302] На что прямо указал Московский городской суд в апелляционном определении от 17 октября 2023 года по делу № 10-20534/2023

Однако поддерживаемый нами подход, применяемый в России, несмотря на отсутствие инструментов уголовно-процессуального принуждения, не исключает интереса правоохранительных органов к получению криминалистически значимой информации, расположенной на электронных устройствах лиц, вовлечённых в производство по уголовному делу. Ситуация такого рода не сильно распространена в уголовном судопроизводстве, выделяющемся из других правовых отраслей максимальной степенью репрессивности, в связи с чем, для иллюстрации единственного возможного пути её решения, позволим себе короткую аналогию с отечественным гражданско-арбитражным судопроизводством, где также остро стоит вопрос о правовом механизме понуждения к исполнению решения суда в натуре (то есть, когда от должника требуется самостоятельно совершить некое активное действие в интересах кредитора).

Так, Верховной Суд Российской Федерации в п. 32 Постановления Пленума от 24 марта 2016 года № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» определил критерием размера судебной неустойки (п. 1 ст. 308.3 ГК РФ), призванной побудить должника к исполнению обязательства в натуре в отсутствие механизма репрессии, то, что добровольное исполнение судебного акта должно становиться более выгодным, чем его игнорирование. Таким образом, у российского правоприменителя остаётся исключительно инструмент «уголовно-процессуального стимулирования» к выдаче пароля от электронного устройства, на котором считаем целесообразным остановиться подробнее.

Концептуально значимым элементом стимулирования лица к выдаче пароля от электронных устройств в уголовном судопроизводстве, как альтернативы уголовно-процессуальному принуждению, является наличие гарантий благоприятных последствий такого действия для гражданина, соглашающегося сотрудничать с правоохранительными органами.

Анализ отечественной практики применения «поощрений» в уголовном судопроизводстве за предоставление доступа к информации на своём электронном устройстве, защищённой с помощью средств шифрования, позволяет сделать вывод, что суды рассматривают таковое в качестве «активного способствования раскрытию и расследования преступления» (п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ), а также непоименованного смягчающего обстоятельства, признаваемого таковым судейским усмотрением в соответствии с ч. 2 ст. 61 УК РФ[303].

Представляется, однако, что само по себе наличие «положительной» судебной практики по признанию содействия правоохранительным органам в разблокировании электронного устройства обстоятельством, смягчающим уголовное наказание, не является мерой, достаточной для стимулирования граждан к подобному поведению в виду негарантированности применения судом «льготных» условий назначения наказания.

Так, опрос правоприменителей, произведённый нами в ходе настоящего исследования, свидетельствует, что более 39 % респондентов настаивают, что добровольное предоставление правоохранительным органам пароля от электронного устройства не является смягчающим наказание обстоятельством «автоматически», и его признание или непризнание таковым находится в исключительной дискреции суда.

Судебная практика также свидетельствует о том, что суды, зачастую, отказывают в применении мер стимулирования, определяя наличие или отсутствие оснований для признания разблокирования цифрового устройства смягчающим наказание обстоятельством посредством градации «степеней добровольности» предоставления доступа к нему.

В частности, в приговоре Сургутского городского суда Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 6 февраля 2020 года № 1-250/2020, указано, что: «по мнению суда, пароль от телефона подсудимый сообщил в подтверждение признания своей вины в совершенном преступлении,

[303] Таковое имело место например в: кассационном определении Второго кассационного суда общей юрисдикции от 23 июня 2021 года № 77-1988/2021.

осознавая, что с помощью современных технических средств пароль может быть определён без его помощи, в рамках назначенной по уголовному делу экспертизы». Данный подход разделили также 35 % лиц, принявших участие в проведённом нами опросе.

По нашему убеждению, оставление судейского усмотрения в данном контексте, удерживает лицо, в отношении которого осуществляется обвинительная деятельность, от содействия правоохранительным органам в виду негарантированности «процессуального стимула». При этом нашу позицию разделили 26 % опрошенных правоприменителей.

Даже в обстоятельствах, бывших предметом рассмотрения Сургутского городского суда, очевидна предпочтительность получения доступа к электронному устройству без использования программно-аппаратных комплексов для извлечения электронной доказательственной информации, в силу обозначенной нами в параграфе 1 главы 2 настоящего исследования «процессуальной трудоёмкости» применения таких устройств, как UFED, а также ограниченности их численности и высокой загруженности их операторов.

Однако, в силу установленного ст. 17 УПК РФ принципа свободы оценки судом доказательств, позволяющих установить смягчающие наказание обстоятельства (п. 6 ч. 1 ст. 73 УПК РФ), представляется невозможным обязывать суд во всех случаях рассматривать добровольное разблокирование электронного устройства в качестве такового. Кроме того, как уже было отмечено нами ранее, добровольная выдача пароля от электронного хранилища криминалистически значимой информации может охватываться общей категорией – «активное способствование раскрытию и расследованию преступления», чем также обуславливается отсутствие необходимости внесения каких – либо изменений в ст. 61 УК РФ, на что указывают и исследователи из

Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации[304].

Как уже отмечалось нами в рамках параграфа 1 главы 1 настоящего исследования, установление гарантий уголовного судопроизводства подразумевает наличие обязанного субъекта. Невозможность рассмотрения суда в качестве такового детерминирует целесообразность обратиться к институту досудебных соглашений о сотрудничестве [305] в уголовном судопроизводстве, предусмотренному главой 40.1. УПК РФ.

Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 20 июля 2016 года № 17-П, дал оценку указанному институту в контексте привилегии против самоизобличения, указав, что: «В рамках досудебного соглашения о сотрудничестве отказ от свидетельского иммунитета означает, что подозреваемый, обвиняемый обязуется совершить в целях содействия следствию в раскрытии и расследовании преступления, изобличении и уголовном преследовании других соучастников преступления, розыске имущества, добытого в результате преступления, определённые действия (ч. 2 ст. 317.1 УПК РФ), в том числе сообщить существенные для следствия сведения, изобличающие соучастников преступления и иных лиц, совершивших преступления».

Соблюдение условий досудебного соглашения о сотрудничестве заключившим его лицом влечёт: а) проведение судебного заседания и принятие судебного решения в отношении такого лица в особом порядке (ст. ст. 317.6 и 317.7 УПК РФ); б) применение льготных условий назначения уголовного наказания, а именно не более половины размера максимально строгого наказания за ординарное преступление, и не более 2/3 максимального размера наказания за преступление, предусматривающее наказание в виде пожизненного лишения свободы или смертной казни; в) возможность назначения по усмотрению суда более мягкого наказания, чем предусмотрено

[304] Подробнее см.: Уголовно-юрисдикционная деятельность в условиях цифровизации: монография / Голованова Н.А., Гравина А.А., Зайцев О.А. и др.; редкол.: О.А. Зайцев, В.П. Кашепов, И.И. Кучеров, О.А. Степанов; ИЗиСП. - Москва: КОНТРАКТ, 2019. 211 с.
[305] Далее – ДСОС.

за данное преступление, условного осуждения или освобождения от отбывания наказания (ч. 5 ст. 317.7 УПК РФ).

Из изложенного следует, что данный уголовно-процессуальный институт представляет собой соглашение, исполнение обязательств по которой лицом, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, порождает корреспондирующую обязанность стороны обвинения обеспечить наступление благоприятных последствий от его сотрудничества, в частности, путём вынесения государственным обвинителем представления об особом порядке проведения судебного заседания (ст. 317.5 УПК РФ) и подтверждения им в судебном заседании содействия подсудимого следствию в порядке ч. 3 ст. 317.7 УПК РФ.

Наличие указанной корреспондирующей обязанности стороны обвинения представляется нам надлежащей уголовно-процессуальной гарантией интереса лица в получении «встречного представления» за содействие правоохранительным органам.

Произведённый нами анализ судебной практики свидетельствует, что обязанность «предоставить пароль от электронного устройства, и участвовать в ходе его осмотра для содействия в обнаружении криминалистически значимой информации» используется в правоприменительной практике как составной элемент досудебного соглашения о сотрудничестве[306].

Однако, в виду того, что реализации досудебного соглашения о сотрудничестве предшествуют два «процессуальных фильтра» в виде дискреционных усмотрений: а) следователя на этапе рассмотрения ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (ч. 3 ст. 317.1 УПК РФ); б) прокурора на этапах заключения ДСОС (ст. 317.2 УПК РФ), вынесения представления в порядке ст. 317.5 УПК РФ и подтверждения в суде исполнения его условий (ч. 3 ст. 317.7 УПК РФ), для совершенствования гарантий от

[306] См. например: приговор Буденновского городского суда Ставропольского края от 15 апреля 2025 года по делу № 1-55/2025, приговор Зубцовского районного суда Тверской области от 25 января 2024 года по делу № 1-13/2024; приговор Дзержинского районного суда города Ярославля от 31 марта 2023 года по делу № 1-90/2023; приговор Курганского городского суда Курганской области от 2 ноября 2022 года по делу № 1-1505/2022.

необоснованного отказа в его заключении и исполнении, считаем целесообразным установление критериев, свидетельствующих об обоснованности включения условия о добровольном разблокировании цифровых устройств в ДСОС.

Как следует из диспозиции ч. 2 ст. 317.1 УПК РФ, в том смысле, который ей придаёт абз. 3 п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 года № 16, содействие подсудимого следствию в рамках заключённого ДСОС может выражаться, среди прочего, в предоставлении электронной информации (например, в форме аудио- видеозаписей), которая имеет значение: а) для раскрытия и расследования преступлений; б) изобличения лиц, вовлечённых в преступную деятельность; в) обнаружения имущества, полученного в результате преступления.

Описание или разрешение доктринальной дискуссии, имеющей место касательно содержания понятий «раскрытие» и «расследование» преступлений, которой посвящают свои работы некоторые отечественные учёные-процессуалисты[307], не входит в объём настоящего исследования.

Для целей рассмотрения условий заключения и исполнения ДСОС считаем возможным согласиться с Р.М. Кашаповым, определившим фактическое тождество смыслового содержания указанных понятий при их применении[308].

Анализ судебной практики свидетельствует о том, что содействие в раскрытии и расследовании преступлений в случае добровольного предоставления доступа к заблокированным электронным устройствам будут иметь место при:

– содержании на разблокированном телефоне криминалистически значимой информации, которая на момент введения пароля отсутствовала у органов предварительного расследования, на которую лицо добровольно

[307] См. например: Авдеев М.Е., Сафронова Е.В. К вопросу о понятии раскрытия и расследования преступлений // ГлаголЪ правосудия. 2018. №4 (18). С. 70 - 73.

[308] См.: Кашапов Р.М. Уголовно-правовые последствия оказания виновным лицом содействия органам предварительного расследования // Научный портал МВД России. 2019. №3 (47). С. 23.

указало, и которая, в конечном итоге, была положена в основу обвинительного приговора по уголовному делу, в рамках которого заключено ДСОС[309];

– содержании на разблокированном телефоне сведений о преступных деяниях, ранее неизвестных правоохранительным органам, совершённых иными лицами, дающими основание для выделения уголовного дела или его материалов в отдельное производство по основаниям ст. 154 и 155 УПК РФ[310].

По нашему мнению наличие вышеуказанных сведений на электронном устройстве, должно безусловно детерминировать возможность отнесения его добровольной разблокировки к условиям ДСОС.

Отдельные правоприменительные разночтения вызывает квалификация добровольного предоставления пароля к заблокированному устройству в качестве «содействия в раскрытии и расследовании преступления» в том случае, когда имеющаяся на нём криминалистически значимая информация уже известна правоохранительным органам. Отсутствие единообразного мнения по данному вопросу подтверждается результатами проведённого нами анкетирования, согласно которым 46 % респондентов указали на бесполезность с точки зрения расследования преступления предоставления доступа к уже известной информации.

По нашему убеждению, перспектива исключения возможности получения подозреваемым/обвиняемым благоприятного эффекта от добровольного сотрудничества с правоохранительными органами может полностью отвратить его от такового, так как, не зная до ознакомления в порядке ст. 217 УПК РФ обладает ли орган предварительного расследования содержательной частью электронной информации на заблокированном устройстве (которая может быть получена им самостоятельно способами, подробно разбираемыми в параграфе 1

[309] См. например: определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 25 апреля 2024 года № 77-1106/2024, определение Четвёртого кассационного суда общей юрисдикции от 27 февраля 2024 года № 77-499/2024.

[310] Соответствующие признаки «содействия» содержат, например: приговор Химкинского городского суда Московской области от 4 июля 2024 года по делу № 1-533/2024; приговор Ленинского районного суда города Ставрополя от 12 июля 2022 года № 1-225/2022; приговор Тындинского районного суда Амурской области от 8 февраля 2021 года по делу № 1-45/2021.

предыдущей главы), он не может быть уверен в целесообразности заключения ДСОС для разблокирования своего электронного устройства.

Разумеется, может возникнуть вопрос, чем детерминировано применение как процессуальных так и «санкционных» льгот, предусмотренных главой 40.1. УПК РФ, за поступок, который, на первый взгляд, не несёт никакой пользы для целей разрешения уголовного дела по существу и не привносит никакой новой информации, на основании которой можно установить обстоятельства, подлежащие доказыванию. Отвечая на указанный вопрос, хотелось бы заострить внимание на следующем.

В соответствии с ч. 3 ст. 317.6 УПК РФ, даже в случае поступления в суд уголовного дела с представлением прокурора об особом порядке проведения судебного заседания, при наличии оснований, указанных в ч. 2 ст. 317.6 УПК РФ, возможен переход к рассмотрению дела в ординарном порядке, с судебным следствием, проводимом по общим правилам, предусмотренным главой 37 УПК РФ.

При таких обстоятельствах, целесообразность предоставления обвиняемым пароля от электронного устройства при известности его содержимого плотно связана с системной взаимосвязью такого свойства доказательств, как достоверность (ч. 1 ст. 88 УПК РФ) и принципа непосредственности судебного разбирательства (ст. 240 УПК РФ). Определение «достоверности» доказательств не содержится в уголовно-процессуальном кодексе, однако анализ доктринальных источников позволяет выделить ряд «состояний» доказательства, свидетельствующих о его соответствии этому свойству.

Во-первых, достоверное доказательство, как справедливо отмечал М.С. Строгович, отражает высокую степень вероятности (тяготеющую к истинности) знания о доказываемом обстоятельстве[311].

[311] Строгович М.С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М., 1955. С. 19.

Во-вторых, некоторые авторы выделяют такой признак достоверности, как точность и правильность отражения тех обстоятельств, которые оно доказывает[312].

В-третьих, как отметила в профильном диссертационном исследовании Е.П. Гришина, понятие достоверности охватывает известность, доброкачественность и проверяемость не только источника доказательств, но и способа получения информации[313].

С учётом установленного в ст. 240 УПК РФ принципа непосредственности судебного разбирательства, считаем, что процессуальным средством подтверждения достоверности электронной доказательственной информации, самостоятельно полученной правоохранительными органами, будет являться обеспечение возможности суду, как субъекту оценки доказательств, ознакомиться с действительным содержанием внутренней памяти устройства – декларируемого источника электронных данных.

В ходе судебного следствия для взаимодействия суда с электронными устройствами – источниками доказательственной информации статьёй 284 УПК РФ предусмотрена процедура осмотра вещественных доказательств.

Анализ практики применения указанного судебного действия показывает, что осмотры происходят для подтверждения тождества между информацией, отражённой в протоколах осмотра, и действительным содержанием электронной памяти устройства, из которого, по версии следствии, эти данные и были получены.

Так, осмотр вещественного доказательства – мобильного телефона в ряде случаев осуществлялся с целью проверки достоверности протоколов осмотра, содержащих снимки экрана «скриншоты» переписки подсудимого в социальных сетях и мессенджерах[314].

---

[312] См. например: Лебедев Н.Ю., Степанов С.А, Достоверность и достаточность доказательств в уголовном судопроизводстве: понятие, значение и проблемы установления // Закон и право. 2022. №4. С. 147.

[313] Гришина Е.П. Достоверность доказательств и способы ее обеспечения в уголовном процессе: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012.С. 50-51.

[314] См. например: кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 24 апреля 2020 года № 7У-2636/2020; апелляционное определение

В частности, один из опрошенных нами судей описал в анкете случай из собственной правоприменительной практики, когда в результате обновления программного обеспечения на мобильном телефоне несовершеннолетней потерпевшей по делу о развратных действиях, совершённых посредством обмена электронными сообщениями, данная переписка была удалена с памяти электронного устройства. В указанной ситуации, в виду того, что содержащуюся в протоколах осмотра доказательственную информацию необходимо было сличить с её первоисточником, в ходе судебного заседания потребовалось получать доступ к мобильному устройству подсудимого для изучения оригинальной переписки, в связи с чем его разблокирование оказало содействие в раскрытии и расследовании преступления.

Интересно отметить, что американский правоприменитель при использовании рассмотренной нами выше «доктрины предрешённого исхода» также руководствуется необходимостью решения задачи подтверждения тождества добытой полицией информации о сведениях, содержащихся на заблокированном устройстве, реальному их содержанию.

Резюмируя все вышесказанное, единственным критерием возможности заключения и последующего исполнения ДСОС в отношении предоставления доступа к заблокированному электронному устройству, должна являться значимость содержащейся на нём информации для раскрытия и расследования преступлений, изобличения лиц, вовлечённых в преступную деятельность и обнаружения имущества, полученного в результате преступлении, безотносительно возможности самостоятельного её получения правоохранительными органами.

Проведённое нами компаративистское исследование правового регулирования рассматриваемых правоотношений свидетельствует о том, что отличительной особенностью правового подхода США является дифференциация возможности/невозможности принуждения к

Верховного суда Республики Саха (Якутия) от 18 февраля 2021 года по делу № 22-242/2021; апелляционное определение Челябинского областного суда от 28 мая 2019 года по делу № 10-2678/2019.

разблокированию электронных устройств не только по процессуальным, но и технологическим основаниям.

Так, вся рассмотренная ранее в рамках настоящего параграфа судебно-прецедентная практика США применима лишь к системам защиты, предполагающим разблокировку при введении числового, буквенного или «графического» (соединение точек на экране в известной только владельцу устройства последовательности) паролей, так как положения Пятой поправки, будучи направленными именно на защиту от принуждения к даче свидетельских показаний, запрещают недобровольное интеллектуально-волевое содействие собственному изобличению, коим и будут являться произнесение или введение секретной комбинации. Кроме того, такого рода пароли, производны от мыслей человека, что отсылает нас к первоначальному основанию запрета истребования документов, установленному в «Деле Бойда».

Биометрические характеристики (например, отпечатки пальцев) напротив, будучи явлениями не идеального, а материального мира не подпадают под сферу регулирования Пятой поправки, в связи с чем в США суды санкционируют принудительное прижатие пальца к сенсору устройства, содержащего интересующую полицию информацию[315].

Показательным примером размежевания охранных статусов «интеллектуального» и «биологического» способов защиты электронной информации является дело «Чарльза Бауста против Штата Вирджиния»[316] на которое обращают внимание как отечественные[317], так и зарубежные[318] профильные исследователи. В данном деле, предметом рассмотрения суда было ходатайство обвинения об обязании лица, в отношении которого производилось расследование, предоставить как пароль, так и отпечаток пальца для разблокировки смартфона.

---

[315] См. например: State v. Diamond, 905 N.W.2d 870, 874–76 (Minn. 2018).
[316] Commonwealth v. Baust, 89 Va. Cir. 267 (Va. Cir. Ct. 2014).
[317] См. например: Мичурина О.В. О соблюдении разумного баланса между допустимостью принуждения и его запретом при производстве отдельных следственных действий // Вестник Московского университета МВД России. 2020. №2. С. 155.
[318] См. например: Sacharoff L. Указ. соч. P. 241.

Суд, применив рассмотренное нами ранее понимание сферы действия Пятой поправки, удовлетворил ходатайство лишь в части принудительного прислонения пальца к сенсору-считывателю отпечатков[319]. Предоставление пароля же, справедливо было признано противоречащим привилегии против самоизобличения.

Впрочем, справедливо будет отметить, что значительная степень автономии законодательной базы и правовых ориентиров судов различных штатов Америки, детерминируют наличие исключений из описанного «магистрального» подхода к рассматриваемому вопросу.

Так, например, суд в Штате Калифорния признал нарушением Пятой поправки принудительное приложение пальца человека для разблокирования его устройства, указав на критически важное значение такого «свидетельствования» для самоизобличения, и отметив, что отпечаток пальца в этом случае играет куда большую «доказательственную роль», чем когда он используется при дактилоскопическом исследовании[320].

В отечественной судебно-правоприменительной практике и доктринальных источниках также прослеживается дифференциация сферы реализации установленного ст. 51 Конституции Российской Федерации права не свидетельствовать против самого себя в зависимости от действия, которое адресату законного требования необходимо произвести для разблокирования устройства.

Ряд исследователей считает, что биометрические данные не подпадают под защиту привилегии против самоизобличения, приводя в обоснование своей позиции логику, сходную с американской. Например, О.В. Мичурина отмечает принципиальную невозможность понуждения к раскрытию пароля, как производной мыслительного процесса в виде «некоего знания обвиняемого об

[319] Анализ сходных прецедентов представлен и в: Jacobsen, K. Указ. соч. P. 582.
[320] In the Matter of the Search of a Residence in Oakland, California, 354 F. Supp. 3d 1016 N.D. Cal. 2019.

определённой информации»[321], в связи с чем на него вне всякого сомнения распространяется предусмотренная статьёй 51 Конституции Российской Федерации привилегия против самоизобличения. В то же время, по мнению указанного исследователя, использование для разблокирования электронных устройств функции считывания биометрических данных лица, в отношении которого осуществляется обвинительная деятельность, не является «свидетельствованием против себя» для целей применения статьи 51 Конституции Российской Федерации.

Анализ судебной практики подтверждает вывод указанного исследователя. Так, в отличие от рассмотренной нами ситуации с принуждением к раскрытию/введению графического или числового/буквенного пароля в ряде судебных актов прослеживается если не прямое санкционирование, то, по крайней мере, терпимое отношение к заявлениям привлекаемых к уголовной ответственности лиц о том, что доступ к электронному устройству с последующим осмотром его цифрового содержания был получен против их воли путём насильственного приложения считывателя биометрической информации. Протоколы осмотра полученной таким образом электронной доказательственной информации недопустимыми доказательствами не признаются, вопрос о нарушении статьи 51 Конституции Российской Федерации не ставится[322].

Впрочем, некоторые исследователи придерживаются и иного подхода, который, по нашему мнению, достоин внимательного анализа. Так, ряд представителей Сибирского юридического института МВД России указывают, что, коль скоро действительной целью разблокирования электронного устройства является получение доказательств (в виде криминалистически значимой электронной информации), то у правоохранительных органов в силу императивной нормы ч. 4 ст. 164 УПК РФ отсутствуют основания применения

[321] Мичурина О.В. О соблюдении разумного баланса между допустимостью принуждения и его запретом при производстве отдельных следственных действий // Вестник Московского университета МВД России. 2020. №2. С. 155.

[322] См. например: приговор Октябрьского районного суда города Белгорода от 21 февраля 2019 года по делу № 1-14/2019(1-474/2018;); приговор Бабушкинского районного суда города Москвы от 12 сентября 2022 года № 01-0218/2022

насильственных мер воздействия в рамках закреплённых в уголовно – процессуальном законодательстве следственных действий [323] . При этом указанные исследователи обращают внимание, что отсутствует возможность добычи необходимых для разблокирования биометрических данных, в том числе и путём получения образцов для сравнительного исследования.

Считаем должным согласиться с обозначенной доктринальной позицией, в виду наличия ряда факторов, делающих неприменимой к рассматриваемой ситуации ст. 202 УПК РФ.

Во-первых, например, при прислонении пальца лица, в отношении которого проводится обвинительная деятельность, к устройству – считывателю биометрической информации, как такового «образца», по смыслу ст. 202 УПК РФ, не формируется, так как отсутствуют доктринально установленные типологические особенности указанного процессуального действия, а именно:

– не происходит никакого физического изъятия экземпляров чего-либо, как необходимого приложения к протоколу получения образцов для сравнительного исследования, ведение которого прямо предусмотрено ч. 1 ст. 202 УПК РФ[324],

– следовательно, не соблюдаются «количественные» и «качественные» детерминанты пригодности использования получаемого «образца» для каких-либо исследований[325].

Во-вторых, Конституционный Суд Российской Федерации определил доказательственное значение образцов для сравнительного исследования. Так, по мнению указанного органа конституционного контроля, принудительное их получение не подпадает под привилегию ст. 51 Конституции Российской

---

[323] См.: Власов В.А., Карлов А.Л., Прозорова Н.В. Уголовно-процессуальные средства обеспечения доступа к информации на технических устройствах: некоторые актуальные аспекты // Право и государство: теория и практика. 2019. №11 (179) С. 146.

[324] См.: Чабукиани О.А. Получение образцов для сравнительного исследования как процессуальное проверочное действие следователя // Научный диалог. 2013. №7 (19). С. 152 -153

[325] См.: Пермяков М.В., Рачева Н.В., Долинин ВН. Сбор образцов для сравнительного исследования в деятельности правоохранительных структур // Юридическая наука. 2022. №12. С. 102, Долженко Н.И. Образцы для сравнительного исследования и тактика их получения: дис. … канд. юр. наук: М., 2000. С. 42-43.

Федерации именно в виду того, что, предоставляя их, лицо не выдаёт какое-либо доказательство, так как «сам по себе образец не является доказательством, а служит предметом для исследования, средством для проведения следственных действий и получения доказательства»[326].

Напротив, разблокирование устройства предоставляет правоохранительным органам прямой доступ к электронной доказательственной информации, не опосредованный проведением каких-либо «исследований».

Кроме того, в случае легализации принуждения к использованию человеком его биометрии для разблокирования устройства, возникает вопрос, какие характер и степень насилия допустимы при этом?

Продолжая проведение параллелей с получением образцов для сравнительного исследования логично заключить, что невозможно использовать методы, опасные для жизни и здоровья человека или унижающие его честь и достоинство (ч. 2 ст. 202 УПК РФ). Однако с учётом того, что степень необходимого физического воздействия прямо пропорциональна противодействию гражданина, который может кричать, вырываться и иным образом сопротивляться совершаемым в отношении него действиям, представляется затруднительным определение момента, когда применение приёмов борьбы или специальных технических средств, призванных зафиксировать палец человека на устройстве-считывателе папиллярных узоров, станет угрожать здоровью лица или унижать его человеческое достоинство.

Наглядным примером несоразмерности характера необходимого насилия процессуальной цели его применения будет использование более современных средств биометрической идентификации. Например, согласно информации, размещённой на официальном русскоязычном Интернет-ресурсе компании «Apple» [327], в ходе работы технологии «Face ID», регистрации камерой

[326] См. например: Определение Конституционного Суда РФ от 28 сентября 2017 года № 2211-О; Определение Конституционного Суда РФ от 27 декабря 2022 года № 3485-О

[327] См.: Служба поддержки Apple [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://support.apple.com/ru-ru/102381# (доступ от 28.02.2025).

устройства и сличению с информацией о владельце устройства подлежат лицо и глаза человека, пытающегося получить доступ.

Не лишним будет отметить, что, равно как и с насильственным приложением отпечатка пальца к считывателю биометрической информации, отечественная судебная практика вполне «спокойно» относится к разблокированию устройств путём недобровольного помещения лица человека в объектив камеры сопряжённое с императивным требованием «смотреть прямо»[328].

Однако представляется очевидным, что при активном сопротивлении лица, в отношении которого применяется силовой способ разблокирования, выраженном в отказе открывать глаза, степень физического воздействия для их раскрытия несоизмеримо больше, чем в случае с приложением пальца, и в принципе не может отвечать требованиям ч. 2 ст. 202 УПК РФ. Более сложные системы идентификации, такие как сканер сетчатки глаза, естественно, тоже остаются недоступными для насильственного применения.

По нашему мнению, несмотря на то, что степень насильственного воздействия при приложении пальца для считывания папиллярного узора представляется допустимой с точки зрения ст. 202 УПК РФ, обоснованная автором невозможность использования данного процессуального действия для принудительного разблокировании электронного устройства детерминирует его принципиальную недопустимость к применению в отечественном уголовном судопроизводстве. При этом такая недопустимость не должна зависеть от конкретного вида биометрического сканирования.

Нашу позицию по данному вопросу разделяют и опрошенные в ходе настоящего исследования правоприменители. Так, большинство (53 %) респондентов отметило принципиальную невозможность использования физической силы для разблокировки электронных устройств.

Процессуальные условия предоставления правоохранительным органам доступа к зашифрованным биометрическим способам электронным

[328] См. например: Приговор Прикубанского районного суда города Краснодара от 24 мая 2023 года по делу № 1-213/2023

устройствам не должны отличаться от условий предоставления числового, буквенного или «графического» паролей, рассмотренных нами в рамках настоящего параграфа.

Единственной особенностью, «производной» от рассмотренной аналогии со ст. 202 УПК РФ, должна являться возможность разблокирования устройства с использованием «свободных» биометрических образцов (то есть существующих вопреки желанию и вне волевого контроля владельца устройства).

К примеру, при наличии технической возможности использования изъятого в рамках иных процессуальных действий образца папиллярного узора человека [329] без предъявления ему императивного требования, полагаем допустимым использование такового[330].

Возможность применения предлагаемого механизма подтверждает и зарубежный опыт. Так, судебная практика Нидерландов признавала не противоречащим закону санкционированное прокурором требование со стороны полиции сдать отпечатки пальцев в состоянии, пригодном для считывания биометрическим сканером устройства, в ординарном порядке, предусмотренном для получения дактилоскопических образцов[331].

Выводы по параграфу.

Соотношение между стремлением должностных лиц правоохранительных органов, осуществляющих производство по уголовному делу, получить доступ к криминалистически значимой электронной доказательственной информации, находящейся на электронном устройстве, посредством понуждения его владельца к сообщению/введению пароля и привилегией против самоизобличения, как составного элемента принципов обоснованности уголовно-процессуального принуждения и права на защиту, является

[329] Возможность разблокирования некоторых устройств по «копии отпечатка пальцев» известна и профильным Интернет-ресурсам, например: https://rskrf.ru/tips/eksperty-obyasnyayut/mozhno-li-vzlomat-touch-id-i-voyti-v-vash-telefon/ (доступ 09.03.2025 года)

[330] Использование в уголовном судопроизводстве, например, свободных образцов голоса, подтверждает и судебная практика, такая как Кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 19 октября 2023 года № 77-4379/2023

[331] См.: Europol, Eurojust. Second report of the observatory function on encryption. 2020. P. 15.

дискуссионным вопросом в отечественной и зарубежной научной литературе и правоприменительной практике.

Анализ иностранных подходов к данной проблеме свидетельствует о наличии нескольких способов её решения: а) привилегия против самоизобличения не распространяется на пароли от электронных устройств, так как они существуют «помимо воли» владельца (Бельгия, Франция); б) лица, в отношении которых осуществляется уголовное преследование, а также их близкие родственники вправе отказаться от сообщения пароля по требованию правоохранительных органов (Испания); в) возможность требовать выдачи пароля возникает только в случае подтверждения изначальной известности должностным лицам, ведущим производство по уголовному делу, содержания доказательственной информации, хранящейся на устройстве, либо при использовании биометрического доступа (США); г) отказ от выдачи числового или графического пароля входит в объём привилегии против самоизобличения (Россия).

На примере стран, разрешающих требовать выдачу пароля, выявлена проблема принудительного исполнения такого требования. Критикуя европейские попытки понуждения к сотрудничеству путём криминализации отказа от сообщения пароля, автор делает однозначный вывод о целесообразности применения метода стимулирования для аналогичных целей в РФ.

В частности автор указывает, что надлежащей гарантией обеспечения законного интереса гражданина не подвергаться необоснованному и незаконному уголовно-процессуальному принуждению к разблокированию собственного электронного устройства является использование метода уголовно-процессуального стимулирования в виде включения условия о выдаче пароля в досудебное соглашение о сотрудничестве.

При этом единственным критерием возможности заключения и последующего исполнения ДСОС в отношении предоставления доступа к заблокированному электронному устройству, должна являться значимость

содержащейся на нём информации для раскрытия и расследования преступлений, изобличения лиц, вовлечённых в преступную деятельность и обнаружения имущества, полученного в результате преступления, безотносительно возможности самостоятельного её получения правоохранительными органами.

Физическое принуждение к разблокированию цифрового устройства посредством сканирования биометрических характеристик для получения доступа к содержащейся на нём электронной доказательственной информации неправомерно. Единственной возможностью разблокирования электронного устройства с биометрической защитой помимо воли владельца, является использование «свободных образцов» соответствующих биометрических данных.

§ 2. Средства и условия наложения ареста на криптовалюту в уголовном судопроизводстве.

Тенденции интернационализации и цифровизации преступности имеют обширную область пересечения – киберпространство. Будучи сферой, на которую в значительной степени не распространяется суверенитет отдельных государств, оно предоставляет преступности механизмы трансграничного, прямого взаимодействия, как с объектами противоправного посягательства, так и с соучастниками в незаконной деятельности.

Одним из средств преступной конспирации в киберпространстве стало использование «виртуальных валют», эмиссия которых не контролируется каким-либо государством, обладающих высокой степенью анонимности, а также универсально конвертируемых в национальные платёжные средства, получивших название «криптовалюты».

В рамках настоящего исследования мы не будем детально рассматривать технические особенности цифровой экзистенции существующих криптовалют, таких как «Monero», «VertCoin», «Tronix», «Bitcoin» «Ethereum», «Litecoin» и других, ограничившись определением их общих признаков, значимых в

контексте вопросов, подлежащих рассмотрению в рамках настоящего параграфа.

Во-первых, из корня « - крипт» в наименовании исследуемых нами цифровых финансовых инструментов логично проистекает применение при их создании криптографических средств шифрования информации. Например, получившая наибольшую известность криптовалюта «Биткоин» («Bitcoin») использует алгоритмы цифровой подписи в виде открытого и закрытого ключей, первый из которых служит своеобразным общедоступным «адресом» кошелька для совершения транзакций, а второй представляет собой секретную комбинацию цифр для идентификации личности владельца[332].

Во-вторых, данные ЦФИ имеют высокую волатильность, связанную с тем, что их обменная стоимость обусловлена исключительно наличием спроса, на который, в свою очередь, влияет множество различных заранее непредсказуемых факторов, от появления новых виртуальных активов, до заявлений политиков[333].

В-третьих, криптовалюты могут относительно свободно конвертироваться в цифровые финансовые инструменты иного вида, а также в «фиатные» платёжные средства (деньги), как с помощью специализированных посредников – криптовалютных бирж, так и посредством «внебиржевых» механизмов[334].

В целом, примерно схожие признаки «цифровой валюты» указал и отечественный законодатель в ч. 3 ст. 1 ФЗ «О цифровых финансовых активах,

---

[332] См.: First Report on Encryption by the EU Innovation Hub for Internal Security. Publications Office of the European Union P. 21. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.europol.europa.eu/cms/sites/default/files/documents/EU_Innovation_Hub_First%20Report%20on%20Encryption.pdf (дата обращения 12 декабря 2024 года)

[333] Смотрите, например: Lenta.ru. Стоимость Биткоина взлетела после заявлений Трампа о криптовалютном резерве [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://lenta.ru/news/2025/03/03/stoimost-bitkoina-vzletela-posle-zayavleniy-trampa-o-kriptovalyutnom-rezerve/ (дата обращения 13 апреля 2025 года).

[334] См.: Перов В.А. О криминалистической методике выявления преступлений, совершаемых с использованием криптовалюты, и расследовании соответствующих уголовных дел // Российский следователь. 2020. № 12. С. 10–13.

цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31 июля 2020 года № 259-ФЗ[335].

В этой связи считаем необходимым обозначить наличие терминологической неопределённости в части соотношения объёмов понятий «криптовалюта» и «цифровая валюта», а, следовательно, дискуссионности распространения действия ФЗ № 259 на отношения, связанные с оборотом криптовалют.

С одной стороны, имеется обширная судебная практика, в соответствии с которой постулируется тождественность рассматриваемых понятий, что является основанием для вывода о признании криптовалюты «имуществом» по смыслу действующего законодательства[336].

Кроме того, при разрешении вопросов о применении принудительных мер имущественного характера в производстве по уголовному делу, суды отклоняют ссылки адвокатов-защитников на невозможность признания криптовалюты имуществом на основании ФЗ № 259[337].

Однако, как справедливо указал Верховный Суд Российской Федерации в Официальном отзыве на проект федерального закона № 902782-8 [338] «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [339] от 17 декабря 2024 года № 10-ВС-6203/24, исходя из ч. 2 ст. 14 ФЗ № 259 выпуском цифровой валюты в Российской Федерации являются действия с использованием объектов только российской информационной инфраструктуры и (или) пользовательского оборудования, размещённого только на территории Российской Федерации.

---

[335] Далее - ФЗ № 259.

[336] См. например: определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 23 августа 2024 года № 88-7780/2024; апелляционное определение Свердловского областного суда от 20 ноября 2024 года по делу № 2-208/2024; приговор Октябрьского районного суда города Кирова от 6 июня 2025 года по делу № 1-223/2025; постановление Хорошевского районного суда города Москвы от 2 ноября 2023 года № 3/6-711/2023 и другие.

[337] См. например: апелляционное постановление Московского городского суда от 8 апреля 2024 года № 10-4202/2024.

[338] Система обеспечения законодательной деятельности Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/902782-8 (доступ от 22.05.2025).

[339] Далее - проект федерального закона № 902782-8.

Соответственно, аналогичные действия в отношении «цифровой валюты» с использованием иностранных инфраструктуры и оборудования не регулируются данным ФЗ.

В виду того, что абсолютное большинство криптовалют выпускаются посредством иностранных инфраструктуры и оборудования, они не входят в предмет регулирования ФЗ № 259, что отмечается и учёными-процессуалистами, в частности, из Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ[340].

Впрочем, несмотря на обозначенную правовую неопределённости в части «имущественного статуса» криптовалют в Российской Федерации правоприменительная практика свидетельствует о том, что в отношении их владельцев применяются уголовно-процессуальное принуждение имущественного характера. Так, в уголовно-правовых отношениях криптовалюты могут выступать в двух качествах, которые целесообразно рассмотреть подробнее.

В настоящее время наблюдается «цифровая трансформация» понятия «средств совершения преступлений», в связи с чем в Российской Федерации существует подход, когда достижению преступного результата могут содействовать не только предметы материального мира, имеющие физическое воплощение, но также и основанные на компьютерном коде программы и результаты их работы (в частности, криптовалюта), что поддерживается рядом отечественных исследователей[341].

---

[340] См. подробнее: Уголовно-правовые гарантии суверенитета государства (сравнительно-правовое исследование): научно-практическое пособие / Артемов В.Ю., Белялова А.М., Борисов С.В. и др.; отв. ред. И.И. Кучеров, С.Л. Нудель, О.И. Семыкина; ИЗиСП. М., 2023. 352 с.

[341] См. например: Зиновьева Н.С. Компьютерная информация, преобразованная методами криптографии, в раскрытии и расследовании преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2021. С. 52, 64.; Лапин С.А., Поляков В.В. Программное обеспечение как средство совершения компьютерных преступлений // Ползуновский альмонах. 2016. № 2. С. 201 – 203; Коренная А.А., Тыдыкова Н.В. Криптовалюта как предмет и средство совершения преступлений // Всероссийский криминологический журнал. 2019. №3. С. 411.; Карихия А.А. Гражданско-правовая модель регулирования цифровых технологий: автореф. дис. ...докт. юрид. наук. М., 2019. С. 18, 24.; Тутынин И. Б., Химичева О.В. Применение мер уголовно-процессуального принуждения при расследовании преступлений, совершенных с использованием криптовалюты: монография – М.: Юрлитинформ, 2022. С. 38.; Хилюта В.В.

Судебная практика также определяет криптовалюту как «средство» достижения преступного результата, например, в случаях, когда она выступает как платёжный инструмент, используемый для финансирования террористической деятельности или организации наркотрафика [342]. Важно отметить, что при рассмотрении электронно-цифрового актива в указанном качестве он подлежит безвозмездному обращению в собственность государства (конфискации) по основанию п. «в» и «г» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ.

В случаях, когда криптовалюта была получена в результате совершения ряда преступлений, указанных в п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ, она также будет подлежать конфискации, о чём свидетельствует релевантная судебная практика[343].

Кроме того, криптовалюта (в виде её стоимостного выражения при конвертации в «фиатные» денежные средства) в соответствии с устоявшейся судебной практикой будет являться предметом преступного посягательства, как в широком спектре преступлений против собственности, таких как вымогательство [344], грабёж [345] или мошенничество [346], так и против установленного порядка осуществления экономической деятельности, например, легализации и отмывании имущества, добытого преступным путём.

В последнем случае, дополнение п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 июля 2015 года № 32 указанием на криптовалюты в качестве предмета легализации преступных доходов было

Цифровые права как предмет хищения // Вестник Ун-та прокуратуры РФ. 2020. № 5. С. 15 – 22.; Сидоренко Э.Л. Криминальное использование криптовалюты: международные оценки // Международное уголовное право и международная юстиция. 2016. №6. С. 8–11.; Русскевич Е.А., Малыгин И.И. Преступления, связанные с обращением криптовалют: особенности квалификации // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 3. С. 4 – 15.

[342] См. например: кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 28 мая 2024 года по делу № 77-1548/2024.

[343] См. например: апелляционное определение Пермского краевого суда от 31 июля 2023 года № 22-4224/2023.

[344] См. например: определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 4 июня 2024 года № 77-1995/2024.

[345] См. например: определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 6 июня 2023 года по делу № 77-1296/2023.

[346] См. например: апелляционное определение Московского городского суда от 22 ноября 2023 года по делу № 10-23460/2023.

произведено с учётом рекомендации № 15 межправительственного органа – Группы разработки финансовых мер по борьбе с отмыванием денег (ФАТФ), в которой обращалось внимание на «цифровое выражение ценности» криптовалюты как конвертируемой единицы обмена[347].

По справедливому замечанию отдельных исследователей, такой подход правоприменителей также детерминирован нововведениями ФЗ № 259, внёсшим ряд изменений, признающих имущественную ценность криптовалюты, в ряд специализированных законов, таких как: Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма» от 7 августа 2001 года № 115-ФЗ; федеральный закон «Об исполнительном производстве» от 2 октября 2007 года № 229-ФЗ; федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25 декабря 2008 № 273-ФЗ; Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ; Федеральный закон от 3 декабря 2012 года № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам»[348].

Следовательно, коль скоро криптовалюта обладает «ценностью» для её владельцев, таковые в ряде случаев признаются потерпевшими (ч. 1 ст. 42 УПК РФ), и, соответственно, получают право на компенсацию причинённого им имущественного вреда (ч. 3 ст. 42 УПК РФ), в том числе и посредством предъявления гражданского иска по уголовному делу (ст. 44 УПК РФ).

Рассмотренные случаи объединяет общее процессуальное средство обеспечения сохранности криптовалюты, будь то для обращения в

[347] Подробнее см.: Уголовно-правовые гарантии суверенитета государства (сравнительно-правовое исследование): научно-практическое пособие / Артемов В.Ю., Белялова А.М., Борисов С.В. и др.; отв. ред. И.И. Кучеров, С.Л. Нудель, О.И. Семыкина; ИЗиСП. М., 2023. С. 315 - 317.

[348] См.: Макаров С.А. О положительном опыте наложения ареста на криптовалютные активы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://mvdmedia.ru/publications/police-of-russia/Competently/kak-zamorozit-bitkoin/ (доступ 31.01.2025).

собственность государства или возмещения вреда потерпевшему – арест, налагаемый в порядке ст. 115 УПК РФ[349].

Однако в случае с криптовалютой существует ряд факторов, значительно затрудняющих применение ареста как меры уголовно-процессуального принуждения, и ставящих под сомнение саму возможность такового[350].

Так, основной проблемой, связанной с арестом криптовалюты, было и остаётся получение доступа к её ценностным свойствам. В рамках настоящего параграфа, на основе анализа отечественной и зарубежной доктрины и правоприменительной практики, мы обосновываем, что указанная проблема решается посредством формирования гарантий прав личности при: извлечении криптовалюты, обеспечении соразмерности её ареста, а также последующем сохранении её ценностных свойств.

Вопросы, связанные с «извлечением» ЦФИ отсылают нас к первому параграфу главы 2 настоящего исследования, в контексте которого стоит отметить, что с помощью различных средств защиты, таких как: PIN-коды, секретные фразы и т.д., ограничивается доступ к широкой номенклатуре электронно-цифровых хранилищ данных, потенциально содержащих криминалистически значимую информацию, среди которых особое место занимают «криптокошельки».

Экзистенция криптовалют, как производных от компьютерного кода, напрямую зависит от наличия какого-либо хранилища, позволяющего осуществлять их аккумулирование, защиту от несанкционированного доступа, и совершение обменных операций с их участием. Как следует из рассмотренного в начале настоящего параграфа примера с «Bitcoin», для

---

[349] Подробнее см.: Камчатов К.В. Криптовалюта как предмет преступления и средство обеспечения иска в уголовном процессе // Уголовный процесс. 2023. № 1. С. 76-85.; Смирнов В.Е. Совершенствование процессуальных механизмов наложения ареста на криптовалюту в ходе производства по уголовному делу / О.А. Зайцев, В.Е. Смирнов // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 510. С. 219 – 225.; Малышева О.А. Законность и обоснованность наложения ареста на имущество при расследовании уголовного дела / О.А. Малышева // Lex Russica (Русский закон). 2021. Т. 74, № 6 (175). С. 119.

[350] См.: Тутынин И. Б., Химичева О.В. Указ. соч. С. 41.

обеспечения хранения достаточно разместить на криптокошельке открытые и/или закрытые ключи для совершения криптовалютных транзакций.

В зависимости от использования/неиспользования подключения к сети Интернет для своего функционирования криптокошельки подразделяются на «горячие» и «холодные» соответственно, отличающиеся как в части механизма, так и правовых условий их ареста.

Обслуживание «горячих» криптокошельков и идентификация их пользователей для целей совершения отношений обмена виртуальной валюты между ними осуществляют специализированные операторы – «криптовалютные биржи». В контексте описанной ранее дискуссии представляется необходимым подчеркнуть, что, коль скоро на криптовалюты не распространяется правовой режим «цифровых валют», то и криптовалютные биржи не являются «организаторами обращения цифровой валюты» для целей применения ФЗ № 259.

Произведённый нами при подготовке настоящего исследования анализ практики взаимодействия государственных органов Российской Федерации с криптовалютными биржами в ходе производства по уголовному делу свидетельствует, что в большинстве случаев оно ограничивается предоставлением информации в ответ на запросы судов и правоохранительных органов.

Так, из постановления Хорошевского районного суда города Москвы от 2 ноября 2023 года № 3/6-711/2023 следует, что, отвечая на запрос следователя, предшествующий возбуждению ходатайства об аресте криптоактивов, расположенных на анонимном счёте, криптобиржи «Garantex», «Whitebit» и «Binance» предоставили ответы о ненахождении данного счёта в сфере их регулирования.

В других случаях криптобиржи предоставляли сведения об установочных данных зарегистрированного на ней пользователя (никнейм, IP-адрес, адрес

электронной почты, данные заграничного паспорта и другие)[351], а также сведения о совершённых сделках с криптовалютой (время, контрагент, сумма)[352].

Единственный обнаруженный нами успешный случай взаимодействия с криптобиржей в части наложения ареста в виде блокировки цифровой валюты регулятором отражён в апелляционном постановлении Московского городского суда от 8 апреля 2024 года № 10-4202/2024, в котором оставлено без изменения постановление Мещанского районного суда города Москвы о продлении ареста, наложенного на криптовалюту, находящуюся на «горячих» криптокошельках, выделенных биржей «Binance».

Следует отдельно упомянуть процедурный аспект наложения ареста на криптовалюту, содержащуюся в подобных хранилищах. Так, пользовательские соглашения ряда бирж-регуляторов отдельно предусматривают оговорку для потенциальных клиентов относительно возможности их «деанонимизации», а также блокировки принадлежащих им криптокошельков с целью обеспечения возможности ареста и последующего изъятия активов, в случае получения соответствующего запроса от правоохранительных органов любого государства[353].

Каждая из бирж может установить собственные правила и для правоохранительных органов, касательно порядка направления запросов и условий их исполнения. В частности, наличие судебного решения национального суда государства, от компетентных органов которого поступает запрос, требуется подавляющим большинством криптовалютных регуляторов.

Кроме того, для обеспечения исполнимости запроса о блокировке хранилищ криптовалюты некоторые биржи, например, «Binance», требуют

---

[351] См. например: определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 30 января 2024 года № 88-1136/2024 и апелляционное определение Московского городского суда от 6 ноября 2024 года № 33-34691/2024

[352] См. например: определения Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 6 августа 2024 года № 88-16999/2024 и от 23 января 2024 года по делу № 88-796/2024.

[353] См. например: Кузнецов Д.В. Уголовно-процессуальные и организационно-тактические вопросы выявления и расследования преступлений, связанных с использованием криптовалют и других виртуальных активов Казань., 2022. С. 36 – 54.

предоставлять им сведения обо всех известных запрашивающей стороне цифровых идентификаторах (открытых ключах) криптокошельков, а также транзакциях, которые носят предположительно преступный характер[354].

Как следует из сказанного, порядок направления требования об аресте цифровых активов криптовалютной бирже существенно отличается как по способу реализации, так и по регуляторному механизму от «ординарных» межгосударственных запросов о правовой помощи (ст. 453 УПК РФ).

В первую очередь специфика такого взаимодействия заключается в том, что его правовым базисом является не наднациональное право, а свод предписаний частной организации, в связи с чем государство оказывается в нехарактерной для себя ситуации отсутствия действенного способа принудительного исполнения решения органов собственной судебной системы. Впрочем, как справедливо отмечают некоторые отечественные исследователи, такие как Д.А. Печегин, законодательство ряда европейских стран имеет тенденцию к регулированию правил функционирования криптобирж. В частности, наличествует закрепление их обязанности идентифицировать своих пользователей, руководствуясь стандартами KYC (Знай своего клиента)[355].

Отсутствие угрозы потенциальной государственной репрессии (разумеется, только в случае, если личный закон организации – владельца криптобиржи не подчиняется праву запрашивающей страны), детерминирует возможность волюнтаристской дискриминации отдельных стран, продиктованную, в том числе, и внешнеполитическим контекстом.

К примеру, имея регистрацию в Республике Литва, такие биржи как «Binance» и «EXMO», вполне могут немотивированно отклонять запросы о блокировке криптокошельков, поступающие от правоохранительных органов

[354] См.: Handbook for dealing with virtual currencies in criminal proceedings. Organization for Security and Co-operation in Europe (OSCE). 2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.osce.org/mission-to-skopje/522754 (дата обращения: 01.09.2024) P. 30 – 31.

[355] См. например: Печегин Д. А. Администрирование цифровых финансов как средство обеспечения безопасности / Д. А. Печегин // Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной деятельности и национальной безопасности: Материалы Международной научно-практической конференции. / Отв. редактор В.А. Семенцов. Том Часть 2. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2021. С. 35-36.

РФ, на волне характерных для Прибалтийских стран антироссийских настроений. В частности, Д.В. Кузнецовым в своём исследовании отмечались дискриминирующие условия пользования биржей «EXMO» для лиц, проживающих в Крыму, Севастополе и Новых регионах Российской Федерации[356].

Как следует из нашей ремарки о личном законе, на данный момент единственным реальным, апробированным на практике способом принуждения регуляторов биржевых криптовалютных площадок к исполнению решений судов о наложении ареста на «горячие» криптокошельки, является объединение государств, на территории которых зарегистрированы те или иные криптобиржи, на основе международных договоров.

Ярким примером в данном контексте является Европейская Конвенция по киберпреступности 2001 года, в соответствии с положениями которой возможно направление криптовалютной бирже трансграничного требования об исполнении решения национального суда запрашивающего государства о наложении ареста, средством обеспечения которого будет являться правоохранительная система домашней юрисдикции соответствующего регулятора.

В связи с этим, некоторые государства, ратифицировавшие данную Конвенцию, предусматривают в своём национальном законодательстве возможность прямого обращения судебного органа к иностранной криптобирже с требованием о заморозке электронно-цифровой валюты на криптокошельке, либо о её конвертации в валюту стран Европейского Союза (евро) с последующим переводом денежных средств на специально созданный банковский счёт, принадлежащий запрашивающему государству. В частности, направление судом такого запроса по ходатайству прокурора предусмотрено ст.ст. 502 – 506 Уголовно-процессуального закона Республики Словения.

Таким образом, до тех пор, пока Российская Федерация совместно с государствами – партнёрами (например, по БРИКС или СНГ) не организовала

[356] См.: Кузнецов Д.В. Указ. соч. С. 54

схожую систему межгосударственного взаимодействия, наложение ареста на цифровую валюту, находящуюся на «горячих» криптокошельках, в случае неполучения пароля от их владельцев представляется затруднительным, или даже почти невозможным, что справедливо признаёт в своём исследовании и Ю.В. Гаврилин [357]. Кроме того, даже в случае создания такой системы, самостоятельная выдача ЦФИ их владельцам остаётся более предпочтительной, в виду того, что как справедливо указала О.А. Малышева, имеются проблемы в информационном взаимодействии следователей в части установления имущества, подлежащего аресту, даже с российскими государственными органами, такими как ФНС, Росреестр и Росфинмониторинг [358], что делает сомнительной потенциальную эффективность взаимодействия с международными организациями.

«Холодные кошельки» могут представлять собой как жёсткий диск компьютера (в таком случае их именуют «декстопными») либо отделяемое цифровое устройство, такое как флеш-память (получившие название «аппаратные»). Впрочем, общей характеристикой для вышеуказанных видов «холодных» криптокошельков, имеющей значение в контексте настоящего исследования, является защита кошелька от несанкционированного доступа посредством уникального пароля – «ключа» [359]. При этом, в связи со спецификой шифрования криптокошельков, а также значительной вариативностью форм их исполнения, эффективные способы их «взлома» на данный момент отсутствуют.

В свете изложенного, вопрос получения правоохранительными органами доступа к содержимому криптокошельков для наложения ареста на

---

[357] См.: Гаврилин Ю.В. Уголовно-процессуальный порядок наложения ареста на криптовалюты // Криминологический журнал. 2023. №2. С. 31.

[358] См.: Малышева О.А. Причины необеспечения следователем возмещения вреда, причинённого преступлением, потерпевшему / О.А. Малышева // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 504. С. 225-226.

[359] См. например: Зайцев В. П. Наложение ареста на криптовалюты в уголовном процессе Республики Беларусь: коротко о главном // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2020. № 1. С. 87 – 88.; Луданина А. В. Наложение ареста на криптовалютные активы в уголовном процессе Российской Федерации: возможные пути развития // Актуальные проблемы российского права. 2023. №6. С. 99.

содержащуюся на них виртуальную валюту является частью более широкой дискуссии, рассмотренной нами в рамках предыдущего параграфа настоящей главы, которую глобально можно описать, как: «нарушает ли принуждение к введению/сообщению пароля от личных цифровых устройств право не свидетельствовать против себя?».

В отечественной доктрине существует предложение о разрешении этого вопроса путём криминализации отказа владельца от предоставления доступа к хранилищу виртуальной валюты, в отношении которой вынесено постановление суда о наложении ареста в прядке ст. 115 УПК РФ.

Ссылаясь на опыт иностранных государств, определивших подобное поведение преступным, таких как ЮАР, Австралия, США и другие, предлагается его рассмотрение как злостного неисполнения судебного акта, с включением соответствующего бездействия в ст. 315 УК РФ в качестве квалифицированного состава преступления[360].

Другие исследователи, такие как Н.С. Зиновьева, предлагают криминализацию отказа от сотрудничества лица, имеющего возможность расшифровать интересующие правоохранительные органы электронные данные и предоставить доступ к их хранилищам (в том числе и криптокошелькам), путём формулирования отдельного состава преступления в сфере компьютерной информации, подлежащего включению в главу 28 УК РФ[361]. Схожие правовые нормы, содержащиеся в законодательстве Франции и Бельгии, и их соотношение с привилегией против самоизобличения подробно рассматривались нами в рамках предыдущего параграфа настоящей главы.

В рассматриваемом контексте интересна американская доктрина, которая дифференцирует ситуации возможности или невозможности принуждения к исполнению решения суда о предоставлении пароля от криптокошелька в зависимости от цели получения доступа к цифровому активу.

---

[360] См. например: Тутынин И. Б., Химичева О.В. Указ. соч. С. 70.

[361] Зиновьева Н.С. Компьютерная информация, преобразованная методами криптографии, в раскрытии и расследовании преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2021. С. 87.

Так, в случае, если введение пароля необходимо для доказывания существования на криптокошельке какой-либо виртуальной валюты и факта принадлежности её лицу, в отношении которого ведётся уголовное преследование (например, при расследовании преступлений, связанных с легализацией доходов, добытых преступным путём), то в соответствии с рассмотренным нами в рамках предыдущего параграфа «Делом Фишера», будет действовать Пятая поправка к Конституции США, запрещающая принуждение к свидетельству против самого себя.

Если получение доступа к паролю требуется для целей возмещения вреда, причинённого преступлением, или конфискации доходов, добытых преступным путём, то вынесение решения об обязании предоставления пароля от криптокошелька возможно, если человек уже осуждён[362].

Среди предложений от профильных исследователей по преодолению правовой неопределённости в вопросе возможности применения принуждения для получения доступа к защищённому криптовалютному кошельку любопытно отметить подход, защищаемый, например, Луданиной А.В.[363], суть которого заключается во внедрении в отечественную правовую действительность новой самостоятельной меры уголовно-процессуального принуждения – конвертации криптовалюты.

В поддержку предлагаемой законодательной новеллы приводятся следующие аргументы:

1. Предоставление доступа к хранилищу цифровых активов не влечёт появления новых доказательств, следовательно, оно не является следственным действием в том смысле, который придаёт ему доктрина уголовного процесса[364];

---

[362] См.: Sacharoff L., Unlocking the Fifth Amendment: Passwords and Encrypted Devices, 87 Fordham L. Rev. 203 (2018). P. 239.

[363] См.: Луданина А.В. Указ. соч. С. 101 – 102.

[364] См. например: Шейфер С.А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение. Самара, 2004. С. 12 - 40; Соловьев А.Б. Система следственных действий как средство уголовно-процессуального доказывания (проблемы уголовного процесса и криминалистики): науч.-метод. пособие. М., 2006. С. 33.

2. Коль скоро принудительная выдача пароля не является составным элементом какого-либо следственного действия, то она не противоречит привилегии против самоизобличения, установленной в ст. 51 Конституции Российской Федерации.

Нетрудно заметить в данном предложении схожесть с бельгийским пониманием отсутствия доказательственного значения у самого по себе действия по «представлению» чего-либо правоохранительным органам, который неприменим к отечественной правовой действительности по смыслу правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, что было подробно рассмотрено нами в рамках предыдущего параграфа настоящей главы данного исследования.

Полагаем целесообразным экстраполировать изложенный в указанном параграфе вывод о невозможности принуждения к предоставлению пароля от электронного устройства и на криптокошельки (притом как «горячие», так и «холодные»), в виду противоречия праву не свидетельствовать против себя самого в том смысле, который им придаёт толкование Конституционного Суда Российской Федерации.

В свете изложенного, в Российской Федерации всё чаще применяется практика стимулирования владельцев цифровых финансовых инструментов к добровольной выдаче пароля от их хранилищ путём включения условия о таком содействии в качестве одного из составных элементов досудебного соглашения о сотрудничестве (глава 40.1. УПК РФ).

Извлечение ценностных свойств криптовалюты при этом происходит в ходе производства «следственного эксперимента», предусмотренного ст. 181 УПК РФ, в рамках которого владелец криптокошелька: 1) осуществляет под контролем компетентных органов введение пароля или секретной seed-фразы (представляющей собой резервный способ доступа к криптокошельку с помощью восстановления пароля путём введения 24 слов, сгенерированных автоматически при первичном создании криптокошелька); 2) производит конвертацию криптовалюты в фиатный (рублёвый) эквивалент с

использованием специализированных сетевых обменных площадок (бирж), который зачисляется на личный банковский счёт такого лица, либо доставляется курьерской службой в наличном выражении.

При этом некоторые исследователи, имеющие практический опыт осуществления такого следственного действия, особо отмечают, что желательно в ходе следственного эксперимента использовать ту же «биржу», которая использовалась и при совершении «преступной конвертации денежных средств» для демонстрации способа совершения преступления[365].

После получения в распоряжение владельца криптокошелька денежных средств в наличном или безналичном выражении, арест на них накладывается уже в ординарном порядке, предусмотренном ст. 115 УПК РФ.

Сходным образом осуществляется процессуальное действие – «конвертация» криптовалюты, имеющее место в процессе наложения ареста на цифровые активы в Республике Беларусь[366]. Практика с выдачей паролей от криптокошельков как условия соглашений о признании вины существует и в США.

Правомерность и целесообразность рассмотренного нами способа конвертации цифровых активов в фиатные денежные средства отстаивается и развивается среди отечественных учёных-процессуалистов[367].

Выполнение указанных действий наряду с иными условиями ДСОС может влечь постановление приговора в порядке, предусмотренном главой 40.1. УПК РФ, а также назначение наказания с применением ч.ч. 2 и 4 ст. 62 УК РФ (ч. 5 ст. 317.7 УПК РФ), о чём свидетельствует изученная нами судебная практика[368].

---

[365] См.: Макаров С.А. Там же.

[366] Подробнее см.: Тутынин И.Б., Химичева О.В. Указ. соч. С. 43.; Зайцев В. П. Указ. соч. С. 88.

[367] См. например: Гаврилин Ю.В., Бендеров И.С. Установление владельцев криптовалютных кошельков при расследовании преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств: учебное пособие. М., 2022. С. 56 – 57, 67.

[368] См. например: приговор Октябрьского районного суд города Кирова от 19 июля 2024 года по делу № 1-263/2024; приговор Центрального районного суда города Новосибирска в от 13 сентября 2022 года по делу № 1-153/2022.

Практика учёта добровольной выдачи цифровых финансовых инструментов, на которые может быть наложен уголовно-процессуальный арест в качестве возможного элемента ДСОС представляется нам обоснованной. Однако при рассмотрении мотивационной сферы[369] владельца соответствующего актива с точки зрения целесообразности заключения ДСОС, можно отметить, что, равно как и в рассмотренном в рамках предыдущего параграфа настоящей главы случае с разблокированием собственного устройства, обусловленная процессуальными особенностями заключения и подтверждения исполнения ДСОС негарантированность наступления позитивных последствий может отвратить его от сотрудничества с правоохранительными органами.

Так, например, анализируя взаимосвязь ч. 2 ст. 317.1., п. 1 и 2 ч. 1 ст. 317.5, п. 1 ч. 2 ст. 317.6 и п. 1 и 2 ч. 4 ст. 317.7 УПК РФ, а также абз. 3 п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 года № 16 можно заключить, что выдача цифровых финансовых инструментов рассматривается как содействие, влекущее возможность применения главы 40.1 УПК РФ, только в случае, если они были добыты преступным путём. В таких условиях, лицо, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, обладающее достаточным для удовлетворения гражданского иска количеством криптовалюты, преступное происхождение которой не установлено, не может быть уверено в том, что добровольное предоставление доступа к её хранилищу для целей ареста будет рассмотрено в качестве содействия.

Представляется, что распространение возможности рассмотрения в качестве элемента ДСОС добровольной выдачи криптовалюты во всех случаях, когда она подлежит аресту по основаниям ч. 1 ст. 115 УПК РФ, является надлежащей гарантией прав владельцев киптокошельков от бесполезного для

[369] Целесообразность учёта мотивации вовлечённых в производство по уголовному делу лиц при разрешении вопросов о применении мер уголовно-процессуального принуждения отмечается и учёными-процессуалистами. См. например: Мезинов Д.А. Значение изучения мотивационной сферы личности обвиняемого (подозреваемого)в уголовном процессе / Д.А. Мезинов, Н. Т. Ведерников // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 497. С. 207.

них раскрытия пароля, а также средством обеспечения ареста криптовалюты, в виду того, что повышение вероятности благоприятных последствий сотрудничества с правоохранительными органами будет стимулировать уголовно преследуемых лиц к таковому. Данную точку зрения поддержал 81% процент опрошенных нами правоприменителей.

Принимая во внимание, что в уголовном судопроизводстве подлежат установлению гарантии восстановления интересов лиц, потерпевших от преступлений [370] , которое может быть затруднительным без извлечения ценностных свойств криптовалюты, находящейся на защищённом криптокошельке, представляется необходимым закрепление добровольной выдачи криптовалюты, в качестве вида возможного содействия в рамках ДСОС на уровне Постановления Пленума Верховного Суда РФ для нивелирования вероятности сокрытия привлекаемыми к уголовной ответственности лицами своих цифровых активов, как одного из основных обстоятельств, препятствующих эффективному возмещению причинённого преступлением вреда[371].

В связи с изложенным предлагаем дополнить абз. 3 п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 года № 16 следующей формулировкой: «... а равно добровольная выдача имущества, на которое может быть наложен арест по основаниям, указанным в ч. 1 ст. 115 УПК РФ, к которому у следствия отсутствовал доступ».

Впрочем, учитывая весьма значительную оборотную стоимость криптовалют, перспектива снижения уголовной санкции может оказаться менее значимой в глазах их владельцев, чем потенциальная возможность утраты активов, многократно превышающих размер возможных имущественных взысканий по уголовному делу, в виду чего особое значение приобретает соразмерность ареста криптовалюты.

---

[370] См. например: Малышева О.А. О необходимости формирования правового механизма возмещения ущерба потерпевшему по уголовному делу / О.А. Малышева // Всероссийский криминологический журнал. 2024. Т. 18, № 3. С. 296-297.

[371] Подробнее см.: Камчатов К.В. Невозмещение вреда от преступления как обстоятельство, отягчающее наказание / К.В. Камчатов // Уголовная политика России на современном этапе: состояние, тенденции, перспективы. М., 2022. С. 86-87.

Наглядной иллюстрацией пагубности необеспечения гарантий лицу, у которого изымается виртуальная валюта, от несоразмерного наложения ареста на неё, превышающего возможные финансовые санкции по уголовному делу, а также отсутствия единообразной практики применения мер поощрения за добровольное предоставление доступа к криптовалютным кошелькам, является получившее широкую огласку в СМИ «Дело следователя Марата Тамбиева», также известное, как «дело о самой крупной взятке криптовалютой в истории России»[372].

Как следует из материалов дела, размещённых в открытом доступе, данный следователь предлагал фигурантам уголовным дел, чьи декстопные и аппаратные криптокошельки изымались в ходе следственных действий, не возбуждать в порядке ч. 1 ст. 115 УПК РФ перед судом ходатайство о наложении ареста на весь объём содержащихся на них цифровых активов. Взамен указанный следователь требовал предоставить ему доступ к хранилищам криптовалюты для обращения части «биткоинов» в свою собственность[373].

Таким образом, правовая незащищённость владельцев цифровой валюты от необоснованного ограничения прав собственности в отношении всех своих активов может выступать криминогенным фактором преступлений против государственной службы.

Порядок наложения ареста в отечественном уголовном судопроизводстве регламентирован совокупностью статей 115 и 165 УПК РФ, в соответствии с которыми лицо, в чьём производстве находится уголовное дело, своим постановлением возбуждает перед судом ходатайство о наложении ареста на имущество, после чего суд рассматривает данное ходатайство, и, в случае его удовлетворения, составляется протокол ареста имущества в порядке ч. 8 ст. 115 УПК РФ.

---

[372] См.: У крупнейшего взяточника в истории России изымут криптовалюты на миллиард рублей. Lenta.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://lenta.ru/news/2025/01/09/u-krupneyshego-vzyatochnika-v-istorii-rossii-izymut-bitkoiny-na-milliard-rubley-i-esche-15-tysyach/ (доступ от 12 января 2025 года).

[373] См, например: апелляционное определение Московского городского суда от 28 сентября 2023 года по делу № 33-39520/2023.

При этом, применительно к криптовалюте, в виду отсутствия специализированного законодательного регулирования, доктрина не пришла к единообразному пониманию меры необходимой конкретизации арестовываемых цифровых активов как в постановлении суда, так и протоколе их ареста.

Некоторые исследователи указывают, что, например, в случае с аппаратными криптокошельками достаточно указания на индивидуальные признаки самого портативного устройства.[374]. В судебной практике также встречаются примеры «упрощённой конкретизации», такой как простое указание на то, что аресту подлежит «USB FlashDrive с криптовалютой»[375].

В соответствии с другим подходом, отстаиваемым, например, Д.В. Кузнецовым и П.А. Литвишко, как в судебном постановлении, так и в протоколе наложения ареста должны обязательно отражаться: цифровые идентификаторы криптокошелька, такие как наименование и адрес открытого ключа, а также конкретный вид криптовалюты (например, «Bitcoin» «Ethereum», «Litecoin») в количественном выражении[376].

Отражением данной концепции в правоприменительной практике является приговор Златоусского городской суда Челябинской области от 22 мая 2023 года по делу № 1324/2023, в котором постановлено: «Сохранить арест в целях исполнения приговора в части взыскания штрафа на следующее имущество Н.Х.: «цифровую валюту (криптовалюты) биткоин в количестве (сумме) 1.64236258 btc, находящиеся на [адрес криптовалютного кошелька] на аппаратном кошельке, принадлежащем Н.Х.»[377].

---

[374] См. например: Тутынин И. Б., Химичева О.В. Указ. соч. С. 60 – 62.

[375] См. например: приговор Братского районного суда Иркутской области от 21 февраля 2022 года по делу № 1-7/2022

[376] См.: Кузнецов Д.В. Уголовно - процессуальные и организационно - тактические вопросы выявления и расследования преступлений, связанных с использованием криптовалют и других виртуальных активов Казань, 2022. С. 31.; Литвишко П.А. Юрисдикционные и международно-правовые аспекты обеспечительных и конфискационных мер в отношении виртуальных активов // Законность. 2021. № 3. С. 9.

[377] Схожий способ конкретизации арестовываемого имущества содержится и, например, в приговоре Дзержинского районного суда города Перми от 21 февраля 2023 года по делу № 1-8/2023.

Важно отметить, что 24 апреля 2025 года Правительством Российской Федерации в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации внесён проект федерального закона № 902782-8 «О внесении изменений в статью 104.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», фактически формализующий рассмотренный подход.

Помимо придания легального «имущественного» статуса цифровой валюте для целей квалификации уголовно-правовых деликтов путём дополнения ст. 104.1 УК РФ соответствующим примечанием, субъект законодательной инициативы предлагает указывать в протоколе наложения ареста, составляемого в порядке ч. 8 ст. 115 УПК РФ: «вид цифровой валюты, её количество, а в случае перевода на адрес-идентификатор, также адреса-идентификаторы отправителя, получателя и иные данные[378].

Данный подход законодателя представляется нам обоснованным. Кроме того, Верховный Суд Российской Федерации в своей правовой позиции, выраженной в п. 13 Постановления Пленума от 1 июня 2017 года № 19[379] установил в качестве обязательного критерий соразмерности стоимостного выражения арестовываемого имущества размеру причинённого преступлением ущерба, а также максимальному штрафу, установленному санкцией соответствующей статьи Особенной части УК РФ.

В связи с этим, представляется целесообразным в составе «иных данных», подлежащих указанию в протоколе наложения ареста в соответствии с указанным законопроектом, учитывать стоимость денежного выражения криптовалюты[380], и, в случае её превышения размера потенциальных имущественных взысканий, накладывать арест лишь на соразмерную часть

378 Законопроект №902782-8. Система обеспечения законодательной деятельности Государственной Думы Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/902782-8#bh_histras (доступ от 25 мая 2025 года).

379 Далее - ППВС № 19.

380 На обязательность оценки рублёвого эквивалента по делам о легализации доходов, полученных преступным путём, прямо указал Верховный Суд Российской Федерации в абз. 4 п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 7 июля 2015 года № 32.

криптоактивов, что также предусмотрено вышеуказанным пунктом ППВС № 19.

Важно отметить, что, учитывая ускоренность производства по вопросам о принятии обеспечительных мер в уголовном процессе, представляется возможным определять стоимость криптовалюты с помощью обращения к специализированным сервисам в сети Интернет, например, «Blockchain.com», отчёты которых принимаются судами во внимание при разрешении вопросов, связанных с арестом цифровых активов[381], кроме того, как указывают такие исследователи, как П.О. Герцен и А.Ю. Чурилов, для оценки стоимости ЦФИ может привлекаться специалист[382].

Обязательность оценки стоимости криптовалюты для разрешения вопроса о соразмерности налагаемого ареста прямо устанавливается законодательством некоторых иностранных государств, в частности, статьёй 202 Уголовно-процессуального кодекса Республики Северная Македония.

Как следует из правового регулирования исследуемой сферы, ограничение конституционного права собственности участника уголовного судопроизводства может быть обусловлено наличием на момент его осуществления более значимой ценности в виде интереса лица, потерпевшего от преступления, в соразмерном возмещении ему причинённого вреда[383].

Впрочем, предусмотрение в п. 13 ППВС № 19 критерия соразмерности ареста возможным имущественным взысканиям свидетельствует о том, что одной из задач уголовно-процессуального ареста как меры принуждения, является соблюдение баланса между вышеуказанным правом потерпевшего, а также очевидным интересом владельца изъятого имущества не понести

---

[381] Применение указанных Интернет-сервисов ля определение стоимости криптовалюты содержат, например: апелляционное постановление Московского городского суда от 2 ноября 2022 года № 10-23299/2022; приговор Кировского районного суда города Казани от 20 мая 2022 года по делу № 1-7/2022.

[382] См.: Чурилов А.Ю., Герцен П.О. Проблемы совершения отдельных процессуальных действий в отношении криптовалюты в Российской Федерации // Вестн. Том. гос. ун-та. Право. 2024. №54. С. 183 - 184

[383] См. например: Камчатов К. В. Наложение ареста на имущество по уголовным делам о дистанционных мошенничествах / К. В. Камчатов, А. Л. Аристархов // Законность. 2025. № 3(1085). С. 40-44.

необоснованных имущественных потерь и не подвергнуться чрезмерному обременению, что отмечается и учёными-процессуалистами [384] . Дополнительной гарантией обеспечения такого баланса, равно как и одной из целей уголовно-процессуального ареста, является создание условий, при которых будет минимизировано уменьшение стоимости арестованного имущества на период действия ограничений.

Такого подхода к назначению рассматриваемой меры уголовно-процессуального принуждения придерживается и судебная практика. В частности, признавая законным продление ареста имущества по уголовному делу, Верховный Суд Республики Крым в апелляционном постановлении от 30 мая 2024 года по делу № 22-1506/2024 указал, что таковой является мерой превенции от отчуждения, реализации или уменьшения стоимости имущества.

Однако в виду высокой волатильности криптовалют вкупе с весьма значительными сроками сохранения их ареста, существует серьёзный риск утраты ими своих ценностных качеств, и, как следствие, обеспечительного характера для баланса интересов участников уголовного судопроизводства[385].

Для разрешения указанной проблемы представляется недопустимым использование прямой аналогии с установленными ч. 4 ст. 116 УПК РФ и ст. 7 Федерального закона «О рынке ценных бумаг» от 22 апреля 1996 года № 39-ФЗ[386] возможностями конвертации, обмена и погашения арестованных в рамках производства по уголовному делу ценных бумаг.

Так, наличие указанных средств обеспечения неуменьшения стоимости ценных бумаг проистекает из «контролируемости» соответствующих сделок, детерминируемой наличием у непосредственного участника соответствующих операций статуса профессионального игрока на рынке ценных бумаг, деятельность которого регулируется государством. В частности, в случае конвертации или обмена, депозитарий в порядке ч. 5 и 6 ст. 82 ФЗ № 39 уведомит о соответствующей операции государственной орган, а также

[384] См. например: Химичева О. В. Наложение ареста на имущество: баланс частных и публичных интересов // Академическая мысль. 2019. №4 (9). С. 65.
[385] Чурилов А.Ю., Герцен П.О. Указ. соч. С. 186-187.
[386] Далее – ФЗ № 39.

обеспечит арест полученных в её результате ценных бумаг. В случае погашения, таким «ответственным лицом» выступит эмитент.

Как уже отмечалось нами в рамках данного параграфа, взаимодействие с криптовалютными биржами в иностранных юрисдикциях (особенно это касается «недружественных стран») выстроено таким образом, что: а) оно подчинено не нормам права, а правилам соответствующей площадки; б) государство, по сути, выступает в роли «просящего», не имея действенного инструментария для проекции своей воли на адресата судебного требования.

В виду отсутствия подотчётного государству «организатора обращения цифровой валюты» как регулятора сделок с криптовалютой, в отношении неё не может использоваться схожий механизм обеспечения неуменьшения «ценностных свойств».

В качестве возможного способа обеспечения гарантии сохранности обменной стоимости арестованных ЦФИ, предлагаем предусмотреть в УПК РФ возможность обращения владельца арестованных в рамках производства по уголовному делу виртуальных активов к лицу, в чьём производстве находится уголовное дело, с ходатайством об их контролируемой продаже или конвертации в ЦФИ иного вида в случае наличия объективных опасений утраты арестованным имуществом своих «ценностных свойств». При этом представляется необходимым привлечение специалиста должностным лицом при разрешении ходатайства для подтверждения или опровержения целесообразности запрашиваемых действий с арестованным имуществом.

Однако, принимая во внимание, что потенциальная норма, формализующая указанные предложения, будет носить специальный характер, будучи применимой исключительно к криптовалюте и другим цифровым финансовым инструментам, представляется, что её введению в УПК РФ должно предшествовать закрепление «имущественного статуса» криптовалют в производстве по уголовному делу, на что, в частности, направлен проект федерального закона № 902782-8.

Необходимость разработки механизма принудительной продажи арестованной криптовалюты отмечают и отечественные учёные-процессуалисты, в частности Д.А. Печегин[387].

Такой механизм уже получил апробацию в мировой правоприменительной практике. В качестве примера можно привести Республику Словения, законодательство которой содержит сходные с предлагаемыми нами положения[388].

В контексте обосновываемого нами решения обозначенной проблемы небезынтересен также предлагаемый некоторыми правоприменителями из состава правоохранительных органов альтернативный механизм ст. 181 УПК РФ, создающий условия ареста криптоактивов, не связанных с переводом в фиатные денежные средства[389].

Так, как уже рассматривалось нами в рамках настоящего параграфа, судебная практика подтверждает возможность наложения ареста на криптовалюту, находящуюся на аппаратных криптокошельках. В связи с этим, в ходе исполнения досудебного соглашения о сотрудничестве возможно добровольное совершении криптовалютной транзакции на заранее созданный правоохранительными органами аппаратный криптокошелёк.

При этом в протоколе следственного эксперимента отражается только цифровой идентификатор (открытый ключ) аппаратного кошелька, а пароль и секретная seed-фраза упаковываются в отдельный конверт и хранятся при уголовном деле в условиях, исключающих доступ к ним третьих лиц, по аналогии с личными данными свидетеля под псевдонимом (ч. 9 ст. 166 УПК РФ).

Произведённый анализ судебной практики подтвердил реальное использование рассмотренного способа. Так, в ходе производства по уголовному делу о незаконном обороте наркотических средств, в ходе осмотра аппаратного криптовалютного кошелька «Tangem Wallet» был осуществлён

[387] См.: Печегин, Д. А. Современные электронные денежные суррогаты: уголовно-правовое значение / Д. А. Печегин // Журнал российского права. 2019. № 7. С. 71-72.
[388] См.: Handbook for dealing with virtual currencies in criminal proceedings. P. 68.
[389] См.: Макаров С.А. Указ. соч.

перевод находящейся на нём криптовалюты на созданную в ходе следственного действия резервную копию криптокошелька. После её создания: «….для входа было необходимо придумать код доступа. Данный код был придуман, состоящий из цифр и букв. С целью защиты данный пароль и секретная фраза для восстановления пароля и входа в приложение Tangem, были напечатаны на листе, распечатаны и помещены в бумажный конверт, без внесения в настоящий протокол». Данный криптокошелек был признан вещественным доказательством по уголовному делу и совместно с конвертом, содержащим вышеуказанные секретную фразу и пароль, находился в камере хранения вещественных доказательств территориального подразделения ОМВД России. В дальнейшем, в соответствии с приговором, они подлежали возврату владельцу после исполнения назначенного наказания в виде уплаты штрафа (приговор Златоустовского городского суда Челябинской области от 22 мая 2023 года по делу № 1-324/2023).

В этом контексте справедливо отметить, что упомянутый ранее законопроект № 902782-8 предлагает аналогичный рассмотренному нами способ хранения арестованной криптовалюты, переведённой на аппаратный или «горячий» кошелёк, созданный органами предварительного расследования.

Данный вариант создания процессуальных условий ареста криптовалюты, по нашему мнению, обладает несомненным преимуществом. Так, сохранение криптовалюты под арестом «в первозданном виде», позволит реализовать предлагаемый механизм «конвертации арестованной криптовалюты» по ходатайству владельца в случае существенного изменения «обменного курса» в большую или меньшую сторону.

Считаем, что предлагаемые нововведения, в частности, возможность рассмотрения добровольного предоставления доступа к хранилищу ЦФИ для целей их ареста по основаниям ч. 1 ст. 115 УПК РФ в качестве элемента ДСОС и принятие мер для обеспечения соразмерности налагаемого на виртуальные активы ареста возможным финансовым взысканиям, а равно неуменьшения их «ценностных свойств» во время ареста, являются надлежащей гарантии

законного интереса личности не подвергаться незаконному и необоснованному имущественному уголовно-процессуальному принуждению.

Выводы по параграфу.

Интерес к использованию криптовалют в незаконной деятельности детерминирован их свойствами, а именно: значительной анонимностью транзакций с их использованием, проходящих вне контролируемого банковского сектора, наличием криптографических средств защиты их хранилищ, а также свободной трансграничной конвертацией в фиатные денежные средства различных стран. В связи с этим, они, обладая имущественной ценностью, нередко выступают в производстве по уголовному делу в качестве как предмета посягательства, так и средства достижения преступного результата.

Проблема получения доступа к хранилищу криптовалюты для её ареста в уголовном судопроизводстве актуальна как для «горячих» криптокошельков, выражаясь в нежелании иностранных криптовалютных бирж исполнять решения российских судов, так и «холодных», в виду отсутствия эффективных механизмов их взлома для извлечения цифрового актива.

В связи с этим, сама возможность наложения ареста на цифровые финансовые инструменты в подавляющем большинстве случаев связана с необходимостью получать доступ к их хранилищу от его владельца. Следовательно, целесообразно стимулировать его к сотрудничеству путём установления возможности рассмотрения в качестве элемента ДСОС добровольной выдачи виртуальных активов во всех случаях, когда они подлежат аресту по основаниям ч. 1 ст. 115 УПК РФ путём дополнения абз. 3 п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 года № 16 следующей формулировкой: «... а равно добровольная выдача имущества, на которое может быть наложен арест по основаниям, указанным в ч. 1 ст. 115 УПК РФ, к которому у следствия отсутствовал доступ».

В виду высокой волатильности цифровых финансовых инструментов, для совершенствования гарантий законного интереса личности не подвергаться

незаконному и необоснованному имущественному уголовно-процессуальному принуждению, нами предложен ряд мер, а именно: а) представляется необходимым указание в постановлении и протоколе о наложении ареста стоимости арестовываемых виртуальных активов в рублёвом эквиваленте; б) целесообразно предусмотрение в УПК РФ, возможности реализации или конвертации арестованных ЦФИ по ходатайству их владельца в случае угрозы значительной потери их стоимости с обязательным учётом мнения специалиста.

§ 3. Допустимость использования систем с элементами искусственного интеллекта при принятии процессуальных решений в уголовном судопроизводстве.

Вне всякого сомнения, одним из магистральных направлений развития IT-технологий первой половины 20-х годов XXI века являются искусственный интеллект, нейросети и прочие новаторские концепты «думающей машины».

Предваряя переход к непосредственной теме исследования, в целях преодоления возможной терминологической путаницы, считаем целесообразным определить значение подлежащих использованию терминов:

1. Легальная дефиниция ИИ в Российской Федерации содержится в п. «а» ч. 5 Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года [390], в соответствии с которым под ИИ понимается комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их. При этом в качестве составных элементов ИИ указаны: а) информационно-коммуникационная инфраструктура; б) программное обеспечение (в том числе, в котором используются методы машинного обучения); в) процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений.

[390] Утверждена Указом Президента РФ от 10 октября 2019 года № 490.

Учитывая сущностные элементы указанного определения, для целей настоящего исследования представляется возможным определить ИИ как систему, самостоятельно решающую поставленную оператором задачу способом, выработанным на основе машинного обучения.

2. «Система с элементами искусственного интеллекта» – программа или совокупность отдельных программ, объединённых посредством электронных сетей, использующая возможности ИИ для достижения установленной оператором цели.

Данное определение согласуется с дефиницией «системы искусственного интеллекта», установленного ГОСТ Р 59277-2020[391] «Национальный стандарт Российской Федерации. Системы искусственного интеллекта. Классификация систем искусственного интеллекта»[392].

3. «Программно-аппаратный комплекс с элементами искусственного интеллекта» – система, использующая для своей работы ИИ, снабжённая органами взаимодействия с физической реальностью (камеры, газоанализаторы, датчики, средства подключения к внешним электронным узлам и т.д.), позволяющими отображать «цифровой слепок» окружающей действительности.

4. «Машинное обучение» – метод внутренней организации ИИ, базирующийся на формировании рационального подхода к предмету поиска, основанного на опыте решения множества сходных логико-вычислительных задач.

Улучшение собственной производительности в результате анализа предыдущих итераций решения сходной задачи есть ни что иное как обучение[393], что и позволяет исследователям отнести данные технологии к

[391] Далее - ГОСТ ИИ.
[392] Утверждён и введён в действие Приказом Росстандарта от 23 декабря 2020 года № 1372-ст.
[393] См. например: Amy B. Cyphert. Tinkering with Machine Learning: The Legality and Consequences of Online Surveillance of Students, 2020. P. 457, 461.

категории «искусственный интеллект» [394], а процесс их использования к «интеллектуальному анализу данных»[395].

В результате всё большего внедрения в различные сферы общественного бытия программ с элементами искусственного интеллекта, в доктрине активизировались обсуждения их применимости в уголовном судопроизводстве для решения тех или иных задач.

При этом в пользу наличия потенциала использования данных технологий в производстве по уголовному делу существует ряд аргументов, детерминированных их функционально-техническими особенностями.

Так, как указывают профильные зарубежные исследователи, «вычислительная мощность», то есть количество совершаемых за единицу времени логико-вычислительных операций у компьютеров значительно превосходит человеческие возможности [396]. Человек, ограниченный своими когнитивными способностями, просто не способен воспринять те объёмы информации, анализ которых осуществляется с помощью программ с элементами искусственного интеллекта, и учесть сравнимое количество переменных при принятии решения.

Кроме того, по справедливому замечанию ряда отечественных учёных-процессуалистов, таких как Д.В. Бахтеев, Е.А. Буглаева, А.И. Зазулин и С.В. Зуев [397], ИИ выгодно отличается от человека своей «искусственной рациональностью», то есть возможностью принимать максимально благоприятное решений, руководствуясь беспристрастным анализом всех известных ему факторов в их системной взаимосвязи.

Этими преимуществами обусловлены и сферы использования систем с элементами искусственного интеллекта в производстве по уголовному делу. В

[394] См. например: Flach P. Machine learning: The Art and science of algorithms that make sense of data. 2012. 291 p.
[395] Подробнее см.: Solove D.J. Data Mining and the Security-Liberty Debate, 2008. 343 p.
[396] См. например: Scherer M.U. Regulating Artificial Intelligence Systems: Risks, Challenges, Competencies, and Strategies Harvard Journal of Law & Technology, 2016. 48 p.
[397] См.: Бахтеев Д.В., Буглаева Е.А., Зазулин А.И. Использование искусственного интеллекта при выявлении, раскрытии, расследовании преступлений и рассмотрении уголовных дел в суде / под редакцией С. В. Зуева. М.: Юрлитинформ, 2022. С. 10.

частности, анализ правоприменительной практики и доктринальных источников свидетельствует, что ИИ применяется в следующих областях.

В настоящее время ИИ активно используется в автоматизированных информационных поисковых системах (АИПС) для целей поиска интересующих оператора сведений в «регистрах криминалистического учёта», таких как дактилоскопические данные (система «Папиллон»), следы обуви (система OttiskSled), поддельные дорожные знаки (система «Знак»)[398].

Кроме того, в российской правоприменительной практике зафиксированы случаи использования ИИ при проведении допросов в качестве «продвинутого полиграфа», позволяющего определять эмоции допрашиваемого[399] .

Небезынтересна также практика использования ИИ для формирования проектов материалов, которые после проверки сотрудниками налоговых органов направляются ими в соответствующие подразделения правоохранительных органов в порядке ч. 1.3. ст. 140 УПК РФ для разрешения вопроса о наличии оснований для возбуждения уголовного дела, существование которой отмечал К.В. Камчатов[400].

В отечественной уголовного-процессуальной доктрине также обсуждается возможность использования результатов работы программ с элементами ИИ в доказывании по уголовным делам. В частности, в качестве потенциальных «машинных доказательств» рассматриваются данные, сгенерированные внутренними электронными системами товаров, допускаемых к свободной реализации на открытом рынке, таких как ИИ-помощники по вождению автомобилей. Представляется, однако, что по справедливому замечанию учёных-процессуалистов, информация, произведённая посредством обработки ИИ, не может участвовать в производстве по уголовному делу в качестве доказательства, в силу: а) невозможности проверить её достоверность

[398] Scherer M.U. Указ. соч. С. 76 – 77.; Zaytsev O. A., Pastukhov P.S. Fadeeva M. Yu., Perekrestov V. N. Artificial intelligence as a New IT Means of Solving and Investigating Crimes // Smart Technologies for Society, State and Economy. Springer, 2021. P. 1266 - 1273.
[399] Там же. С. 124 – 125.
[400] См.: Камчатов К. В. Перспективные направления применения искусственного интеллекта в российском уголовном процессе / К. В. Камчатов // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2024. № 2(100). С. 99.

в виду «проблемы чёрного ящика» (которая подробно будет рассмотрена нами далее); б) несоответствия получаемых ИИ данных критерию истинности в рамках существующей доказательственной парадигмы в РФ; в) отсутствия надлежащих механизмов оспаривании результатов работы ИИ. В связи с изложенным следует согласиться, что данные, полученные в результате работы ИИ могут использоваться в качестве аналога оперативно-розыскным сведениям и иметь исключительно «ориентирующее» значение для направления производства по уголовному делу[401].

В иностранных правопорядках ИИ может использоваться в прогностических целях. Так, например, в городе Новый Орлеан США проводилась практическая апробация системы «Palantir», которая на основе данных сетевой активности горожан предсказывала их склонность к противоправному поведению. Следует оговориться, однако, что в виду отсутствия легальной процедуры применения результатов работы «Palantir» как в целях доказывания по уголовным делам, так и в интересах превенции преступлений, эксперимент окончился безрезультатно[402].

Кроме того, в «прогностическом контексте» достойны упоминания получившие распространение в юридических компаниях США и Великобритании системы с элементами ИИ, позволяющие, на основе анализа судебной практики, «предсказывать» паттерны в правоприменительной деятельности конкретного судьи. Примечательно, что использование таких программ для целей, связанных с удовлетворением профессионального интереса, законодательно запрещено во Франции[403].

Следует отметить, что приведённый нами список является далеко не полным, выполняя, в первую очередь, иллюстративную функцию, так как подробное рассмотрение таких программ не входит в предмет настоящего исследования.

---

[401] Подробнее см.: Научные концепции развития российского законодательства: монография / Хабриева Т.Я., Тихомиров Ю.А., Авхадеев В.Р. и др.; под ред. Т.Я. Хабриевой, Ю.А. Тихомирова; ИЗиСП. - 8-е изд., перераб. и доп. М., 2024. С. 477-480.

[402] Бахтеев Д.В., Буглаева Е.А., Зазулин А.И. Указ. соч. С. 72 – 73.

[403] Печегин Д.А. Информационные технологии в уголовной юстиции: зарубежные тенденции и проблемные аспекты // Российская юстиция. 2021. № 9. С. 25 – 33.

В Российской Федерации в сфере уголовно-процессуального принуждения наибольшее распространение получили системы, осуществляющие идентификацию граждан посредством распознавания лиц[404], такие как: «Сфера», «Фэйс-контроль», «Парсив», а также «Безопасный город»[405].

Анализ судебной практики свидетельствует, что применение данных систем осуществляется посредством последовательно сменяющих друг друга действий: а) оператору соответствующей системы предоставляется изображение лица, предположительно причастного к совершению преступления, притом оно может быть как в виде обычной фотографии[406], так и в виде фотокомпозиционного портрета[407] (в том числе составленного для целей осуществления розыска в порядке ст. 210 УПК РФ) [408] , или стоп-кадра («скриншота») с видеозаписи, ранее запечатлевшей искомого гражданина[409]; б) посредством сличительного анализа предоставленного изображения с информацией, поступающей с камер видеонаблюдения, расположенных в местах общего пользования, система производит программный поиск лица; в) обнаружив совпадение внешности запечатлённого на камерах человека с предоставленным изображением, система оповещает оператора о месте его нахождения; г) происходит задержание данного лица в порядке, предусмотренном ст. ст. 91 и 92 УПК РФ[410].

---

[404] Технологии распознавания лиц в уголовном судопроизводстве: проблема оснований правового регулирования использования искусственного интеллекта / О.И. Андреева, В.В. Иванов, А.Ю. Нестеров, Т.В. Трубникова // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 449. С. 202-203.

[405] Подробнее о функциональных особенностях системы см. например: Майоров В.И. Аппаратно-программный комплекс «Безопасный город» как инструмент противодействия преступности // Виктимология. 2022. №4. С. 445 – 450.

[406] См. например: приговор Дорогомиловского районного суда города Москвы от 16 декабря 2024 года по делу № 1-449/2024.

[407] См. например: приговор Реутовского городского суда Московской области от 20 июля 2023 года № 1-103/2023.

[408] См. например: Приговор Борисоглебского городского суда Воронежской области от 29 августа 2023 года по делу № 1-240/2023.

[409] См. например: приговор Тушинского районного суда города Москвы от 2 декабря 2024 года по делу № 1-875/2024.

[410] См. например: Приговор Калининского районного суда города Санкт-Петербурга от 5 декабря 2024 года по делу № 1-1141/2024; приговор Зеленоградского районного суда

Как следует из произведённого нами анализа судебной практики, а также позиции некоторых учёных-процессуалистов, для целей обоснования законности задержания такие сведения, полученные от программ с элементами ИИ, впоследствии «процессуализируются» путём допросов лиц, как контролировавших работу соответствующей системы, так и непосредственно производивших задержание[411].

В виду широкого распространения практики задержаний граждан в результате работы рассмотренных программ, некоторые исследователи, такие как А.Ю. Чурикова, предлагают дополнить ч. 2 ст. 91 УПК РФ указанием на то, что в качестве «иных данных», являющихся основанием для уголовно-процессуального задержания, могут применяться результаты работы камер видеонаблюдения, использующих элементы ИИ для идентификации подозреваемых[412].

Представляется, однако, что легализация применения систем с элементами ИИ в качестве основания задержания граждан выглядит преждевременной, в виду существования риска ложноположительных результатов их работы. Наглядной иллюстрацией опасности принятия процессуальных решений о применении принуждения на основе рекомендации ИИ является получившее широкую огласку «Дело Цветкова». Так, данный гражданин был задержан в порядке ст. ст. 91 и 92 УПК РФ транспортной полицией аэропорта Домодедово на основании сигнала системы распознавания лиц с элементами ИИ, которая указала на схожесть Цветкова с лицом, обвиняемым в совершении ряда особо тяжких преступлений против жизни. Только спустя год было установлено, что Цветков не имеет никакого

города Москвы от 26 августа 2024 года по делу № 1-264/2024; приговор Йошкар-Олинского городского суда Республики Марий Эл от 28 февраля 2023 года по делу № 1-78/2023; приговор Черемушкинского районного суда города Москвы от 7 декабря 2023 года по делу № 1-236/2023.

[411] См. подробнее: Чурикова А.Ю. Доказательственное значение результатов использования технологии распознавания лиц. Законность. 2025. № 1. // Доступ из СПС «Консультант Плюс».

[412] См.: Чурикова А.Ю. Использование информационных технологий и систем в уголовном судопроизводстве: возможности, риски, правовое регулирование: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов. 2024. С. 192 – 196.

отношения к расследуемому преступлению, однако к тому моменту он успел пробыть 10 месяцев под стражей[413].

В связи с изложенным, для совершенствования гарантий обеспечения законного интереса личности не подвергаться незаконному и необоснованному принуждению при производстве по уголовному делу, считаем целесообразным рассмотреть критерии допустимости использования программ с элементами ИИ для обоснования уголовно-процессуального принуждения.

Следует сразу обозначить, что в Российской Федерации на момент подготовки настоящего исследования отсутствует обширная практика применения программ с элементами ИИ для указанных целей, помимо уже рассмотренных нами систем автоматизированной идентификации граждан.

Однако в правоприменительной практике некоторых стран, прежде всего, США, исследуемые программы представлены довольно давно, что позволило как оценить их реальную эффективность, так и выработать критерии, позволяющие использовать их для принятия процессуальных решений в уголовном судопроизводстве.

В связи с изложенным, целью данного параграфа является рассмотрение актуального зарубежного опыта использования ИИ для обоснования уголовно-процессуального принуждения, для определения условий и критериев допустимости такового с последующей экстраполяцией их на систему отечественного уголовного судопроизводства. Полученные в ходе исследования выводы могут быть полезны при создании отечественной системы правового регулирования сходных правоотношений на этапе, когда данные технологии сильнее проявятся в российских реалиях, что отвечает современному вектору развития юридической науки. В частности, опережающее развитие доктринальной мысли указывали в качестве гарантии

[413] См. подробнее: Собенин А.А.Искусственный интеллект в уголовной юстиции Российской Федерации и Китайской Народной Республики: важность государственно-правового регулирования // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2024. №1 (113). С. 51 – 52.; Иванов В.В. Правовая защита частных интересов в цифровом мире: позитивное и/или «мягкое право»? / В.В. Иванов, Т.В. Трубникова, А.Ю. Чурилов // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 502. С. 190.

последующего эффективного внедрения цифровых технологий такие исследователи-процессуалисты, как О.А. Зайцев[414].

В рассматриваемом контексте, применение программ с элементами ИИ можно разделить на две подгруппы: а) автоматизированное принятие решений о наличии оснований для применения мер принуждения (например, для задержания подозреваемого или производства обыска); б) оценка рисков преступного рецидива, определяющая характер и интенсивность необходимого пенитенциарного воздействия на лицо, совершившее уголовный деликт.

В виду упоминания нами использования ИИ для принятия решений о задержании подозреваемых, считаем возможным начать именно с такой его формы использования. Ключевой технологией в данной связи будет «компьютерное зрение», которое заключается в том, что программа, используя аппаратные устройства – считыватели информации об окружающей действительности, такие как фотоэлементы, лазерные дальномеры, микрофоны и т.д., производит интеллектуальное сличение окружающей обстановки с предварительно загруженными в её память образами, тем самым производя поиск и идентификацию объекта или человека[415].

В связи с указанной способностью, позволяющей распознавать людей, в отношении которых имеется информации о причастности к преступлению, тем самым обосновывая их задержание и применение иных мер принудительного воздействия, такие программы получили обобщённое наименование «автоматизированные алгоритмы подозрений». Так, помимо уже упомянутых отечественных систем, аналоги, позволяющие идентифицировать людей и автомобили, существуют в: КНР («Глаз стрекозы») и в США («FACES»), а также Австралии и Великобритании[416]. При этом, будучи объединёнными в

---

[414] См.: Зайцев О.А. Особенности уголовно-процессуального доказывания в условиях цифровизации // Журнал российского права. 2024. Т. 28. № 8. С. 95.

[415] Подробнее о технологии см. например: Коныгин Р.А., Шестакова Л.А. Указ. соч. С. 99—106., Высокотехнологичный уголовный процесс: монография / под ред. докт. юрид. наук С.В. Зуева; докт. юрид. наук Л.Н. Масленниковой. М.: Юрлитинформ, 2023. 216 с.

[416] Подробне см.: Смирнов В.Е. Использование систем с элементами искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве иностранных государств // Союз криминалистов и криминологов. 2023. № 4. С. 100 - 105.

единую сеть, они позволяют не только в режиме реального времени определять место нахождения подозреваемого, но также и осуществлять контроль маршрута его передвижения путём последовательного подключения камер, зону ответственности которых он пересекает.

Кроме того, в объём понятия «автоматизированные алгоритмы подозрений» входят системы интеллектуального анализа места совершения преступления, которые, основываясь на предварительно загруженных в их память планах местности и 3-Д моделях места происшествия (о способе создания которых мы подробнее говорили в рамках параграфа 2 главы 2 настоящего исследования), могут определить траекторию полёта пуль и местоположение стрелка, руководствуясь законами баллистики, ярким примером которых является используемая в США система «ShotSpotter».

Из описанного функционала и принципов работы таких программ следует, что их деятельность сводится к предоставлению вероятностного суждения о причастности того или иного лица к расследуемому преступлению на основе преломления фактических обстоятельств дела (либо воспринятых самостоятельно через устройства взаимодействия с окружающим миром, либо загруженных для программной обработки оператором) через определённые алгоритмы оценки. Таким образом, они фактически выполняют познающую роль в уголовном судопроизводстве, хотя и действуют в рамках задачи, определённой оператором – человеком[417]. Иными словами, в то время как самодетерменируемость программ с элементами ИИ ограничена лишь избранием наилучшего из доступных вариантов решения значимой с точки зрения производства по уголовному делу задачи, целеполагание в уголовном судопроизводстве продолжает осуществлять человек.

В свете изложенного неудивительно, что, как уже было показано нами ранее на примере российского опыта, на практике возникает ситуация, когда наличие оснований для ограничения прав личности, вовлечённой в уголовно-процессуальную сферу, в виде применения мер принуждения, определяет

[417]См. например: Архипов С.И. Субъект права: теоретическое исследование. СПб. 2004. С. 31 – 38.

самообучающаяся машина, не имеющая никакого легального правового статуса участника уголовного судопроизводства, что ставит вопрос о критериях законности каких-либо процессуально значимых решений, основанных на результатах её работы.

Как следует из рассмотренного нами ранее «Дела Цветкова», очевидной опасностью, наличием которой противники внедрения подобных программ в уголовно-процессуальную деятельность аргументируют свою позицию, является потенциальная возможность «ложноположительного» срабатывания алгоритма подозрений, которое влечёт негативные последствия для лица, к которому в результате такового будут применены меры принуждения.

В данном контексте показателен опыт правоохранительных органов Великобритании, которые на основе ретроспективного анализа применения системы идентификации подозреваемых по камерам видеонаблюдения, используемой в Южном Уэльсе, выяснили, что за время её работы имелись неоднократные случаи ложного определения подозреваемого, что повлекло арест лиц, непричастность которых к совершенному преступлению впоследствии была подтверждена[418].

Безусловно, любая технология несовершенна, и вероятность недостоверного результата никогда нельзя исключать. Однако почему в таком случае именно автоматические алгоритмы подозрений вызывают особые опасения, в то время как к «алкотестерам» или системам анализа ДНК таких вопросов не возникает? Ответ кроется именно в автономности ИИ не только при выборе способа решения задачи, но также и в формулировании такового посредством анализа и систематизации опыта решения сходных задач в предыдущих циклах работы программы.

Таким образом, если принцип работы упомянутого «алкотестера» доступен для понимания и проверки человеком, то установить, каким образом самообучающаяся программа сформулировала тот или иной вывод, и какой

[418] См.: «The Welsh police force is using AI was part of its facial recognition system». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.wired.co.uk/article/police-ai-uk-durham-hart-checkpoint-algorithm-edit (дата обращения: 18.08.2023).

логикой она при этом руководствовалась, представляется невозможным. Данный вопрос «объяснимости» решений, принимаемых ИИ, получил в специализированной зарубежной литературе название «Black Box Problem (Проблема чёрного ящика)»[419].

Кроме того, в случае, если разработчиками была допущена ошибка в программном коде, или представлен неправильный набор «обучающих данных», используемых для первоначальной калибровки системы под отведённую ей задачу, то последствия этого могут долгое время оставаться незаметными. Однако данные ошибки при каждой следующей итерации решения аналогичной задачи будут учитываться системой, как «истина», в связи с чем последующие результаты работы будут потенциально порочными. А, так как машинное обучение подразумевает учёт данных о прошлых циклах работы, при многократном повторении незначительная на первый взгляд ошибка может привести к компрометации результатов работы программы[420], а также повлечёт абсолютно нелогичные с точки зрения наблюдателя – человека решения[421].

Как уже упоминалось в рамках второй главы настоящего диссертационного исследования, Четвёртая поправка к Конституции США связывает возможность государственного вторжения в «сферу приватности» человека, а также ограничения его прав в рамках уголовного судопроизводства с критерием наличия «достаточных оснований» для таковых, который требует установления «обоснованных подозрений» и вероятной причины».

При этом, как следует из судебно-прецедентной практики Верховного Суда США, на основании Четвёртой поправки оценке подлежат наличие и достаточность конкретных обстоятельств, свидетельствующих о причастности

---

[419] См. например: Roth A. L. Trial by Machine. Georgetown Law Journal, Vol. 104, no. 5, 2016. pp. 20-21.

[420] См. например: Alpaydin E. Introduction to machine learning. 2014. p.p. 30-32.; Зайцев О.А. Указ. соч. С. 105.

[421] См. например: Wang P. The Risk and Safety of AI, A general theory of intelligence [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://sites.google.com/site/narswang/EBook/topic-list/the-risk-and-safety-of-ai (дата обращения 25.09.2023).

того или иного лица к преступной деятельности[422]. В связи с тем, что ч. 2 ст. 91 УПК РФ предусматривает сходный круг обстоятельств, подлежащих установлению для обоснования задержания гражданина, считаем целесообразным остановиться подробнее на рассмотрении результатов работы программ с элементами ИИ в контексте Четвёртой поправки.

Как указал Верховный Суд США в ряде других прецедентов, оценка достаточности представляет собой результат мыслительной деятельности субъекта познания по уголовному делу, сопряжённой с категориями «разум» и «здравый смысл» [423], которые, в свою очередь, являются когнитивными условиями объяснимости того или иного решения.

Так как в виду рассмотренной ранее «Проблемы чёрного ящика» невозможно установление «достоверности» решения, полученного программой с элементами ИИ, то их применение для обоснования вторжения в сферу регулирования Четвёртой поправки, на первый взгляд, представляется незаконным в контексте упомянутых правовых позиций Верховного Суда США.

Впрочем, учитывая, что в области внедрения инноваций, процесс цифровизации уголовного судопроизводства значительно обгоняет его правовое регулирование, сложилась ситуация, при которой практика применения автоматизированных алгоритмов подозрений фактически сложилась, в связи с чем американской доктрине пришлось подстраивать юридические концепции под уже существующие реалии[424].

Произведённый сличительный анализ теоретических изысканий ряда американских учёных, таких как, например: A. Ferguson[425], E. Joh[426], M. Rich[427],

---

[422] См. например: «Дело Орнелас против Соединённых Штатов» Ornelas v. United States, 517 U.S. 690, 696 (1996).

[423] См. например: «Дело Иллинойс против Гейтса» Illinois v. Gates, 462 U.S. 213, 244 (1983), а также «США против Кортеза» United States v. Cortez, 449 U.S. 411, 418 (1981).

[424] Иванов В.В. Правовая защита частных интересов в цифровом мире: позитивное и/или «мягкое право»? / В.В. Иванов, Т.В. Трубникова, А.Ю. Чурилов // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 502. С. 199.

[425] См.: Ferguson A.G. Predictive Policing and Reasonable Suspicion (May 2, 2012). 62 Emory Law Journal 259 (2012) p.p. 261 – 325.

позволил выделить два подхода к надлежащей интеграции автоматизированных алгоритмов подозрений в правовую систему США.

В рамках первого из них, производится попытка экстраполировать какое-либо прецедентное решение на исследуемые программы и увязать их существование в уголовном процессе в рамках одной из наличествующих правовых категорий.

Так, учёными-процессуалистами предпринимались попытки осмысления применимости к таким программам «доктрины коллективного знания», в соответствии с которой, меры принуждения могут применяться одним сотрудником полиции, если о наличии достаточных оснований для такового ему известно от кого-либо из коллег или представителей иных правоохранительных ведомств[428].

Однако ИИ не подошёл на роль «осведомлённого сослуживца» в виду того что Верховный Суд США установил необходимость для субъекта, обосновывающего применение меры принуждения, руководствоваться «априорными представлениями человека о морали и долге», а также «личным опытом человеческого общежития», которые, со всей очевидностью, отсутствуют у машины[429].

Более жизнеспособной аналогией, на наш взгляд, является экстраполяция на исследуемые программы правового подхода к интересу, проявленному служебной собакой к тому или иному объекту или человеку.

Так, от собаки тоже не требуется «объяснять» своё решение, которое она, равным образом, как и автоматизированные алгоритмы подозрений, формулирует в своём сознании, посредством преломления информации об

---

[426] См.: Joh E. E. The New Surveillance Discretion: Automated Suspicion, Big Data, and Policing (October 26, 2015). Harvard Law & Policy Review, 2015 Forthcoming, UC Davis Legal Studies Research Paper No. 473, 34 p.

[427] См.: Rich M. Machine Learning, Automated Suspicion Algorithms, and the Fourth Amendment (April 13, 2015). University of Pennsylvania Law Review, Forthcoming, Elon University Law Legal Studies Research Paper No. 2015-03. 72 p.

[428] Данная доктрина была сформулирована в деле «Лайнс против США» United States v. Lyons, 687 F.3d 754, 766 (6th Cir. 2012).

[429] Данная позиция сформулирована в Решении по делу «Уайта против Штата Алабамы» Alabama v. White, 496 U.S. 325, 330

окружающем мире (сигналов от органов обоняния). При этом активное внимание такого животного признаётся судебной практикой достаточным основанием, для применения мер принуждения в соответствии с Четвёртой поправкой к объекту его интереса[430]. Однако сказанное отнюдь не значит, что собака является бесспорным актором подозрений в уголовном процессе, который позволяет во всех случаях проникать в охраняемую Четвёртой поправкой сферу[431].

Так, лицо, осуществляющее уголовно-процессуальное принуждение на основании подозрения собаки, должно быть готово продемонстрировать в суде обширную служебную документацию животного, такую как: сертификаты допуска для службы в полиции от кинологической службы, ретроспективные сведения об ордерах, санкционированных на основе проявленности её интереса, сведения о результатах периодических тренировок и зачётов, а также проценте выказанных «ложных тревог»[432].

По аналогии высказывается предложение, представляемое нам разумным в контексте Четвёртой поправки, в случаях, если ордер на обыск или арест выдаётся на основе сигналов автоматизированных алгоритмов подозрений, необходимо представлять в суд для доказывания наличия «достаточных оснований» применения мер процессуального принуждения: свидетельства соответствия использованной программы государственным стандартам, подтверждения квалифицированности оператора программы, сведения о коэффициенте ложноположительных и ложноотрицательных результатов, полученных в результате тестирования системы с элементами ИИ (так

[430] См. например: «Дело Штата Иллинойс против Кабаллеса» Illinois v. Caballes 543 U.S. 405, 406 (2005). 409.

[431] Подробнее см.: Смирнов В.Е. К вопросу о допустимости в уголовном судопроизводстве информации, генерируемой системами с элементами машинного обучения (на примере США) // Международное уголовное право и международная юстиция. 2025. № 1. С. 23 – 26.

[432] Указанные требования содержит, например, решение по делу «Харрис против Штата Флорида» Harris v. State, 71 So. 3d 756, 775 (Fla. 2011)).

называемый «коэффициент ложного отклонения, служащий показателем эффективности соответствующей системы с элементами ИИ)[433] и т.д.

Целесообразно также подчеркнуть, что такие требования следуют не только из аналогии с собакой, но также и из стандартов доказывания применимости тех или иных достижений научно-технического прогресса для доказывания и обоснования принятия процессуальных решений в уголовном судопроизводстве, установленных в прецедентном решении Верховного Суда США по делу «Дуберт против Фармацевтической компании Мерелл Доу»[434].

Впрочем, справедливо отметить, что в виду отсутствия практики лицензирования и сертификации программ с элементами ИИ в Российской Федерации, данные требования неприменимы к использованию таких систем в отечественном уголовном судопроизводстве.

Однако аналогия со служебной собакой представляется нам не только самой удачной в контексте Четвёртой поправки, но и подлежащей экстраполяции на отечественную правовую действительность в виду наличия релевантной судебно-правоприменительной практики.

Анализ судебных решений, в которых содержатся сведения о применении мер уголовно-процессуального принуждения к гражданину на основании проявленного интереса служебной собаки свидетельствует, что внимание собаки не является основанием, самостоятельно влекущим уголовно-процессуальное задержание. Так, оно является поводом только для составления акта применения служебной собаки и личного досмотра в порядке, регулируемом ст. 27.7 КоАП РФ. При этом основанием для задержания является именно обнаружение в ходе личного досмотра следов преступной деятельности (в частности, наркотических средств)[435].

---

[433] Бахтеев Д.В., Буглаева Е.А., Зазулин А.И. Использование искусственного интеллекта при выявлении, раскрытии, расследовании преступлений и рассмотрении уголовных дел в суде / под редакцией С. В. Зуева. М.: Юрлитинформ, 2022. С. 82.

[434] См.: Daubert v. Merrell Dow Pharmaceuticals, Inc., 509 U.S. 579, 589 (1993).

[435] См. например: приговор Мотовилихинского районного суда города Перми от 22 ноября 2022 года по делу № 1-453/2022; приговор Руднянского районного суда Смоленской области от 14 декабря 2022 года по делу № 1-125/2022.

Таким образом, представляется, что в виду неразрешимости «Проблемы чёрного ящика» на данном этапе развития технологий, применять уголовно-процессуальное принуждение на основании результатов работы программ с элементами ИИ возможно исключительно при наличии иных данных, свидетельствующих об обоснованности подозрения в отношении гражданина. Кроме того, принятие окончательного решения должно оставаться за человеком, который должен исходить из всех известных ему обстоятельств дела, а не «слепо» руководствоваться результатом работы программы. Данные условия считаем возможным принять за стандарт, актуальный существующей практике использования ИИ в исследуемом контексте.

В дополнение к указанным требованиям представляется также целесообразным предоставлять стороне, к которой было применено принуждение по уголовному делу на основании работы автоматизированных алгоритмов подозрений, возможность проведения «контртестирования» такого алгоритма, для обоснования сомнений в достоверности полученных им результатов, на что также указывают некоторые представители американской доктринальной мысли, такие как A.L. Roth[436], R. Brownsword и A. Harel[437].

При этом под «контртестированием» понимается, по сути, система проверок работы той или иной программы, когда её оператором выступает лицо, приглашённое стороной защиты, для выявления факторов, снижающих достоверность результата её работы.

Впрочем, практическая реализация указанных предложений как в Российской Федерации, так и в зарубежных правопорядках, вызывает значительные трудности, в связи с тем, что правоохранительные органы не соглашаются предоставлять свои программы (в особенности используемые для негласного слежения, к которым относятся и рассматриваемые нами алгоритмы подозрений) в виду того, что разглашение их технической составляющей

[436] См.: Roth A. L. Trial by Machine. Georgetown Law Journal, Vol. 104, no. 5, 2016. P. 45.
[437] См.: Brownsword R. and Harel A. Law, liberty and technology: Criminal justice in the context of smart machines. International Journal of Law in Context, 2019. no. 15(2), pp. 107—125.

позволит преступникам разработать способы сокрытия себя от внимания систем с элементами ИИ[438].

Так, например, в судебной практике США уже имелся случай, когда сторона, пытаясь оспорить результаты работы системы с элементами ИИ «CODIS», осуществлявшей анализ и сличение ДНК для идентификации подозреваемых, требовала предоставить ей возможность самостоятельного взаимодействия с программой для проведения контртестирования, однако по вышеуказанным причинам ей было отказано[439]. Впрочем, на уровне штатов встречается и противоположный подход. В частности, в Штате Айдахо, до интеграции той или иной системы с элементами ИИ в уголовно процессуальную сферу, сведения о принципах и алгоритмах её работы обязательны для размещения в сети Интернет в режиме открытого доступа[440].

Однако даже при доступности вышеуказанных сведений, проведение грамотного контртестирования, способного повлечь недопустимость использования той или иной программы – прерогатива профильных специалистов, труд которых, разумеется, требует финансовых вложений со стороны защиты, что детерминирует недоступность такого способа оспаривания работы алгоритмов подозрений для подавляющего большинства населения. Кроме того, для выявления «скрытых ошибок», о которых мы говорили в начале настоящего параграфа, необходим доступ такого тестировщика к «обучающему набору данных», использованного при первоначальной настройке программы.

В виду изложенного, конкретный единообразный способ такой проверки стороной защиты результатов работы программы с элементами ИИ американской практикой не выработан.

В данном контексте небезынтересен опыт ряда стран Европы, установивших в специализированном законодательстве обязательность возможности контртестирования с предоставлением всех вышеуказанных

[438] См. например: Tal Z. Zarsky. Transparent Predictions, U. Ill. L. Rev. 2013. P. 1554.
[439] См. Например: Roth A. L. Указ. соч. P. 14.
[440] См.: Ермакова Е.П. Фролова Е.Е. Искусственный интеллект в гражданском судопроизводстве и арбитраже: опыт США и КНР. М.: Юрлитинформ, 2021. С. 94.

данных (в том числе и «обучающих») для лица, против которого использовались такие программы, что повлекло ограничение его прав и свобод [441] . Однако, признавая необходимость контртестирования, данные нормативные акты никак не регламентируют порядок его производства, оставляя этот вопрос для разрешения собственными законодательствами стран «Еврозоны»[442].

В качестве примера национального опыта в исследуемой сфере следует отметить предоставляемую в Нидерландах возможность стороне защиты оспорить результаты работы использованной против неё программы с элементами ИИ путём «ограниченного контртестирования». В его ходе, представители защиты допускаются в научно-исследовательский институт или IT-корпорацию, произвёдшие такую систему, где, после «вводного лекционного курса» от сотрудников, могут самостоятельно выявлять принципы и алгоритмы функционирования программы, а также факторы, снижающие точность её работы, используя специальную «демонстрационную версию программы». Для иллюстрации такого «контртестирования» европейскими исследователями приводится так называемое «дело PGP», в ходе которого защита сходным образом оспаривала результаты работы программы интеллектуального поиска информации среди зашифрованных данных – «Hansken»[443].

Указанный подход представляется нам удачным при условии доступности для стороны защиты наряду с «демоверсией программы» определённого набора данных, необходимого для полноценного контртестирования. В этой связи, для определения возможных векторов усиления гарантий прав личности от необоснованного уголовно-

[441] См. п. 38 Раздела «Цели принятия закона» «Закона об искусственном интеллекте стран - участниц Европейского союза» («EU Artificial Intelligence Act») от 14 июня 2023 года, а также ст. ст. 15 и 22 «General Data Protection Regulation (GDPR)» («Общеевропейский регламент по защите персональных данных»).

[442] См. например: Wachter S. and Mittelstadt B. and Floridi L. Why a Right to Explanation of Automated Decision-Making Does Not Exist in the General Data Protection Regulation. International Data Privacy Law, 2017. 47 p.

[443] См. например: Custers B.H.M. and Stevens L. The Use of Data as Evidence in Dutch Criminal Courts, European Journal of Crime, Criminal Law and Criminal Justice, 2021. Vol. 29, no. 1, pp. 25—46.

процессуального принуждения, считаем необходимым рассмотреть сферу применения программ с элементами ИИ, требующую максимальной транспарентности их работы, а именно оценку риска преступного рецидива для целей определения меры уголовного наказания.

Целесообразность существования таких программ обуславливается двумя обстоятельствами. Во-первых, для целей недопущения совершения новых преступлений осуждённым лицом, необходимо определение таких характера, вида и интенсивности уголовного наказания, которые будут достаточны (ни чрезмерно мягкими, ни суровыми) для исправления конкретного преступника. Следовательно, учёту судом подлежит значительный объём информации, характеризующей личность обвиняемого, в её системной взаимосвязи, что требует совершения большого количества логико-вычислительных операций, в которых, как отмечалось нами ранее, человек значительно уступает компьютерным программам. Во-вторых, «искусственная рациональность» таких программ позволяет минимизировать риск предвзятости при определении судьбы человека.

Наибольшее распространение, а, следовательно, и практико-доктринальное осмысление, данные системы с элементами ИИ получили в США [444] и Великобритании. Небезынтересно также отметить, что законы некоторых штатов США прямо предусматривают обязательность использования таких программ при определении наказания[445].

Так, наиболее известной из них является американская система «COMPAS», принцип работы которой заключается в определении степени (как низкий, средний или высокий) риска «досудебного рецидива» (что влияет на вид избираемой до суда «меры пресечения»), общекриминального рецидива, и рецидива насильственных преступлений (что, в свою очередь, учитывается при определении меры наказания) на основе анализа ответов подсудимого на 137

[444] См. подробнее: Huq A. Racial Equity in Algorithmic Criminal Justice, 2019. pp. 1043, 1075.
[445] См. например: § 532.007(3) (a) Устава Штата Кентукки от 2021 года, § 5120.114 (A) (1)-(3) Законов Штата Огайо; § 2154.7 (a) Сводных законов Штата Пенсильвания; статья 22, § 988.18 (B) Законов Штата Оклахома.

вопросов, касающихся, как его психо-физиологических особенностей, так и взаимоотношений с законом, социальных связей и т.д[446].

Отчёт о работе данной программы представляется судье для определения необходимой меры ответственности после признания подсудимого виновным в порядке § 3552 (а) Раздела 18 Кодекса США. При этом, коль скоро на этом этапе судебного заседания вопрос о виновности лица, представшего перед судом, уже разрешён[447], то отсутствуют строгие требования к структуре и форме такого отчёта, в связи с чем он может представлять собой как, например, диаграмму, так и печатный текст.

В Великобритании имеет место опыт внедрения схожей с американской системы оценки риска продолжения криминального поведения индивида с использованием искусственного интеллекта «HART», разработанной Кембриджским университетом, главное предназначение которой определить, нуждается ли лицо в прохождении программы посткриминальной реабилитации «CheckPoint». Данная программа используется в отношении лиц, совершивших преступления в силу стечения трудных жизненных обстоятельств.

Указанная система, имея в своей памяти обширную базу данных о задержаниях, определяет степень риска (средний, умеренный, высокий) того, что лицо совершит повторное преступление в период ближайших двух лет, основываясь на 34 различных факторах, таких как: пол, возраст, сведения о предыдущих правонарушениях, образование, адрес проживания (благополучие района) и т.д.

Отличительными особенностями ещё одной американской программы «PATTERN», являются сфера использования и характер принимаемых для программного анализа детерминантов риска.

---

[446] См.: .Brennan T. Enhansing prison classification systems: The emerging role of management information systems, 2004. 254 p.

[447] См. например: Дело «Вильямс против Нью-Йорка» Williams v. New York, 337 U.S. 241 (1949); Gardner v. Florida, 430 U.S. 349 (1977).

Так, в соответствии с положениями «Закона о первом шаге»[448], данная программа применяется для разрешения вопросов, связанных с интенсивностью пенитенциарного воздействия на осуждённых лиц, таких как, например: смягчение режима отбывания наказания, предоставление дополнительных телефонных звонков и свиданий, а также группировка заключённых с «одинаковым риском рецидива» в одни камеры. При этом она учитывает и «динамические факторы риска», такие как: отношение к труду во время отбывания наказания, соблюдение условий пробации и т.д., изменение значений которых в ходе исполнения приговора в лучшую для себя сторону находится в сфере волевого контроля осуждённого.

Равным образом, как и в случае «автоматизированных алгоритмов подозрений», при применении вышеуказанных программ возникли вопросы объяснимости принимаемых решений, а также возможности «контртестирования таких программ» лицом, правам и законным интересам которого противопоставляются результаты их работы в производстве по уголовному делу, подходы к решению которых имеют свои особенности.

К примеру, в США широко известен прецедент, в рамках которого суд определил легальное отношение к допустимости использования таких программ, известный как «Дело Лумиса»[449].

Обстоятельства дела сложились таким образом, что при определении размера наказания подсудимому, признанному виновным в угоне автомобиля, судья использовал результаты работы упомянутой нами ранее системы «COMPAS», в соответствии с которыми был выявлен высокий риск повторного совершения им преступлений, в результате чего было назначено наказание в виде реального лишения свободы.

Обжалуя указанный приговор, сторона защиты обратила внимание на то, что: а) из – за «Проблемы чёрного ящика» невозможно определить, не имела ли место «переоценка» программой тех или иных проанализированных обстоятельств, характеризующих личность преступника, б) судом первой

[448] First Step Act of 2018, Pub. L. No. 115-391, 132 Stat. 5194 (2018).
[449] Loomis v. Wisconsin, 881 N.W.2d 749 (Wis. 2016), cert. denied, 137 S. Ct. 2290 (2017).

инстанции было отклонено ходатайство подсудимого о запросе у компании-производителя системы оценки риска рецидива – «Northpointe»/«Equivant» исходного кода программы и «обучающих данных», использовавшихся для её первоначальной настройки посредством машинного обучения, в связи с чем сторона защиты не смогла провести «контртестирование».

Рассмотрев указанные доводы стороны защиты, Верховный Суд Штата Висконсин (решение которого было оставлено без изменения Верховным Судом США) указал, что жалоба не подлежит удовлетворению, поскольку подсудимому были известны «исходные данные» в виде его ответов на вопросы, которые были предметом программной обработки, в связи с чем, разглашение конкретных алгоритмов их преобразования в вердикт не является необходимым условием для соблюдения надлежащей правовой процедуры[450].

Кроме того, по мнению апелляционной инстанции, конечным субъектом определения меры наказания является судья, в то время как данные автоматизированных алгоритмов оценки риска рецидива могут оказать ему в этом лишь «консультационную поддержку».

В то же время, для исключения рисков вынесения неправосудного приговора, в рассмотренном прецеденте сфера применения подобных программ была ограничена принятием решения о принудительном пенетенциарном воздействии: а) не связанном с лишением свободы, б) не сопряжённом с определением срока действия наказания и места его отбывания.

Впрочем, следует отметить, что у применения рассматриваемых программ существует и другая проблема, которая не была предметом рассмотрения судов по «Делу Лумиса». Так, группа журналистов «ProPublica» провела сличительное исследование дальнейших взаимоотношений с законом лиц, в отношении которых системами оценки риска рецидива была определена высокая вероятность продолжения криминального поведения, выявив, что подавляющее большинство таких лиц, которые на практике в дальнейшем показали себя законопослушными гражданами, были представителями

[450] Подробнее см.: Смирнов В.Е. Использование автоматизированных систем оценки риска рецидива в уголовном процессе США // Мировой судья. 2024. № 12. С. 16-20.

негроидной (афроамериканской) расы. На основе данного наблюдения было заключено, что система имеет предубеждение в отношении них, предположительно в силу того, что среди «обучающих данных» программы использовались личные дела осуждённых, подавляющим большинством из которых оказались афроамериканцы, в связи с чем система посчитала в данном контексте расу как «криминогенный фактор риска»[451].

При применении системы «HART» в Великобритании один из детерминантов повышения риска рецидива, также стал предметом общественной дискуссии, схожей с той, что имела место в США после опубликования исследования «ProPublica». Так, было установлено, что использование в качестве такового информации о районе проживания ведёт к «депривации сообщества» людей, проживающих в нем, а также, фактически, искусственно формирует «образ гетто» для соответствующего района.

Американская доктрина видит возможность решения проблемы «дискриминационных решений» в предоставлении стороне защиты помимо «исходных данных» (что признано необходимым в «Деле Лумиса») также «обучающего набора данных», что позволит провести действенное контртестирование, посредством привлечения специалистов в сфере статистики и программирования, оспаривая не конкретный результат работы программы, а допустимость самой программы для целей определения риска преступного рецидива в уголовном процессе[452]. Сходные подходы к решению проблемы потенциальной предвзятости ИИ содержат и рекомендации по использованию полицией систем искусственного интеллекта, разработанные старшим научным

[451] См. например: Kleinberg J. Inherent Trade-Offs in the Fair Determination of Risk Scores proceedings of innovations in theoretical computer science, 2017. 23 p.; Angwin J. Machine Bias: There's Software Used across the Country to Predict Future Criminals. And It's Biased against Blacks, ProPublica, 2016. p.p. 551 – 575.

[452] См. например: A. Washington. How to Argue with an Algorithm: Lessons from the COMPAS ProPublica Debate, 2019. P. 27.; J. Angwin. Указ. соч. P. 5; L. Scism & M. Maremont, Insurers Test Data Profiles to Identify Risky Clients, Wall St. J., 2010.

сотрудником Винчестерского университета М. Освальд совместно с представителем полиции Ш. Уирвин[453].

Полагаем, что представление исходного и обучающего наборов данных в дополнение к «демонстрационной версии» программы является действенной гарантией возможности гражданина доказывать необоснованность мер принуждения, применённых к нему в результате работы систем с элементами ИИ. Однако, учитывая, что на сегодняшний день в Российской Федерации пока не сложились правовые и материально-технические условия для проведения такого «контртестирования», полагаем возможным определить данные требования в качестве «перспективного стандарта» допустимости рассматриваемых программ для обоснования уголовно-процессуального принуждения, подлежащего применению в случае более широкого вовлечения ИИ в уголовное судопроизводство.

Выводы по параграфу.

Применимость систем с элементами ИИ в уголовном судопроизводстве обусловлена их возможностями совершения большого количества логико-вычислительных операций за единицу времени, а также способностью принимать причинно-обусловленные наилучшие из доступных решений поставленных задач, в связи с чем в контексте уголовно-процессуального принуждения они используются в мировой правоприменительной практике для: а) автоматизированного принятия решений о наличии оснований для применения мер уголовно-процессуального принуждения; б) оценки рисков преступного рецидива, определяющей характер и интенсивность необходимого пенитенциарного воздействия на лицо, совершившее уголовный деликт.

Международный опыт применения таких программ свидетельствует о том, что основными его проблемами являются: а) процессуальный статус информации, полученной от ИИ; б) невозможность объяснить, каким образом машина приняла то или иное решение; в) возможность наличия скрытых

[453] Oswald M., Grace J., Urwin S., Barnes G., Algorithmic Risk Assessment Policing Models: Lessons from the Durham HART Model and ‘Experimental’ Proportionality (August 31, 2017). 27 p.

дефектов системы, влекущих принятие ей необоснованных дискриминационных решений.

Для совершенствования гарантий прав личности от необоснованного применения к ней мер уголовно-процессуального принуждения, на основе анализа отечественной и зарубежной доктринальной и правоприменительной практики автор сформулировал актуальный и перспективный стандарты допустимости результатов работы программ с элементами ИИ в уголовном судопроизводстве.

В качестве стандарта, актуального существующей практике использования искусственного интеллекта для указанных целей, определено, что использование автоматизированных систем с элементами искусственного интеллекта для обоснования уголовно-процессуального принуждения возможно исключительно при: а) наличии иных данных, свидетельствующих об обоснованности подозрения в отношении гражданина; б) принятии окончательного решения человеком на основе всех известных ему обстоятельств дела.

В качестве перспективного стандарта, подлежащего применению при более широком внедрении искусственного интеллекта в сферу уголовно-процессуального принуждения, установлено, что стороне защиты должна обеспечиваться реальная возможность представить свои возражения относительности достоверности результатов работы соответствующих программ, для чего, как минимум, необходимо обеспечивать возможность её доступа к первичной информации, подвергшейся программной обработке, «обучающему набору данных», на основе которого происходила калибровка системы в процессе машинного обучения, а также демонстрационной версии программы, позволяющей уяснить общие принципы её работы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Личность, её права, свободы и законные интересы безусловно занимают центральное место в процессе производства по уголовному делу. В отличие от должностных лиц, участие в уголовно-процессуальных отношениях которых продиктовано ведомственными инструкциями и отстаиваемым ими публичным интересом, «рядовой гражданин», вовлекаемый в орбиту уголовного судопроизводства, приобретает в нём «личные» законные интересы, дифференцирующиеся в зависимости от процессуального статуса, требующие наличия определённых правовых средств их обеспечения, совокупность которых представляет собой «гарантии прав личности».

Произведённый автором анализ научных подходов к определению объёма данной правовой категории свидетельствует, что составными элементами уголовно-процессуальных гарантий являются нормы права, уголовно процессуальная форма, сама деятельность должностных лиц, обеспечивающая субъекту гарантий возможность реализации прав и исполнения обязанностей, а также принципы уголовного судопроизводства.

При этом правовые принципы могут как сосуществовать в рамках одной гарантии, так и являться частью сразу несколько гарантий одновременно. В связи с этим именно посредством преломления законных интересов, не получивших обеспечение нормами права, через содержание уголовно-процессуальных принципов, происходит их легитимация, влекущая появление новых уголовно-процессуальных гарантий.

Процессы цифровизации общественных отношений, находящие своё отражение в уголовном судопроизводстве, могут принимать самые разные формы, от высокотехнологичных методов расследования преступлений до трансформации субъекта принятия процессуально-значимых решений по уголовному делу. В этой связи закономерно, что законные интересы вовлечённой в производство по уголовному делу личности, обусловленные внедрением в уголовно-процессуальную сферу новых цифровых технологий,

появляются быстрее, чем законодатель успевает формализовывать средства их обеспечения. В таких условиях, задачей законодательства и правовой доктрины является предупреждение угрозы законным интересам личности, появляющимся в результате технологической трансформации общественных отношений, в связи с чем особую значимость приобретает поддержание должного уровня научных разработок, способствующего своевременному выявлению сформировавшихся законных интересов и внесению научно обоснованных предложений в части обеспечения их гарантий.

Произведённый автором научный анализ свидетельствует, что в центре внимания как законодателя, так и представителей научного сообщества на протяжении последних нескольких лет находятся разработка и внедрение в правоприменительную практику правовых средств, позволяющих легитимизировать производный от принципа права на доступ к правосудию законный интерес граждан принимать участие в производстве по уголовному делу в дистанционной форме, чем, в значительной степени, обуславливается существующий вектор законотворчества. В то же время, в ходе исследования выявлен ряд законных интересов, локализованных в процессе доказывания по уголовному делу и в области применения уголовно-процессуального принуждения, которые не получили должного доктринального осмысления и правового регулирования.

В частности, представляется, что сложившаяся система правового регулирования, позволяющая извлекать без получения судебного решения компьютерную информацию из изъятых у граждан цифровых устройств, таких как персональные компьютеры и мобильные телефоны, противоречит их законному интересу сохранения «приватного статуса» устройств, способных содержать сведения, представляющие собой личную, семейную, налоговую, банковскую и иные охраняемые законом тайны. Рассмотрев указанные правоотношения в контексте конституционно охраняемого принципа неприкосновенности частной жизни, а также тайны переписки и переговоров гражданина, автор обосновал необходимость распространения на них уголовно-

процессуальной гарантии в виде предварительного судебного санкционирования государственного «вторжения» в содержательную часть электронной информации, содержащейся на устройствах, способных, в силу наличия средств цифровой коммуникации, являться хранилищем вышеуказанных «приватных» сведений.

Автором также выявлен дисбаланс доказательственных возможностей сторон в доведении до суда своей позиции по делу при помощи цифровых средств визуализации. На основе анализа судебной практики использования таких технологий в судебных заседаниях, доктринальных позиций по данному вопросу, а также результатов опроса правоприменителей, автором отмечено, что защите суды отказывают в демонстрации визуальных моделей и их приобщении к материалам уголовного дела, в то время как сторона обвинения, использующая государственную материально-техническую базу, успешно применяет её для демонстрации содержания доказательств и корреляционных связей между ними. В этой связи, для совершенствования состязательных начал уголовного судопроизводства, автором предложены критерии, которыми может руководствоваться суд при разрешении вопроса о допуске результатов работы средств визуализации в процесс доказывания по уголовному делу, а также обоснована целесообразность благоприятствования защите в указанной сфере.

Из рассмотренных примеров можно заключить, что в процессе доказывания у стороны обвинения имеются технологические преимущества, связанные с обладанием программными средствами, недоступными к приобретению на открытом рынке, в связи с чем предлагаемые гарантии направлены на их нивелирование.

Однако в случаях, когда стороны производства по уголовному делу имеют паритет в возможностях использования цифровых технологий, или преимущество находится на стороне лиц, в отношении которых осуществляется уголовное преследование, обеспечительная деятельность будет иметь направленность на недопущение незаконного и несоразмерного использования

обвинением государственно-властных полномочий для обеспечения технологического и процессуального доминирования.

В указанном контексте произведён анализ отечественных и иностранных подходов к понуждению граждан к разблокированию своих электронных устройств, защищённых криптографическими средствами шифрования информации. В результате установлено, что ряд стран не рассматривает использование уголовно-процессуального принуждения для получения доступа к заблокированным устройствам, как противоречащее привилегии не свидетельствовать против самого себя. На примере законодательства и судебно-правоприменительной практики таких государств обоснована порочность указанного подхода как с правовой, так и с практической точки зрения. В частности отмечено, что реально исполнить императивное требование о разблокировке цифрового устройства в случае сопротивления адресата возможно исключительно посредством несоразмерного применения физического насилия либо установлением уголовно-правовой санкции. В этой связи представляется более предпочтительным метод стимулирования к сотрудничеству с правоохранительными органами для предоставления доступа к электронному устройству, заключающийся во включении условия о выдаче пароля в досудебные соглашения о сотрудничестве, влекущие применение привилегированных правил назначение наказания. Среди прочего автором предложено использовать данный метод для получения доступа к хранилищам цифровых финансовых инструментов.

Уголовно-процессуальное принуждение имущественного характера в отношении владельцев виртуальных активов также получило научную разработку в рамках настоящего исследования. Среди прочего особо отмечено, что стимулирование к предоставлению доступа к криптокошелькам должно носить комплексный характер и помимо вышеуказанных условий включать в себя правовые средства обеспечения соразмерности уголовно-процессуального ареста возможным имущественным санкциям, а также наделение владельца виртуальных активов правовыми инструментами для осуществления их

продажи или конвертации для недопущения потери «ценностных свойств» в результате изменчивой рыночной конъюнктуры.

Наконец, научному осмыслению подвергнут отечественный и зарубежный опыт внедрения в уголовно-юрисдикционную деятельность программ с элементами ИИ для обоснования процессуального принуждения. Обозначив неопределённость правового статуса результатов работы ИИ и риски для вовлечённых в орбиту уголовного судопроизводства лиц, детерминированные особенностями функционирования ИИ, автором разработан актуальный сложившейся практике применения ИИ набор критериев допустимости программ с его элементами для обоснования уголовно-процессуального принуждения, а также «перспективный стандарт допустимости», подлежащий применению при большей проявленности указанных технологий в российской правоприменительной практике.

Таким образом, результаты настоящего исследования могут быть использованы в дальнейшем учёными-процессуалистами в качестве опоры для самостоятельных научных изысканий. В частности, выявленный способ формирования уголовно-процессуальных гарантий может быть положен в основу для дальнейшего доктринального осмысления законных интересов, возникающих в связи с развитием цифровых технологий в правозащитном контексте.

Представляется, что перспективы дальнейшего научного развития темы диссертации могут лежать в плоскости разработки конкретных правовых механизмов обеспечения рассмотренных прав и законных интересов личности, научно обоснованных предложений по коррекции складывающейся по поводу них судебно-правоприменительной практики, а также сравнительно-правового анализа законодательства и судебной практики в сфере регулирования сходных правоотношений в зарубежных правопорядках.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Нормативно-правовые акты Российской Федерации

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 года, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года // Российская газета. 2020. 4 июля. № 144 (8198).
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 года № 195-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1. Ст. 1.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
6. Федеральный закон от 8 августа 2024 года № 267-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2024. № 33 (ч. I). Ст. 4963.
7. Федеральный закон от 25 декабря 2023 года № 672-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2024. № 1 (ч. I). Ст. 53.
8. Федеральный закон от 29 декабря 2022 года № 610-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Российская газета. Федеральный выпуск № 2 (8947). 2023. 10 января.
9. Федеральный закон от 30 декабря 2021 года № 501-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Российская газета. 2022. 11 января.
10. Федеральный закон от 31 июля 2020 года № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5018.

11. Федеральный закон от 29 июля 2018 года № 228-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2018. № 31. Ст. 4817.

12. Федеральный закон от 28 марта 2017 года № 50-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части совершенствования порядка осуществления государственной защиты» // СЗ РФ. 2017 г. № 14. ст. 2009.

13. Федеральный закон от 6 июля 2016 года № 375-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» // СЗ РФ. 2016. № 28. Ст. 4559.

14. Федеральный закон от 2 мая 2006 года № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» // СЗ РФ. 2006. № 19. Ст. 2060.

15. Федеральный закон от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. № 23. Ст. 2102.

16. Федеральный закон от 7 июля 2003 года № 126-ФЗ «О связи» // СЗ РФ. 2003. № 28. Ст. 2895

17. Федеральный закон от 7 августа 2001 года № 115-ФЗ «О противодействии легализации доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма» // СЗ РФ. 2001. № 33 (ч. I). Ст. 3418.

18. Федеральный закон от 2 октября 2007 года № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» // СЗ РФ. 2007. № 41. Ст. 4849.

19. Федеральный закон от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52 (ч. I). Ст. 6228.

20. Федеральный закон от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

21. Федеральный закон от 3 декабря 2012 года № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» // СЗ РФ. 2012. № 50 (ч. IV). Ст. 6953.

22. Указ Президента РФ от 10 октября 2019 года № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».

23. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 25 декабря 2013 года № 257 «Об утверждении Регламента организации извещения участников судопроизводства посредством СМС-сообщений»// СПС «Консультант Плюс».

24. Приказ МВД России от 29 августа 2014 года № 736 «Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях» // СПС «Консультант Плюс».

25. Приказ Росстандарта от 23 декабря 2020 года № 1372-ст «Об утверждении национального стандарта Российской Федерации» ГОСТ Р 59277-2020 «Системы искусственного интеллекта. Классификация систем искусственного интеллекта» // СПС «Консультант Плюс».

26. Проект федерального закона № 902782-8 «О внесении изменений в статью 104.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной Думы Российской Федерации [Электронный ресурс] URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/902782-8#bh_histras.

Судебная практика Российской Федерации

27. Постановление Конституционного Суда РФ от 20 июля 2016 года № 17-П «По делу о проверке конституционности положений частей второй и восьмой статьи 56, части второй статьи 278 и главы 40.1 Уголовно-

процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д.В. Усенко» // СЗ РФ. 2016. № 31. Ст. 5088.

28. Постановление Конституционного Суда РФ от 25 апреля 2001 года № 6-П «По делу о проверке конституционности статьи 265 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.А. Шевякова» // СЗ РФ. 2001. № 23. Ст. 2408.

29. Определение Конституционного Суда РФ от 27 декабря 2022 года № 3485-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Пронина Сергея Юрьевича на нарушение его конституционных прав частями второй и третьей статьи 202 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».

30. Определение Конституционного Суда РФ от 25 января 2018 года № 189-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Прозоровского Дмитрия Александровича на нарушение его конституционных прав статьями 176, 177 и 195 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».

31. Определение Конституционного Суда РФ от 28 сентября 2017 года № 2211-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Урванцевой Веры Борисовны на нарушение ее конституционных прав частью четвертой статьи 21, статьями 86, 87 и 89 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, статьями 2, 6 и 12 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» // СПС «Консультант Плюс».

32. Определение Конституционного Суда РФ от 24 сентября 2012 года № 1818-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Борща Виктора Михайловича на нарушение его конституционных прав статьей 306 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».

33. Определение Конституционного Суда РФ от 8 апреля 2010 года № 433-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Тарасова Николая Алексеевича на нарушение его конституционных прав

частью первой статьи 176 и частью первой статьи 285 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».

34. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 июня 2017 года № 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ)» // Российская газета. 2017. 9 июня.

35. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 года № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // Российская газета. 2016. 4 апреля.

36. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 7 июля 2015 года № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» // Российская газета. 2015. 13 июля.

37. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 года № 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» // Российская газета. 2012. 11 июля.

38. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 года №19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» // Российская газета. 2009. 30 октября.

39. Кассационное определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 23 августа 2024 года № 88-7780/2024 // СПС «Консультант Плюс».

40. Кассационное определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 6 августа 2024 года № 88-16999/2024 // СПС «Консультант Плюс».

41. Кассационное определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 4 июня 2024 года № 77-1995/2024// СПС «Консультант Плюс».

42. Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 28 мая 2024 года по делу № 77-1548/2024 // СПС «Консультант Плюс».

43. Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 25 апреля 2024 года № 77-1106/2024 // СПС «Консультант Плюс».

44. Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 14 марта 2024 года № 77-725/2024 // СПС «Консультант Плюс».

45. Кассационное определение Четвёртого кассационного суда общей юрисдикции от 27 февраля 2024 года № 77-499/2024 // СПС «Консультант Плюс».

46. Кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 30 января 2024 года № 88-1136/2024 // СПС «Консультант Плюс».

47. Кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 19 октября 2023 года № 77-4379/2023 // СПС «Консультант Плюс».

48. Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 6 июня 2023 года по делу № 77-1296/2023 // СПС «Консультант Плюс».

49. Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 23 июня 2021 года № 77-1988/2021 // СПС «Консультант Плюс».

50. Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 24 апреля 2020 года № 7У-2636/2020 // СПС «Консультант Плюс».

51. Апелляционное постановление Верховного Суда Республики от 30 мая 2024 года по делу № 22-1506/2024 // СПС «Консультант Плюс».

52. Апелляционное постановление Московского городского суда от 8 апреля 2024 года № 10-4202/2024 // СПС «Консультант Плюс».

53. Апелляционное постановление Московского городского суда от 2 ноября 2022 года № 10-23299/2022 // СПС «Консультант Плюс».

54. Апелляционное постановление Ленинградского областного суда от 28 января 2021 года по делу № 22-16/2021 // СПС «Консультант Плюс».

55. Апелляционное определение Свердловского областного суда от 20 ноября 2024 года по делу № 2-208/2024 // СПС «Консультант Плюс».

56. Апелляционное определение Московского городского суда от 6 ноября 2024 года № 33-34691/2024 // СПС «Консультант Плюс».

57. Апелляционное определение Московского городского суда от 22 ноября 2023 года по делу № 10-23460/2023 // СПС «Консультант Плюс».

58. Апелляционное определение Московского городского суда от 17 октября 2023 года по делу № 10-20534/2023 // СПС «Консультант Плюс».

59. Апелляционное определение Московского городского суда от 28 сентября 2023 года по делу № 33-39520/2023 // СПС «Консультант Плюс».

60. Апелляционное определение Пермского краевого суда от 31 июля 2023 года № 22-4224/2023 // СПС «Консультант Плюс».

61. Апелляционное определение Кемеровского областного суда от 21 июня 2022 года № 22-2484/2022 // СПС «Консультант Плюс».

62. Апелляционное определение Тульского областного суда от 28 февраля 2022 года по делу № 22-478/2022 // СПС «Консультант Плюс».

63. Апелляционное определение Верховного суда Республики Саха (Якутия) от 18 февраля 2021 года по делу № 22-242/2021 // СПС «Консультант Плюс».

64. Апелляционное определение Верховного суда Республики Татарстан от 22 декабря 2020 года по делу № 22-8159/2020 // СПС «Консультант Плюс».

65. Апелляционное определение Челябинского областного суда от 28 мая 2019 года по делу № 10-2678/2019 // СПС «Консультант Плюс».

66. Апелляционное определение Омского областного суда от 24 мая 2012 года № 22-2225/12 // СПС «Консультант Плюс».

67. Приговор Октябрьского районного суда города Кирова от 6 июня 2025 года по делу № 1-223/2025 // СПС «Консультант Плюс».

68. Приговор Буденновского городского суда Ставропольского края от 15 апреля 2025 года по делу № 1-55/2025 // СПС «Консультант Плюс».

69. Приговор Дорогомиловского районного суда города Москвы от 16 декабря 2024 года по делу № 1-449/2024 // СПС «Консультант Плюс».

70. Приговор Калининского районного суда города Санкт-Петербурга от 5 декабря 2024 года по делу № 1-1141/2024.

71. Приговор Тушинского районного суда города Москвы от 2 декабря 2024 года по делу № 1-875/2024 // СПС «Консультант Плюс».

72. Приговор Зеленоградского районного суда города Москвы от 26 августа 2024 года по делу № 1-264/2024 // СПС «Консультант Плюс».

73. Приговор Октябрьского районного суд города Кирова от 19 июля 2024 года по делу № 1-263/2024 // СПС «Консультант Плюс».

74. Приговор Химкинского городского суда Московской области от 4 июля 2024 года по делу № 1-533/2024 // СПС «Консультант Плюс».

75. Приговор Сургутского городского суда Ханты-Мансийского автономного округа - Югры от 1 апреля 2024 года № 1-7/2024 // СПС «Консультант Плюс».

76. Приговор Зубцовского районного суда Тверской области от 25 января 2024 года по делу № 1-13/2024 // СПС «Консультант Плюс».

77. Приговор Суздальского районного суда Владимирской области от 25 декабря 2023 года по делу № 1-78/2023 // СПС «Консультант Плюс».

78. Приговор Долинского городского суда Сахалинской области от 22 декабря 2023 года по делу № 1-110/2023 // СПС «Консультант Плюс».

79. Приговор Советского районного суда города Брянска от 18 декабря 2023 года по делу № 1-149/2023 // СПС «Консультант Плюс».

80. Приговор Черемушкинского районного суда города Москвы от 7 декабря 2023 года по делу № 1-236/2023 // СПС «Консультант Плюс».

81. Приговор Поронайского городского суда Сахалинской области от 5 октября 2023 года по делу № 1-146/2023 // СПС «Консультант Плюс».

82. Приговор Борисоглебского городского суда Воронежской области от 29 августа 2023 года по делу № 1-240/2023.

83. Приговор Реутовского городского суда Московской области от 20 июля 2023 года № 1-103/2023 // СПС «Консультант Плюс».

84. Приговор Прикубанского районного суда города Краснодара от 24 мая 2023 года по делу № 1-213/2023.

85. Приговор Златоустовского городского суда Челябинской области от 22 мая 2023 года по делу № 1-324/2023 // СПС «Консультант Плюс».

86. Приговор Вяземского районного суда Смоленской области от 17 мая 2023 года по делу № 1-24/2023 // СПС «Консультант Плюс».

87. Приговор Смоленского областного суда от 6 апреля 2023 года № 2-9/2023 по делу № 2-23/2022 // СПС «Консультант Плюс».

88. Приговор Дзержинского районного суда города Ярославля от 31 марта 2023 года по делу № 1-90/2023 // СПС «Консультант Плюс».

89. Приговор Питкярантского городского суда Республики Карелия от 28 марта 2023 года по делу № 1-2/2023 // СПС «Консультант Плюс».

90. Приговор Кыштымского городского суда Челябинской области от 16 марта 2023 года по делу № 1-6/2023 // СПС «Консультант Плюс».

91. Приговор Йошкар-Олинского городского суда Республики Марий Эл от 28 февраля 2023 года по делу № 1-78/2023 // СПС «Консультант Плюс».

92. Приговор Центрального районного суда города Волгограда от 21 февраля 2023 года № 1-10/2023(1-158/2022;) // СПС «Консультант Плюс».

93. Приговор Руднянского районного суда Смоленской области от 14 декабря 2022 года по делу № 1-125/2022 // СПС «Консультант Плюс».

94. Приговор Мотовилихинского районного суда города Перми от 22 ноября 2022 года по делу № 1-453/2022 // СПС «Консультант Плюс».

95. Приговор Курганского городского суда Курганской области от 2 ноября 2022 года по делу № 1-1505/2022 // СПС «Консультант Плюс».

96. Приговор Центрального районного суда города Новосибирска в от 13 сентября 2022 года по делу № 1-153/2022 // СПС «Консультант Плюс».

97. Приговор Бабушкинского районного суда города Москвы от 12 сентября 2022 года № 01-0218/2022 // СПС «Консультант Плюс».

98. Приговор Ленинского районного суда города Ставрополя от 12 июля 2022 года № 1-225/2022 // СПС «Консультант Плюс».

99. Приговор Кировского районного суда города Казани от 20 мая 2022 года по делу № 1-7/2022 // СПС «Консультант Плюс».

100. Приговор Братского районного суда Иркутской области от 21 февраля 2022 года по делу № 1-7/2022 // СПС «Консультант Плюс».

101. Приговор Тындинского районного суда Амурской области от 8 февраля 2021 года по делу № 1-45/2021 // СПС «Консультант Плюс».

102. Приговор Нижневартовского городского суда Ханты-Мансийского автономного округа - Югры от 4 февраля 2021 года по делу № 1-96/2021 // СПС «Консультант Плюс».

103. Приговор Ленинского районного суда города Нижнего Новгорода от 23 ноября 2020 года по делу № 1- 408/2020 // СПС «Консультант Плюс».

104. Приговор Сургутского городского суда Ханты-Мансийского автономного округа - Югры от 6 февраля 2020 года № 1-250/2020 // СПС «Консультант Плюс».

105. Приговор Комсомольского районного суда города Тольятти от 23 мая 2019 года № 1-106/2019 // СПС «Консультант Плюс».

106. Приговор Железнодорожного районного суда города Симферополя от 25 марта 2019 года № 1-7/2019(1-277/2018;) // СПС «Консультант Плюс».

107. Приговор Железнодорожного районного суда города Симферополя от 25 марта 2019 года по делу № 1-7/2019 // СПС «Консультант Плюс».

108. Приговор Октябрьского районного суда города Белгорода от 21 февраля 2019 года по делу № 1-14/2019(1-474/2018;) // СПС «Консультант Плюс».

109. Приговор Волгоградского городского суда от 17 ноября 2016 года № 1-914/2016 // СПС «Консультант Плюс».

110. Постановление Хорошевского районного суда города Москвы от 2 ноября 2023 года № 3/6-711/2023.

Нормативно-правовые акты зарубежных государств

111. Конституция США US Constitution // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://law.justia.com/constitution/us/.

112. Кодекс США (United States Code, U.S.C.) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.govinfo.gov/app/collection/uscode.

113. Федеральные правила доказывания (Federal Rules of Evidence (1975)) Cornell Law School Legal Information Institute // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.law.cornell.edu/rules/fre.

114. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V // [Электронный ресурс]. - Режим доступа: URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852.

115. Уголовно-процессуальный кодекс Королевства Бельгия // [Электронный ресурс]. - Режим доступа: URL: https://legislationline.org/Belgium.

116. Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германия (Strafprozessordnung (StPO)) // [Электронный ресурс]. - Режим доступа: URL: https://www.gesetze-im-internet.de/stpo/.

117. Уголовный кодекс Франции 1992 года (Code pénal) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/23309.

118. Уголовно-процессуальный кодекс Франции (Code de procédure pénale) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/23231.

119. Уголовно-процессуальный кодекс Хорватии 2009 года (Zakon o kaznenom postupku) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://legislationline.org/sites/default/files/documents/05/Croatia_Criminal_proc_code_am2009_en.pdf.

120. Закон Ирландии 2001 года «О преступлениях, связанных с кражами и мошенничеством в сфере уголовного правосудия» (Criminal Justice (Theft and Fraud Offences) Act) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.irishstatutebook.ie/eli/2001/act/50/enacted/en/html.

121. Уголовно-процессуальный закон Испании (Ley de Enjuiciamiento Criminal) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-1882-6036.

122. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Северная Македония [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/11095.

123. Уголовно-процессуальный закон Республики Словения 2001 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://legislationline.org/taxonomy/term/12206.

124. Пересмотренный Устав штата Кентукки 2024 года Kentucky Revised Statutes // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://law.justia.com/codes/kentucky/.

125. Пересмотренный Кодекс штата Огайо 2024 года (Ohio Revised Code) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://codes.ohio.gov/ohio-revised-code/section-5120.114.

126. Законы штата Оклахома 2024 года (Oklahoma Statutes) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://law.justia.com/codes/oklahoma/.

127. Сводные законы штата Пенсильвания 2024 года (Pennsylvania Consolidated Statutes) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://law.justia.com/codes/pennsylvania/.

128. Руководство по вынесению приговоров в США 2016 года (U.S. Sentencing guidelines manual) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.ussc.gov/sites/default/files/pdf/guidelines-manual/2016/GLMFull.pdf.

129. «Правила ведения Единого реестра досудебных расследований (Приказ Генерального Прокурора Республики Казахстан от 19 сентября 2014 года № 89) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/V14W0009744.

Международные нормативно-правовые акты

130. Конвенция ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (принята резолюцией 39/46 Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1984 года) // СПС «Консультант Плюс».

131. Международный пакт о гражданских и политических правах (принят 16 декабря 1966 года Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // СПС «Консультант Плюс».

132. Закон об искусственном интеллекте стран - участниц Европейского союза от 14 июня 2023 года (EU Artificial Intelligence Act) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: artificialintelligenceact.

133. Общеевропейский регламент по защите персональных данных 2016 года (General Data Protection Regulation (GDPR)) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://gdpr-info.eu/.

134. Европейская Конвенция по киберпреступности 2001 года (Convention on Cybercrime) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://rm.coe.int/1680081580.

135. Руководящие принципы по электронному ведению дел в судах и цифровизации судов, принятые 8 декабря 2021 года на 37 Пленарном заседании Европейской Комиссии по эффективности правосудия (CEPEJ) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://rm.coe.int/e-filing-en/1680b2ca1c/.

Судебная практика зарубежных государств

136. Бауст против общественности (Commonwealth v. Baust, 89 Va. Cir. 267 (Va. Cir. Ct. 2014) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.quimbee.com/cases/commonwealth-v-baust.

137. Бенуа против США (United States v. Benoit, 713 F.3d 1, 6–7 (10th Cir. 2013)) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/ca1/19-1476/19-1476-2020-09-17.html.

138. Бёрджесс против США (United States v. Burgess, 576 F.3d at 1094 (2009)) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.courtlistener.com/opinion/172511/united-states-v-burgess/.

139. Бернштейн против Государственного департамента США (Bernstein v. US Dept. of State, 945 F. Supp. 1279 (N.D. Cal. 1996)) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/FSupp/945/1279/1457799/.

140. Бойд против США (Boyd v. United States 116 U.S. 616 (1886)) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/116/616/.

141. Вильямс против Нью-Йорка (Williams v. New York, 337 U.S. 241 (1949); Gardner v. Florida, 430 U.S. 349 (1977)) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/337/241/.

142. Грауэр против США (United States v. Grauer, 701 F.3d 318, 324 (8th Cir. 2012)) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.govinfo.gov/app/details/USCOURTS-ca8-11-03852.

143. Гринфилд против США (United States v. Greenfield 831 F.3d 106 (2d Cir. 2016)) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://pbwt2.gjassets.com/content/uploads/2016/11/United-States-v-Greenfield-831.pdf .

144. Даймонд против Штата Миннесота (State v. Diamond, 905 N.W.2d 870, 874–76 (Minn. 2018)) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL:

https://www.massbar.org/docs/default-source/publications-document-library/massachusetts-law-review/2019/mlrvol101no4.pdf.

145. Дацков против Континентального авиамоторного предприятия Теледайн (Datskow v. Teledyne Continental Motors Aircraft Prods., 826 F. Supp. 677, 685 (W.D.N.Y. 1993)) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/FSupp/826/677/1523646/.

146. Дело «Хинкла против города Клаксбурга (Hinkle v. City of Clarksburg, 81 F.3d , 425 (4th Cir. 1996)) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://case-law.vlex.com/vid/hinkle-v-city-of-894850259.

147. Деппиш против США (United States v. Deppish, 994 F. Supp. 2d 1211, 1221 (2014)). // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.casemine.com/judgement/us/5914f45fadd7b04934985ce0.

148. Дуберт против Фармацевтической компании Мерелл Доу (Daubert v. Merrell Dow Pharmaceuticals, Inc., 509 U.S. 579, 589 (1993)) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/509/579/.

149. Иллинойс против Гейтса (Illinois v. Gates, 462 U.S. 213, 244 (1983)) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/462/213/.

150. Кац против США (Katz v. United States, 389 U.S. 347 (1967)) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/389/347/.

151. Кейн против моста и тоннеля Трайборо (Kane v. Triborough Bridge & Tunnel Authority, 778 N.Y.S.2d 52, 54 (NY. Sup. Ct. App. Div. 2004)) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://archive.org/stream/corpusjurissecun006795mbp/corpusjurissecun006795mbp_djvu.txtf.

152. Кларк против Кантрэлла (Clark v. Cantrell, 529 S.E.2d 528, 535 (S.C. 2000)) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://case-law.vlex.com/vid/clark-v-cantrell-no-889277936.

153. Корли против компании Universal City Studies Inc. (Universal City Studies Inc. v. Corley, 273 F.3d 429, 445 (2001)) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/F3/273/429/506315/.

154. Лайнс против США (United States v. Lyons, 687 F.3d 754, 766 (6th Cir. 2012)) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.apa.org/about/offices/ogc/amicus/lyons.

155. Лумис против Штата Висконсин (Loomis v. Wisconsin, 881 N.W.2d 749 (Wis. 2016), cert. denied, 137 S. Ct. 2290 (2017)) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://law.justia.com/cases/wisconsin/supreme-court/2016/2015ap000157-cr.html.

156. Маротта, Булл и Кинг против Короны. Окружной суд Перта (Австралия) (R v Marotta, Bull and King 17th June 1997) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.districtcourt.wa.gov.au//.

157. Народ против Колея (People v. Cauley, 32 P.3d 602, 606-607 (Colo. Ct. App. 2001)) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://law.justia.com/cases/colorado/court-of-appeals/2001/99ca1930-0.html.

158. Нью-Йоркская телефонная компании против США (United States v. New York Telephone Co., 434 U.S. 159 (1977)) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/434/159/.

159. О получении ордера на обыск в Оклэнде (In the Matter of the Search of a Residence in Oakland, California, 354 F. Supp. 3d 1016 N.D. Cal. 2019) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.casemine.com/judgement/us/5c3eec50342cca4276c84746.

160. Орнелас против Соединённых Штатов (Ornelas v. United States, 517 U.S. 690, 696 (1996)) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/517/690/.

161. Пондс против США (United States v. Ponds, 454 F.3d 313, 324–26 (D.C. Cir. 2006)) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.courtlistener.com/opinion/186725/united-states-v-ponds-navron/.

162. Понс против компании M/V Altair (Ponce v. M/V Altair, 493 F. Supp.2d 880, 885 (S.D. Tex. 2007)) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://cdn.ymaws.com/thefederation.siteym.com/resource/resmgr/docs/Quarterly/Archive/V61N2_CoverToCover.pdf.

163. Райли против Национальной федерации слепых (Riley v. National Federation of the Blind, 487 U.S. 781, 796-97 (1988)) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/487/781/.

164. Райли против Штата Калифорния (Riley v. California, 134 S. Ct. 2473, 2484 (2014)) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/573/373/.

165. Решение Второй палаты Кассационного суда Бельгии от 4 февраля 2020 года по делу № P.19.1086.№/1 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://juricaf.org/arret/BELGIQUE-COURDECASSATION-20200204-P191086N.

166. Решение Третьего окружного апелляционного суда США от 6 февраля 2020 года по делу № 17-3205 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://caselaw.findlaw.com/court/us-3rd-circuit/2045505.html.

167. Робинсон против компании Мо. Pac. R.R. Со. (Robinson v. Мо. Pac. R.R. Со., 16 F.3d 1083, 1089 (10th Cir. 1994)) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://scopelitis.com/wp-content/uploads/2023/03/TLA_TTL-July-2021-D1-Roberts-Stanaszak.pdf.

168. Спор компании «Apple» и ФБР о расшифровке («Apple FBI encryption dispute» In re Apple, Inc., 149 F. Supp. 3d at 344, 351) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://rm.coe.int/1680081580.

169. США против Кортеза (United States v. Cortez, 449 U.S. 411, 418 (1981)) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/449/411/.

170. Уайт против Штата Алабама Alabama v. White, 496 U.S. 325, 330 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/496/325/.

171. Фишер против США (Fisher v. United States 425 U.S. 391 (1976)) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/425/391/

172. Харрис против Штата Флорида (Harris v. State, 71 So. 3d 756, 775 (Fla. 2011)). // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://law.justia.com/cases/florida/supreme-court/2013/sc08-1871.html.

173. Штат Иллинойс против Кабаллеса (Illinois v. Caballes 543 U.S. 405, 406 (2005)) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/543/405/.

174. Энтик против Кэррингтона (Entick v. Carrington (1765) 19 Howell's State Trials 1029, 1038–39) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.lawteacher.net/cases/entick-v-carrington-1765.php.

Монографии

175. Агибалов В.Ю. Виртуальные следы в криминалистике и уголовном процессе. М., 2012. 152 с.

176. Актуальные проблемы обеспечения прав участников уголовного судопроизводства: монография / М.А. Аширбекова, В.М. Быков, И.С. Дикарев [и др.]: под ред. Н.С. Мановой. М., 2016. 192 с.

177. Александров А.С., Андреева О.И., Зайцев О.А. О перспективах развития российского уголовного судопроизводства в условиях цифровизации // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 448. С. 199 - 207.

178. Александров С.А. Содержание, система и развитие уголовно – процессуальных гарантий // Вопросы криминологии, уголовного права и уголовного процесса. Горький, 1974. 104 с.

179. Алонцева Е.Ю. Полномочия следователя по производству следственных действий, выполняемых с разрешения суда. М., 2008. 160 с.

180. Архипов С.И. Субъект права: теоретическое исследование. СПб., 2004. 466 с.

181. Бабаев В.К. и Баранов В.М. Общая теория права: краткая энциклопедия. Н.Новгород, 1997. 203 с.

182. Багаутдинов Ф.Н. Обеспечение публичных и личных интересов при расследовании преступлений. М., 2004. 544 с.

183. Балашин В.С., Вехов В.Б., Григорьев В.Н. и др. Развитие информационных технологий в уголовном судопроизводстве: под ред. Зуева С.В. М., 2018. 244 с.

184. Барихин А.Б. Большой юридический энциклопедический словарь. М., 2003. 960 с.

185. Бахтеев Д.В., Буглаева Е.А., Зазулин А.И. Использование искусственного интеллекта при выявлении, раскрытии, расследовании преступлений и рассмотрении уголовных дел в суде / под редакцией С.В. Зуева. М., 2022. 216 с.

186. Бережнов А.Г., Воротин Е.А., Кененов А.А. и др. Теория государства и права / под ред. М.Н. Марченко. М., 2004. 800 с.

187. Бородинова Т.Г., Бабенко И.А., Губко И.В. Актуальные проблемы обеспечения доступа к правосудию в уголовном судопроизводстве // Научно-практическое пособие / Бородинова Т.Г., Бабенко И.А., Губко И.В. Краснодар, 2018. 122 с.

188. Васильева Е.Г. Меры уголовно – процессуального принуждения: монография. Уфа, 2003. 136 с.

189. Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. М., 2008. 448 с.

190. Воеводин Л.Д. Юридический статус личности в России: учеб. пособие. М., 1997. 296 с.

191. Володина Л.М. Права человека: учеб.-метод. комплекс // М.С. Матейкович, Е.В. Пономаренко, Н.В. Сухова. Тюмень, 2002. 176 с.

192. Высокотехнологичный уголовный процесс: монография / под ред. Докт. юрид. наук С.В. Зуева, докт. юрид. наук Л.Н. Масленниковой. М., 2023. 216 с.

193. Гаврилин Ю.В., Бендеров И.С. Установление владельцев криптовалютных кошельков при расследовании преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств: учебное пособие. М., 2022. 76 с.

194. Гладышева О.В. Теоретические основы обеспечения законных интересов личности в уголовном судопроизводстве. М., 2012. 188 с.

195. Горский Г.Ф., Кокорев Л.Д., Элькинд П.С. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе. Воронеж, 1978. 303 с.

196. Григорьева И.В. Теория государства и права: учебное пособие. Тамбов, 2009. 304 с.

197. Гришин Д.А. Правовой статус личности в условиях цифровизации уголовного судопроизводства. М., 2025. 128 с.

198. Демидов И.Ф. Принципы уголовного процесса: Курс уголовного процесса. Общая часть. М., 2004.

199. Деришев Ю.В., Овчинников Ю.Г. Теоретические основы уголовно – процессуальных гарантий. Омск, 2012. 182 с.

200. Дерюгин Р.А. Использование сведений о соединениях между абонентами или абонентскими устройствами при раскрытии и расследовании преступлений, монография. Екатеринбург, 2019.142 с.

201. Еникеев З.Д. Механизм уголовного преследования: учеб. пособие. Уфа, 2002. 116 с.

202. Ермакова Е.П. Фролова Е.Е. Искусственный интеллект в гражданском судопроизводстве и арбитраже: опыт США и КНР. М., 2021. 222 с.

203. Зборовский Г.Е. Общая социология. М., 2004. 592 с.

204. Зиновьев А.В. Конституционное право России: учеб. пособие. М., 2002. 693 с.

205. Информационные технологии в уголовном процессе зарубежных стран: монография / под. ред. докт. юрид. наук С.В. Зуева. М., 2020.216 с.

206. Капинус Н.И. Процессуальные гарантии прав личности при применении мер пресечения в уголовном процессе: монография. М., 2007. 416 с.

207. Кожевников С.Н. Личность, государство и право // Теория государства и права: учебник / под. Ред. В.К. Бабаева. М., 2007. 715 с.

208. Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России. М., 1995. 565 с.

209. Колбая Г., Симкин Л. Курс советского уголовного процесса. Общая часть/ Под ред. А.Д. Бойкова, И.И. Карпеца. М., 1989.639 с.

210. Коомбаев А.А. Положение личности в уголовном судопроизводстве. М: Юрлитинформ. 2015. 392 с.

211. Криминалистика для государственных обвинителей: под ред. А.Ф. Козусева, В. Н. Исаенко, А. М. Кустова. М., 2012. 480 с.

212. Кузнецов Д.В. Уголовно - процессуальные и организационно - тактические вопросы выявления и расследования преступлений, связанных с использованием криптовалют и других виртуальных активов Казань, 2022. 76 с.

213. Куцова Э.Ф. Гарантии прав личности в советском уголовном процессе. М., 1972. 114 с.

214. Леонтьева А.Н. «Деятельность и личность». Психология личности. Т.2. Хрестоматия. Самара, 1999. 544 с.

215. Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. Русский толковый словарь. М., 1997. С. 672.

216. Лукашева Е.А. Права человека. М., 2002. 512 с.

217. Лукашева Е.А. Социально – психологические аспекты реализации прав личности // Реализация прав граждан в условиях развитого социализма. М., 1983. 264 с.

218. Лупинская П.А. Уголовно – процессуальное право: учебник. М., 2005. 815 с.

219. Лупинская П.А. Избранные труды / П.А. Лупинская; сост. Т.Ю. Вилкова, М.И. Воронин; отв. ред. Л.А. Воскобитова. М., 2018. 608 с.

220. Ляшенко В.П. Человек как личность. Философия: учебник / под ред. О.А. Митрошенкова. М., 2002. 275 с.

221. Мартынчик Е.Г., Радьков В.П., Юрченко В.Е. Охрана прав и законных интересов в уголовном судопроизводстве. Кишинев, 1982. 188 с.

222. Марченко М.Н. Государство и личность // Теория государства и права: учебник / под. Ред. М.Н. Марченко. М., 2009. 640 с.

223. Матузов Н.И. Теория государства и права: учебник / Н.И. Матузов, А.В.Малько. М., 2020. 528 с.

224. Матузов Н.И. Личность. Право. Демократия. Теоретические проблемы субъективного права. 1972. 292 с.

225. Матузов Н.И. Правовая система и личность. Саратов, 1987. 294 с.

226. Матузов Н.И., Ушакова Н.В. Возможность и действительность в российской правовой системе. Саратов, 2010. 392 с.

227. Мельников В.Ю. Механизм обеспечения, реализации и защиты прав человека в уголовном судопроизводстве. М., 2013. 384 с.

228. Мельников В.Ю. Обеспечение прав граждан в ходе досудебного производства. М., 2006. 586 с.

229. Мичурина О.В., Тютерева Ю.С. Дистанционный порядок производства по уголовному делу. М., 2025. 176 с.

230. Мотовиловкер Я.О. Основной вопрос уголовного дела и его компоненты. Воронеж, 1984. 152 с.

231. Научные концепции развития российского законодательства: монография / Хабриева Т.Я., Тихомиров Ю.А., Авхадеев В.Р. и др.; под ред. Т.Я. Хабриевой, Ю.А. Тихомирова; ИЗиСП. - 8-е изд., перераб. и доп. М., 2024. 656 с.

232. Научные концепции развития российского законодательства: монография / Хабриева Т.Я., Тихомиров Ю.А., Авхадеев В.Р. и др.; под ред.

Т.Я. Хабриевой, Ю.А. Тихомирова; ИЗиСП. - 8-е изд., перераб. и доп. М., 2024. С. 477 - 480

233. Новоселов В.И. Правовое положение граждан в советском государственном управлении. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та. 1976. 217 с.

234. Общественные и личные интересы в уголовном судопроизводстве / науч. Ред. Л.Д. Кокорев. Воронеж, 1984. 159 с.

235. Овчинский В.С. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности». С приложением решений Конституционного Суда Российской Федерации и обзоров практики Европейского Суда по правам человека / [отв. ред. В.С. Овчинский] вступ. ст. В.Д. Зорькина. - 3-е изд., доп. и перераб. М., 2018. 576 с.

236. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1989. 2314 с.

237. Орлов Ю.К. Основы теории доказательств в уголовном процессе: науч.-практ. пособие. М., 2000. 144 с.

238. Палютин В.А. Государство и личность в СССР. М., 1974. 246 с.

239. Парфенова М.В. Охрана конституционных прав подозреваемого и обвиняемого в досудебных стадиях уголовного процесса России. М., 2004. 184 с.

240. Права личности в социалистическом обществе / отв. ред. В.Н. Кудрявцев, М.С. Строгович. М., 1981. 272 с.

241. Права человека: учебник / отв. ред. Е.А. Лукашева. Москва. М., 2011. 512 с.

242. Правовые и организационно-технологические гарантии уголовного судопроизводства: монография /под ред . докт. юрид. наук Зуева С.В. М., 2025. 312 с.

243. Протасов В.Н. Теория права и государства. Проблемы теории права и государства. М., 2001. 240 с.

244. Ремнев В.И. Право жалобы в СССР. М., 1964. 64 с.

245. Семенцов В.А. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в досудебном производстве: учеб. Пособие. М., 2021. 160 с.

246. Смирнов А.В., Калиновкий К.Б. Комментарий к Уголовно-процессульному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под общ. ред. А.В. Смирнова [Электронный ресурс]: URL: https://consultant.ru. Доступ из СПС «Консультант Плюс» (22.04.2024).

247. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс. Краткий курс. СПб., 2008. 704 с.

248. Смолькова И.В. Актуальные проблемы охраняемых законом тайн в российском уголовном судопроизводстве. М., 2014. 336 с.

249. Современный философский словарь. М., 1996. 607 с.

250. Соловьев А.Б. Система следственных действий как средство уголовно-процессуального доказывания (проблемы уголовного процесса и криминалистики): науч.-метод. пособие. М., 2006. 216 с.

251. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М., 1968. Т. 1. 468 с.

252. Строгович М.С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М., 1955. 384 с.

253. Строгович М.С. Проблемы теории права // избранные труды В 3 т. / отв. ред. С.Н. Братусь. М., 1990. 303 с.

254. Теория государства и права. Учебник для юридических вузов и факультетов / под ред. В.М. Корельского и В.Д. Перевалова. М., 1997. 616 с.

255. Теория государства и права: учебник для вузов / под ред. В.М. Корельского, В.Д. Перевалов. М., 2002. 428 с.

256. Тугаринов В.П. Личность и общество. М., 1965. 191 с.

257. Тутынин И. Б., Химичева О.В. Применение мер уголовно-процессуального принуждения при расследовании преступлений, совершенных с использованием криптовалюты: монография – М., 2022. 144 с.

258. Тутынин И.Б., Химичева О.В. Применение мер уголовно-процессуального принуждения при расследовании преступлений, совершенных с использованием криптовалюты: монография – М., 2022. 352 с.

259. Тутынин И.Б. Теоретические основы уголовно процессуального принуждения имущественного характера. М., 2022. 352 с.

260. Тютин Д.В. Налоговое право: курс лекций // СПС «Консультант Плюс». 2020.

261. Уголовно – процессуальные гарантии обеспечения прав, свобод и интересов личности, общества и государства: учеб. Пособие // О.В. Химичева, Н.В. Григорьев, С.В. Гурдин и др. М., 2018. 163 с.

262. Уголовно-правовые гарантии суверенитета государства (сравнительно-правовое исследование): научно-практическое пособие / Артемов В.Ю., Белялова А.М., Борисов С.В. и др.; отв. ред. И.И. Кучеров, С.Л. Нудель, О.И. Семыкина; ИЗиСП. М., 2023. 352 с.

263. Уголовно-юрисдикционная деятельность в условиях цифровизации: монография / Голованова Н.А., Гравина А.А., Зайцев О.А. и др.; редкол.: О.А. Зайцев, В.П. Кашепов, И.И. Кучеров, О.А. Степанов; ИЗиСП. М., 2019. 211 с.

264. Философский энциклопедический словарь / [ред.-сост.: Е.Ф. Губский, Г.В. Кораблева, В.А. Лутченко]. М., 2007. 575 с.

265. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 1. СПб., 1896. 594 с.

266. Хабриева Т.Я. Право в реалиях технологической революции: монография / Т.Я. Хабриева. М., 2025. 168 с.

267. Чурикова А.Ю. Доказательственное значение результатов использования технологии распознавания лиц. Законность. 2025. № 1. // Доступ из СПС «Консультант Плюс».

268. Шадрин В.С. Обеспечение прав личности при расследовании преступлений. Волгоград, 1997. 230 с.

269. Шайкенов Н.А. Правовое обеспечение интересов личности. Свердловск, 1990. 199 с.

270. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования: монография / С.А. Шейфер. М., 2021. 240 с.

271. Шейфер С.А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение. Самара, 2004. 184 с.

272. Якуб М.Л. Процессуальная форма в уголовном судопроизводстве. М., 2005. 194 с.

273. Ярошевский М.Г. История психологии от античности до середины XX в. М., 1996. 416 с.

Диссертационные исследования и авторефераты

274. Базюк М.Л. Охрана прав и свобод человека и гражданина как принцип российского уголовного судопроизводства: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2009. 24 с.

275. Глимейда В.В. Применение технических средств и цифровых технологий при производстве следственных действий: дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2024. 241 с.

276. Гришина Е.П. Достоверность доказательств и способы ее обеспечения в уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 213 с.

277. Гуськова А.П. Личность обвиняемого в уголовном процессе (проблемы теории и практики): автореф. дисс. докт. юрид. наук. Оренбург, 1997. 388 с.

278. Долженко Н.И. Образцы для сравнительного исследования и тактика их получения: дис. … канд. юр. Наук: М., 2000. 169 с.

279. Дуйшенбиев Т.А. Интересы в уголовном судопроизводстве (по материалам Кыргызской Республики и Российской Федерации): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. 265 с.

280. Ефремова О.М. Реализация полномочий следователя, направленных на получение и использование компьютерной информации при производстве следственных действий: дис. ... канд. юрид. наук. Орел, 2021. 225 с.

281. Зиновьева Н.С. Компьютерная информация, преобразованная методами криптографии, в раскрытии и расследовании преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2021. 207 с.

282. Иванов В.В. Проблемы реализации и конституционные гарантии конституционного права потерпевшего на доступ к правосудию и судебную защиту: дисс. … канд. юрид. наук. Самара, 2004. 214 с.

283. Канюкаева А.Р. Система процессуальных форм защиты в российском праве: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2010. 250 с.

284. Карихия А.А. Гражданско-правовая модель регулирования цифровых технологий: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2019. 394 с.

285. Карпунина Н.А. Охрана частной жизни как принцип российского уголовного процесса: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2004. 186 с.

286. Корнеева И. В. Функционирование суда с участием присяжных заседателей в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. Наук. Нижний Новгород, 2002. 216 с.

287. Кудрявцева Ю.А. Получение образцов для сравнительного исследования в уголовном судопроизводстве России (процессуальная природа, порядок, доказательственное значение): дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2013. 239 с.

288. Масленникова Л.Н. Публичное и диспозитивное начала в уголовном судопроизводстве России.: дис. … д-ра. юрид. наук. М., 2000. 554 с.

289. Михеенкова М.А. Благоприятствование защите (favor defensionis) и его проявление в современном уголовном процессе. дисс. … канд. юрид. наук. М., 2012. 279 с.

290. Николаев Е.М. Восстановление прав и законных интересов потерпевших в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Уфа, 2009. 247 с.

291. Оконенко Р.И. «Электронные доказательства» и проблемы обеспечения прав граждан на защиту тайны личной жизни в уголовном процессе: сравнительный анализ законодательства Соединенных Штатов Америки и Российской федерации: дисс. … кан. юрид. наук. М., 2016. 158 с.

292. Стройкова А.С. Гарантии прав обвиняемого на предварительном следствии: дисс. … канд. юрид. наук. Ростов на Дону, 2005. 141 с.

293. Топилина Т.А. Доступ к правосудию в уголовном судопроизводстве в условиях развития цифровых технологий. дисс. … канд. юрид. наук. М., 2022. 285 с.

294. Черкасов В.С. Правовое регулирование электронных средств в доказывании на досудебных стадиях уголовного процесса: дис. ... канд. юр. наук. ФГАОУ ВО "Южно-Уральский государственный университет - Челябинск, 2022. 210 с.

295. Юркевич М.А. Применение судом видеотехнологий в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. 259 с.

296. Якунина В.В. Гражданская правосубъектность индивидуального предпринимателя: проблемы возникновения и прекращения: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2009. 197 с.

Научные статьи

297. Аброкова О.А., Гукепшоков М.Х. Правовой статус личности // Научные известия. – 2020. – № 19. – С. 47–50.

298. Авдеев М.Е., Сафронова Е.В. К вопросу о понятии раскрытия и расследования преступлений // ГлаголЪ правосудия. – 2018. – № 4 (18). – С. 70–73.

299. Александров С.А. Содержание, система и развитие уголовно - процессуальных гарантий // Вопросы криминологии, уголовного права и уголовного процесса. – Горький, 1974.

300. Андреев Д.А. Права, свободы и законные интересы осужденных: конституционный и теоретико – правовой аспекты // Уголовно –

исполнительная система России: проблемы и перспективы. Самарский юридический институт ФСИН России. – 2014. – С. 5–8.

301. Андреева О.И. К вопросу о перспективах развития уголовного процесса в условиях цифровизации общественных отношений / О.И. Андреева // Судебная реформа в современной России: результаты, проблемы и перспективы. – Краснодар, 2020. – С. 11–18.

302. Андреева О.И. Правовое регулирование уголовно-процессуальных отношений в цифровую эпоху / О.И. Андреева, О.А. Зайцев // Вестник Томского государственного университета. – 2020. – № 455. – С. 190-198.

303. Андреева О.И., Зайцев О.А. Перспективы ведения российского уголовного судопроизводства в электронном формате // Уголовная юстиция. – 2018. – № 12. – С. 57 - 61.

304. Антонов О.Ю. Получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами в России: сущность, этапы и пути совершенствования тактического обеспечения // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2020. – № 459. – С. 221–229.

305. Ардашкин В.Д. О принуждении по советскому праву // Советское государство и право. – 1970. – № 7. – С. 33–39.

306. Баженов С.В. Оперативно-розыскное мероприятие «получение компьютерной информации» // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2017. – № 2 (65) – С. 31–33.

307. Беляев М.В., Четвергов М.А. К вопросу о современных способах моделирования дорожно-транспортных происшествий // Вестник Московского университета МВД России. – 2018. – № 4. – С. 11–15.

308. Брижак З.И. Психологические основы доказывания в суде с участием присяжных заседателей Юридическая психология. – 2014. – № 3. – С. 8–11.

309. Булыжкин А.В. К вопросу о состоянии правового регулирования и правоприменения порядка изъятия электронных носителей информации //

Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. – 2019. – № 1 (1). – С. 49–58.

310. Бутов С.В., Лысенков С.Г. О соотношении понятий «Правовой статус» и «правовое положение» как самостоятельных юридических категорий // Правопорядок: история, теория, практика. – 2022. – № 4 (35). – С. 6–11.

311. Бялт В.С., Демидов А.В. Правовой статус личности: теоретико-правовая характеристика // Ленинградский юридический журнал. – 2018. – №3 (53). – С. 19–25.

312. Власов В.А., Карлов А.Л., Прозорова Н.В. Уголовно-процессуальные средства обеспечения доступа к информации на технических устройствах: некоторые актуальные аспекты // Право и государство: теория и практика. – 2019. – № 11 (179) – С. 145–147.

313. Володина Л.М. Право на доступ к правосудию // Бюллетень Уральского отделения Международной ассоциации содействия правосудию. – 2010. – № 1 (3). – С. 31–35.

314. Воскобитова Л.А. Возбуждение и прекращение уголовного дела: анализ следственной практики // Уголовное судопроизводство. – 2010. – № 2. – С. 3 - 6.

315. Гаас. Н.Н. Осмотр изъятого мобильного устройства: проблемы правоприменения // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2019. – № 4 (24). – С. 28 - 32.

316. Гаврилин Ю.В. Уголовно-процессуальный порядок наложения ареста на криптовалюты // Криминологический журнал. – 2023. – № 2. – С. 30–33.

317. Галиахметов М.Р., Татьянин Д.В. Дискуссионные вопросы проведения следственных действий в стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Удмуртского университета. – 2015. – Т. 25. Вып. 3. – С. 108–110.

318. Гамзалиев Р.З. Принцип состязательности сторон в уголовном судопроизводстве // Закон и право. – 2024. – № 1. – С. 178–180.

319. Головко Л.В. Цифровизация в уголовном процессе: локальная оптимизация или глобальная революция // Вестник экономической безопасности. – 2019. – № 1. – С. 15–25.

320. Дашин А.В., Малин П.М., Пивень А.В. О понятии публичного законного интереса в уголовном судопроизводстве // Вестник Самарского юридического института. – 2019. – №4 (35). – С. 40 - 44.

321. Добровольская А.И. Гарантии прав граждан в советском уголовном судопроизводстве // Сов. Государство и право. – 1980. – № 2. – С. 128–135.

322. Дражевская Ю.В. Гарантии правового положения юридического лица в уголовном судопроизводстве // Вестник СГЮА. – 2021. – № 1 (138). – С. 191–197.

323. Дубоносов Е.С. Оперативно-розыскное мероприятие «получение компьютерной информации»: содержание и проблемы проведения // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. – 2017. – № 2(2). – С. 24–29.

324. Дунаева М.С. Право на неприкосновенность частной жизни граждан и его содержание в уголовном судопроизводстве: исторический и сравнительно-правовой анализ // Вестник Иркутского ГТУ. – 2011. – № 3 (50). – С. 207–212.

325. Ерошенко А.А. Судебная защита охраняемого законом интереса // Советская юстиция. – 1997. – № 13. – С. 19–20.

326. Желева О.В. К вопросу о порядке производства осмотра мобильного телефона // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2021. – №2 (32). – С. 22–32.

327. Зайцев О.А. Обеспечение конституционных прав и свобод участников уголовного судопроизводства в условиях пандемии COVID-19 // Журнал российского права. – 2022. – Т. 26. – № 11. – С. 91–108.

328. Зайцев О.А. Особенности уголовно-процессуального доказывания в условиях цифровизации // Журнал российского права. – 2024. – Т. 28. – № 8. – С. 93–112.

329. Зарипов Ф.Ф. Обеспечение безопасности участников уголовного процесса как самостоятельный принцип российского уголовного судопроизводства // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». – 2016. – № 2. – С. 92–94.

330. Иванов В.В. Правовая защита частных интересов в цифровом мире: позитивное и/или «мягкое право»? / В.В. Иванов, Т.В. Трубникова, А.Ю. Чурилов // Вестник Томского государственного университета. – 2024. – № 502. – С. 188-203.

331. Ильютченко Н.В. Принцип nemo tenetur se ibsem accusare: сравнительно-правовой анализ // Вестник Московского университета. – 2015. – № 3. – С 42–49.

332. Камчатов К.В. Криптовалюта как предмет преступления и средство обеспечения иска в уголовном процессе // Уголовный процесс. – 2023. – № 1. – С. 76–85.

333. Камчатов К.В. Механизмы доступа потерпевших к правосудию: состояние и тенденции развития / К.В. Камчатов // Сборник научных трудов по материалам Международной конференции, Академия управления МВД России. – М., 2023. – С. 175–182.

334. Камчатов К.В. Наложение ареста на имущество по уголовным делам о дистанционных мошенничествах / К.В. Камчатов, А.Л. Аристархов // Законность. – 2025. – № 3 (1085). – С. 40–44.

335. Камчатов К.В. Невозмещение вреда от преступления как обстоятельство, отягчающее наказание / К.В. Камчатов // Уголовная политика России на современном этапе: состояние, тенденции, перспективы: Сборник научных трудов по материалам международной конференции (к 100-летию со дня рождения Н.А. Стручкова). – М., 2022. – С. 85–90.

336. Камчатов К.В. Перспективные направления применения искусственного интеллекта в российском уголовном процессе / К.В. Камчатов // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2024. – № 2(100). – С. 97–105.

337. Камчатов, К.В. Модернизация порядка оперативного получения сведений при раскрытии и расследовании преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий, в целях обеспечения прав потерпевших / К.В. Камчатов // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2022. – Т. 1. – № 2(101). – С. 206–216.

338. Карпов В.А. Конституционное закрепление системы прав и свобод человека и гражданина в России // Евразийский союз учёных. – 2015. – № 8. – С. 147–149.

339. Кашапов Р.М. Уголовно-правовые последствия оказания виновным лицом содействия органам предварительного расследования // Научный портал МВД России. – 2019. – № 3 (47). – С. 22–28.

340. Ким А.В. отдельные вопросы проведения осмотра и экспертизы электронных носителей информации // Учёные записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2019. – № 1 – С. 151–156.

341. Киричек Ю.С. Тактика осмотра мобильного телефона и фиксация его результата / Ю.С. Киричек // Сборник статей победителей VI Международного научно-практического конкурса. - Пенза: «Наука и Просвещение». – 2017. – С. 179–182.

342. Кондрат И.Н. Частная жизнь: вопросы охраны и ограничения в сфере уголовного судопроизводства // Вестник экономической безопасности. – 2011. – № 8. – С. 43–49.

343. Коренная А.А., Тыдыкова Н.В. Криптовалюта как предмет и средство совершения преступлений // Всероссийский криминологический журнал. – 2019. – № 3. – С. 408–415.

344. Корнаухова Н.Г., Катков С.В. Получение компьютерной информации: проблемы теории и практики // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2020. – № 1 (92). – С. 182–191.

345. Краснослободцева Н.К. Соотношение понятий «Свобода» и «Права» человека // Ленинградский юридический журнал. – 2014. – № 4 (38). – С. 75–82.

346. Крупницкая В.И. Допустимость доказательств как гарантия конституционных прав и свобод личности в сфере уголовного судопроизводства // ЮП. – 2007. – № 1. – С. 71–77.

347. Крысин В.В. Цифровые технологии как средство обеспечения наглядности речи государственного обвинителя в прениях сторон с участием коллегии присяжных заседателей / В.В. Крысин // Следственная практика. – 2020. – Вып. 210. – С. 98–101.

348. Кузнецова С.М. Реализация конституционного права на тайну переписки, телефонных переговоров и иных сообщений при осмотре сотового телефона в ходе производства по уголовному делу // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. – 2018. – № 2 (43). – С. 39–43.

349. Кучинский А.В. Законные интересы личности от Конституции до правореализующей деятельности // Теоретические вопросы реализации Конституции СССР. – М. 1982. – С. 85–88.

350. Лапин С.А., Поляков В.В. Программное обеспечение как средство совершения компьютерных преступлений // Ползуновский альмонах. – 2016. – № 2. – С. 201–203.

351. Ларин Е.Г. Осмотр мобильного телефона: проблемы законодательства и практики / Е.Г. Ларин // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. – 2017. – № 17 (1). – С. 132–134.

352. Лебедев Н.Ю., Степанов С.А, Достоверность и достаточность доказательств в уголовном судопроизводстве: понятие, значение и проблемы установления // Закон и право. – 2022. – № 4. – С. 146–150.

353. Лебедева А.А. Принцип «Разумный срок уголовного судопроизводства» // СтройМного. – 2016. – № 4 (5). – С. 1–10.

354. Либанова С.Э. Категории «субъективное право» и «законный интерес» в свете реализации статей 15 и 79 Конституции Российской

федерации // Вестник Сургутского государственного университета. – 2020. – № 2(28). – С. 40–49.

355. Литвишко П.А. Юрисдикционные и международно-правовые аспекты обеспечительных и конфискационных мер в отношении виртуальных активов // Законность. – 2021. – № 3. – С. 8–14.

356. Луданина А.В. Наложение ареста на криптовалютные активы в уголовном процессе Российской Федерации: возможные пути развития // Актуальные проблемы российского права. – 2023. – № 6. – С. 95–104.

357. Майоров В.И. Аппаратно-программный комплекс «Безопасный город» как инструмент противодействия преступности // Виктимология. – 2022. – № 4. – С. 445–450.

358. Макаров С.А. О положительном опыте наложения ареста на криптовалютные активы. [Электронный ресурс] URL: https://mvdmedia.ru/publications/police-of-russia/Competently/kak-zamorozit-bitkoin/ (доступ 31.01.2025).

359. Малеин Н.С. Охраняемый законом интерес //Советское государство и право. – 1980. – № 1. – С. 27–34.

360. Малышева О.А. Законность и обоснованность наложения ареста на имущество при расследовании уголовного дела / О.А. Малышева // Lex Russica (Русский закон). – 2021. – Т. 74. – № 6 (175). – С. 118–126.

361. Малышева О.А. Нравственные основы применения следователем цифровых технологий в процессе доказывания / О.А. Малышева // Судебная власть и уголовный процесс. – 2023. – № 3. – С. 26–30.

362. Малышева О.А. О необходимости формирования правового механизма возмещения ущерба потерпевшему по уголовному делу / О.А. Малышева // Всероссийский криминологический журнал. – 2024. – Т. 18. № 3. – С. 295–304.

363. Малышева О.А. Обеспечение законности при использовании системы видео-конференц-связи в следственном действии с участием

заключенного под стражу обвиняемого / О.А. Малышева // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2024. – № 1 (113). – С. 32–40.

364. Малышева О.А. Применение следователем информационно-коммуникационных технологий при производстве следственных действий: риски и пути их преодоления / О.А. Малышева, П. А. Самсонов // Журнал российского права. – 2024. – Т. 28. № 2. – С. 66–70.

365. Малышева О.А. Причины необеспечения следователем возмещения вреда, причиненного преступлением, потерпевшему / О.А. Малышева // Вестник Томского гос. университета. – 2024. – № 504. – С. 224–230.

366. Малышева О.А. Процессуальные гарантии прав участников следственных действий, производимых с применением системы видео-конференц-связи / О.А. Малышева // Lex Russica (Русский закон). – 2022. – Т. 75. – № 6 (187). – С. 74–84.

367. Малышева О.А. Совершенствование начального этапа досудебного производства в условиях цифровой трансформации / О.А. Малышева // Развитие учения о противодействии расследованию преступлений и мерах по его преодолению в условиях цифровой трансформации. – М., 2021. – С. 392–400.

368. Малышева О.А. Трансформация досудебного уголовного производства в условиях цифровизации: тенденции и риски / О.А. Малышева // Тенденции уголовной политики России на современном этапе развития общества. – Ижевск, 2024. – С. 43–50.

369. Малько А.В., Субочев В.В. Законные интересы в правовой жизни общества: Актуальные вопросы теории и практики // Правоведение. – 2014. – №2 (313). – С. 84–98.

370. Мамлеев Р.Р. Средства и методы осуществления оперативно-розыскного мероприятия получение компьютерной информации // Полицейская и следственная деятельность. – 2016. – № 4. – С. 37–45.

371. Масленникова Л.Н. К вопросу о политическом значении цифровизации досудебного производства в уголовном процессе // Вестник Московского университета МВД России. – 2020. – № 3. – С. 34–36.

372. Масленникова Л.Н. Концептуальный подход к построению уголовного судопроизводства, обеспечивающего доступ к правосудию в условиях развития цифровых технологий // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. – 2020. – №10 (74). – С. 52–65.

373. Масленникова Л.Н., Топилина Т.А. Доступ к правосудию и проблемы его ограничения в уголовном судопроизводстве // Юридические исследования. – 2020. – № 7. – С. 13–28.

374. Масленникова Л.Н., Сушина Т.Е. Опыт цифровизации уголовного судопроизводства Федеративной Республики Германия и возможности его использования при цифровизации уголовного судопроизводства России. Актуальные проблемы российского права. – 2020. – № 15 (6). – С. 214–224.

375. Мезинов Д. А. Значение изучения мотивационной сферы личности обвиняемого (подозреваемого)в уголовном процессе / Д.А. Мезинов, Н.Т. Ведерников // Вестник Томского государственного университета. – 2023. – № 497. – С. 203–208.

376. Мичурина О.В. О соблюдении разумного баланса между допустимостью принуждения и его запретом при производстве отдельных следственных действий // Вестник Московского университета МВД России. – 2020. – № 2. – С. 152–156.

377. Налбандян Р.Г. Получение компьютерной информации как новая категория оперативно-розыскного законодательства // Проблемы экономики и юридической практики. – 2018. – № 1. – С. 136–138.

378. Наумов К.А. Цели и задачи (назначение) уголовного процесса // Сибирское юридическое обозрение. – 2020. – № 3. – С. 386–393.

379. Нестерова А.М. Состязательность в уголовном судопроизводстве // Проблемы в деятельности органов предварительного расследования и пути их

разрешения в России: Сб. матер. Всероссийского «круглого» стола. – М., 2017. – С. 263–267.

380. Нетрухин И.Л. О препятствиях на пути судебной реформы // Проблемы обеспечения прав участников процесса по новому Уголовно - процессуальному кодексу РФ: Материалы межрегиональной науч. - практ. Конференции / под. ред. С.А. Шейфера. – Самара, 2003. – С. 7–8.

381. Нуждин А.А. Реализация принципа законности в процессе расследования и предупреждения пенитенциарных преступлений // Правовая культура в современном обществе. Сборник научных статей. Могилёв, 2022. – С. 390–393.

382. Овчинников Ю.Г. Категория «личность» в уголовном процессе // Актуальные вопросы борьбы с преступностью в Сибирском регионе: сб. материалов XIII Международной науч. - прак. Конференции. – Красноярск, 2010 –. С. 63–67.

383. Оракбаев А.Б. О некоторых вопросах расследования преступлений с использованием средств виртуализации // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2022 –. № 1. – С. 88–92.

384. Осипенко А.Л. Новое оперативно-розыскное мероприятие «получение компьютерной информации»: содержание и основы осуществления // Вестник Воронежского института МВД России. – 2016. – № 3. – С. 83–90.

385. Палютин В.А. Субъективные права граждан: основные черты, стадии, гарантии реализации // Сов. Государство и право. – 1971. – № 6. – С. 24–32.

386. Пастухова И.А., Медведев С.С. Принцип состязательности в уголовном судопроизводстве // Вестник науки. – 2019. – № 11 (20). – С. 131–135.

387. Пермяков М.В., Рачева Н.В., Долинин В.Н. Сбор образцов для сравнительного исследования в деятельности правоохранительных структур // Юридическая наука. – 2022. – № 12. – С. 102–105.

388. Перов В.А. О криминалистической методике выявления преступлений, совершаемых с использованием криптовалюты, и расследовании соответствующих уголовных дел // Российский следователь. – 2020. – № 12. – С. 10–13.

389. Першин А.Н. Осмотр сетевых информационных ресурсов - новый вид следственного действия? // Российский следователь. – 2020. – № 1. – С. 13–16.

390. Печегин Д.А. Администрирование цифровых финансов как средство обеспечения безопасности / Д.А. Печегин // Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной деятельности и национальной безопасности: Материалы Международной научно-практической конференции. В 2-х частях, Краснодар / Отв. редактор В.А. Семенцов. Том Часть 2. Краснодар: Кубанский государственный университет. – 2021. – С. 32 - 36.

391. Печегин Д.А. Современные электронные денежные суррогаты: уголовно-правовое значение / Д.А. Печегин // Журнал российского права. – 2019. – № 7. – С. 65–74.

392. Печегин Д.А. Информационные технологии в уголовной юстиции: зарубежные тенденции и проблемные аспекты // Российская юстиция. – 2021. – № 9. – С. 25–33.

393. Подробнее об узком и широком подходе к мерам принуждения см. например: Кривощёков Н.В. О сущности уголовно-процессуального принуждения // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2023. – № 4 (66). – С. 66–75.

394. Познанский Ю.Н. Электронное уголовное дело в решении проблемы // Труды Академии управления МВД России. – 2015. – № 1 (33). – С. 41–44.

395. Польщиков В. П., Слепцова Л. А. Понятие прав и правового статуса личности // Вестник Бел ЮИ МВД России. – 2008. – № 1 (2). – С. 29–32.

396. Прокофьева С.М., Султанкан Б. Реализация принципа законности при применении мер уголовно-процессуального принуждения // Вестник экономической безопасности. – 2009. – № 5. – С. 73–77.

397. Ребане И.А. Убеждение и принуждение в деле борьбы с посягательствами на советский правопорядок. - Ученые записки Тартуского государственного университета. Труды по правоведению. Тарту. 1966. – С. 176–182.

398. Родивилина В.А., Цуканов Н.Н. Изъятие и осмотр мобильного телефона как электронного носителя информации // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2019. – № 4 (91). – С. 107–114.

399. Русскевич Е.А., Малыгин И.И. Преступления, связанные с обращением криптовалют: особенности квалификации // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2021. – № 3. – С. 4–15.

400. СавошинскаяА.Н., Сакель Ю.В. Соотношение понятий «свободы» и «права» человека // в сборнике: Сфера знаний: научное взаимодействие в рамках образовательного процесса. Сборник научных трудов. – Казань, 2018. – С. 142–144.

401. Садвакасова А.Т, Ханов Т.А. О новой системе учета и регистрации заявлений, сообщений и иной информации об уголовных правонарушениях // Всероссийский криминологический журнал. – 2019. – №2. – С. 340–353.

402. Семченко С.С. Принцип разумного срока в уголовном судопроизводстве с точки зрения решений Европейского Суда по правам человека и практики судов РФ // СибСкрипт. – 2013. – № 4 (56). – С. 206–211.

403. Сидоренко Э.Л. Криминальное использование криптовалюты: международные оценки // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2016. – № 6. – С. 8–11.

404. Скобелин С.Ю. Возможности получения криминалистически значимой информации при осмотре мобильных средств связи и пределы ограничения конституционных прав граждан на тайну переписки // Преступность в сфере информационных и телекоммуникационных технологий:

проблемы предупреждения, раскрытия и расследования преступлений. – Воронеж, 2017. – № 1. – С. 89–98.

405. Смирнов В.Е. Использование автоматизированных систем оценки риска рецидива в уголовном процессе США // Мировой судья. – 2024. – № 12. – С. 16–20.

406. Смирнов В.Е. Использование в уголовном судопроизводстве средств визуализации и моделирования в контексте обеспечения равноправия сторон // Уголовная юстиция. – 2024. – № 24. – С. 84–88.

407. Смирнов В.Е. Использование систем с элементами искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве иностранных государств // Союз криминалистов и криминологов. – 2023. – № 4. – С. 100–105.

408. Смирнов В.Е. К вопросу о допустимости в уголовном судопроизводстве информации, генерируемой системами с элементами машинного обучения (на примере США) // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2025. – № 1. – С. 23–26.

409. Смирнов В.Е. Компьютерные программы для извлечения электронной доказательственной информации в уголовном судопроизводстве: причины появления, возможности, проблемы использования // Власть Закона. – 2024. – № 3. – С. 237–248.

410. Смирнов В.Е. Совершенствование процессуальных механизмов наложения ареста на криптовалюту в ходе производства по уголовному делу / О.А. Зайцев, В.Е. Смирнов // Вестник Томского государственного университета. – 2025. – № 510. – С. 219–225.

411. Собенин А.А.Искусственный интеллект в уголовной юстиции Российской Федерации и Китайской Народной Республики: важность государственно-правового регулирования // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. – 2024. – № 1 (113). – С. 48–56.

412. Спирин А.В. Публичный интерес в уголовном судопроизводстве // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2019. – №1 (88). – С. 91–104.

413. Стельмах В.Ю. Получение образцов для сравнительного исследования по уголовно-процессуальному законодательству Российской Федерации: понятие, порядок производства и проблемные вопросы // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2016. – № 1 (69). – С. 78–85.

414. Стройкова А.С. Допустимость доказательств в российском уголовном судопроизводстве // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2007. – № 1. – С. 296–301.

415. Теппеев А.А. Понятие мер уголовно – процессуального принуждения и их виды // Пробелы в российском законодательстве. – 2020. – № 4. – С. 235 - 238.

416. Технологии распознавания лиц в уголовном судопроизводстве: проблема оснований правового регулирования использования искусственного интеллекта / О.И. Андреева, В.В. Иванов, А.Ю. Нестеров, Т.В. Трубникова // Вестник Томского государственного университета. – 2019. – № 449. – С. 201-212.

417. Топилина Т.А. Право на доступ к правосудию как принцип уголовного судопроизводства // Право и политика. – 2020. – № 4. – С. 49–58.

418. Туров С.Ю. Допустимость использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». – 2024. – № 2. – С. 352–359.

419. Тушканова О.В. О типовой методике исследования информации в мобильных телефонах// Библиотека Криминалиста. – 2013. – № 5. – С. 297–299.

420. Усольцев Ю.М., Усольцева Н.А. Метаданные электронного сообщения как электронное доказательство в уголовном процессе // Северный регион: наука, образование, культура. – 2021. – С. 29–34.

421. Хайдаров А.А. Принцип благоприятствования защите и его проявление в ходе рассмотрения уголовного дела в суде первой инстанции //

Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2013. – №12. – С. 88–91.

422. Хайдаров А.А. цель судебного следствия в уголовном судопроизводстве // Юристъ-правоведъ. – 2021. – № 2 (97). – С. 107–114.

423. Хилюта В.В. Цифровые права как предмет хищения // Вестник Ун-та прокуратуры РФ. – 2020. – № 5. – С. 15–22.

424. Химичева О.В. Наложение ареста на имущество: баланс частных и публичных интересов // Академическая мысль. – 2019. – № 4 (9). – С. 62–65.

425. Холопов А.В. 3D-моделирование события преступления в стадии судебного разбирательства с участием присяжных заседателей: проблемы и пути решения // Криминалистъ. – 2023. – № 3. – С. 84–90.

426. Цатурян Т.В. Общеправовой принцип законности: понятие и сущность // Проблемы экономики и юридической практики. – 2014. – № 2. – С. 113–115.

427. Цоколова О.И., Кузьменко Е.С. Принуждение в уголовном процессе: современные проблемы и тенденции (о результатах международной научно-практической конференции) // Проблемы предварительного следствия и дознания: сб. науч. тр. по материалам междунар. науч.-практ. конф. – Москва, 2020. – Т. 29. – С. 3–5.

428. Чабукиани О.А. Получение образцов для сравнительного исследования как процессуальное проверочное действие следователя // Научный диалог. – 2013. – № 7 (19). – С. 149–157.

429. Чаднова И.В. Цифровые следы как самостоятельное доказательство / И.В. Чаднова, А.В. Извеков // Правовые проблемы укрепления российской государственности. – Томск, 2019. – С. 126–128.

430. Чурикова А.Ю. Доказательственное значение результатов использования технологии распознавания лиц. Законность. 2025. № 1. // Доступ из СПС «Консультант Плюс».

431. Чурилов А.Ю., Герцен П.О. Проблемы совершения отдельных процессуальных действий в отношении криптовалюты в Российской Федерации // Вестн. Том. гос. ун-та. Право. – 2024. – №54. – С. 179–194.

432. Чухраев Д. А. Соотношение формы, принципов и гарантий уголовного судопроизводства // Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2018. – №2. – С. 154.

433. Шестакова Т.П. Состязательность и равноправие сторон как принцип уголовного судопроизводства // Молодой учёный. – 2018. – № 8. – С. 99–101.

434. Эбзеев Б.С. Конституционный правопорядок и основные права: юридическая природа и особенности государственной защиты (о методологии научного поиска) // Государство и право. – 2016. – № 10. – С. 5–18.

435. Яковлева К.Ю. Контрольная сумма как элемент достоверности доказательства, содержащего электронную информацию, в уголовном процессе/Яковлева К.Ю. // Российский следователь, – 2024. – № 2. – С. 39–43.

436. Ямпольская И.А. О субъективных правах советских граждан и их гарантиях // Вопросы советского гос. права. – М., 1959. – С. 145–226.

437. Янковая В.Ф. Понятия «Электронный документ» и «Архивный электронный документ» // Делопроизводство. – 2019. – № 3. – С. 10–16.

Литература на иностранном языке:

438. Alpaydin E. Introduction to machine learning. 2014. pp. 30 - 32.

439. Amy B. Cyphert. Tinkering with Machine Learning: The Legality and Consequences of Online Surveillance of Students. 2020. pp. 457 - 502.

440. Angwin J. Machine Bias: There’s Software Used across the Country to Predict Future Criminals. And It’s Biased against Blacks, ProPublica, 2016. p.p. 551 – 575.

441. Baier W., Warnett J.M., Payne M., Williams M.A. Introducing 3D Printed Models as Demonstrative Evidence at Criminal Trials. J. Forensic Sci. 2018. (4). pp. 1298 - 1302.

442. Brennan T. Enhansing prison classification systems: The emerging role of management information systems. 2004. 254 p.

443. Brower H., McCray D. 20/20 Hindsight and Looking Ahead: The Vision of the Five Eyes and What's Next in the «Going Dark» Debate. 110 Va. L. Rev. 2024. pp. 70 - 78.

444. Brownsword R. and Harel A. Law, liberty and technology: Criminal justice in the context of smart machines. International Journal of Law in Context. 2019. № 15(2). pp. 107 — 125.

445. Custers B.H.M. and Stevens L. The Use of Data as Evidence in Dutch Criminal Courts, European Journal of Crime, Criminal Law and Criminal Justice. 2021. Vol. 29. № 1, pp. 25 — 46.

446. David A. Sklansky. The Fourth Amendment and Common Law, 100 Colum. L. Rev. 2000. pp. 1739 - 1814.

447. Europol Eurojust. Second report of the observatory function on encryption. 2020. 35 p.

448. Federal Rules of Evidence. 1975. Cornell Law School Legal Information Institute. [Электронный ресурс] URL: https://www.law.cornell.edu/rules/fre (доступ от 12.11.2024).

449. Ferguson A.G. Predictive Policing and Reasonable Suspicion. 2012. 62 Emory Law Journal. 259. (2012) p.p. 261 – 325.

450. First Report on Encryption by the EU Innovation Hub for Internal Security. Publications Office of the European Union. [Электронный ресурс] URL: https://www.europol.europa.eu/cms/sites/default/files/documents/EU_Innovation_Hub_First%20Report%20on%20Encryption.pdf (доступ от 12.12.2024).

451. Flach P. Machine learning: The Art and science of algorithms that make sense of data. 2012. 291 p.

452. Forensics Visualizations as a catalyst for fighting organized crime [Электронный ресурс] URL: https://roxanne-euproject.org/news/blog/forensics-visualizations-as-a-catalyst-for-fighting-organized-crime (доступ от 13.01.2024).

453. Gershowitz A. The Post-Riley Search Warrant: Search Protocols and Particularity in Cell Phone Searches, 69 Vand L. Rev. 2016. pp. 585 - 638

454. Ghappour A. Searching Places Unknown: Law Enforcement Jurisdiction on the Dark Web, 69 Stan. L. Rev. 2017. pp. 1075 - 1136.

455. Haber E. The Law of the Trojan Horse. 57 UC Davis L. Rev. 2024. pp. 1667 - 1720.

456. Handbook for dealing with virtual currencies in criminal proceedings. Organization for Security and Co-operation in Europe (OSCE). 2022. [Электронный ресурс]. URL: https://www.osce.org/mission-to-skopje/522754 (дата обращения: 01.09.2024).

457. Holowko E., Januszkiewicz K., Bolewicki P., Sitnik R. & Michoński J. Application of multiresolution 3D techniques in crime scene documentation with bloodstain pattern analysis. Forensic Science International. 2016. pp. 218 – 227.

458. Home P., G. Norman D., Wade K., Spearing E., Williams M. 3D scanning a crime scene to enhance juror understanding of Bloodstain Pattern Analysis evidence, Science & Justice. Vol. 64. 2024. pp. 333 - 338.

459. Huq A. Racial Equity in Algorithmic Criminal Justice, 2019. pp. 1043 - 1134.

460. Jacobsen K. Game of Phones, Data Isn't Coming: Modern Mobile Operating System Technology and Its Chilling Effect on Law Enforcement. George Washington Law Review. 2017. Vol. 85. No. 2. pp. 566 - 612.

461. Joh E. E. The New Surveillance Discretion: Automated Suspicion, Big Data, and Policing. Harvard Law & Policy Review, 2015 Forthcoming, UC Davis Legal Studies Research Paper. 2015. No. 473. 34 p.

462. Kleinberg J. Inherent Trade-Offs in the Fair Determination of Risk Scores proceedings of innovations in theoretical computer science. 2017. 23 p.

463. Laura K. Donohue. The Fourth Amendment in a Digital World. 71 N.Y.U. Ann. Surv. Am. L. 2016. pp. 553 - 686.

464. Levin J.R. ‘On the functions of pictures in prose’, in L.M. Pirozzolo & M.C. Wittrock (eds.), Neuropsychological and cognitive processes in reading. 1981. 43 p.

465. Liguori F., Augusto C. Exploring Lawful Hacking as a Possible Answer to the 'Going Dark' Debate // Michigan Telecommunications and Technology Law Review. 2020. Vol. 26. No. 2. pp. 317 - 346.

466. Malykhina N. I., Menzhega M. M., & Slavgorodskaya O. A. Application Of 3D Technology In Criminal Proceedings.State and Law in the Context of Modern Challenges. 2022. Vol 122. pp. 411 - 417.

467. McGee K., Morris j., Reichard R., O'Laughlin K. and MacLean C. Substantive Admissibility of 3D Forensic Medical Graphics and Models. American Journl of Trial Advocacy. Vol. 44. No. 1. 2020. pp. 141 – 158.

468. Nguyen T. Cryptography, Export Controls, and the First Amendment in Bernstein v. United States Department of State Harvard Journal of Law & Technology. 1996. pp. 667 - 682.

469. Orin S. Kerr. Executing Warrants for Digital Evidence: The Case for Use Restrictions on Nonresponsive Data. 48 Tex. Tech L. Rev. 2015. pp.1 - 36.

470. Oswald M., Grace J., Urwin S., Barnes G., Algorithmic Risk Assessment Policing Models: Lessons from the Durham HART Model and ‘Experimental’ Proportionality (August 31, 2017). 27 p.

471. P. Wang, The Risk and Safety of AI, A general theory of intelligence [Электронный ресурс]: URL: https://sites.google.com/site/narswang/EBook/topic-list/the-risk-and-safety-of-ai (дата обращения 25.09.2023).

472. Reed Amar A. Fourth Amendment First Principles, 107 Harv. L. Rev. 1994. pp. 758 - 819.

473. Rich M. Machine Learning, Automated Suspicion Algorithms, and the Fourth Amendment (April 13, 2015). University of Pennsylvania Law Review, Forthcoming, Elon University Law Legal Studies Research Paper No. 2015-03. 72 p.

474. Richard A. Nagareda. Compulsion «To Be a Witness» and the Resurrection of Boyd, 74 N.Y.U. L. Rev. 1999. P. 1575 – 1659.

475. Roth A. L. Trial by Machine. Georgetown Law Journal, Vol. 104, №. 5. 2016. pp. 1 - 48.

476. Sacharoff L. Unlocking the Fifth Amendment: Passwords and Encrypted Devices, 87 Fordham L. Rev. 203. 2018. pp 203 - 251.

477. Scherer M.U. Regulating Artificial Intelligence Systems: Risks, Challenges, Competencies, and Strategies. Harvard Journal of Law & Technology. 2016. pp. 353 - 400.

478. Schofield D. Technology Corner: Visualising Forensic Data: Evidence Guidelines (Part 2). State University of New York. 2013. pp. 93 - 114.

479. Scism L. & Maremont M. Insurers Test Data Profiles to Identify Risky Clients, WALL ST. J. 2010. 19.11.2010.

480. Solove D.J. Data Mining and the Security-Liberty Debate, 2008. 343 p.

481. Tal Z. Zarsky. Transparent Predictions, U. ILL. L. Rev. 2013. pp. 1503 - 1570.

482. The Welsh police force is using AI was part of its facial recognition system. [Электронный ресурс]: URL: https://www.wired.co.uk/article/police-ai-uk-durham-hart-checkpoint-algorithm-edit (доступ от: 18.08.2023).

483. Vaciago G., Ramalho D. S. Online searches and online surveillance: the use of trojans and other types of malware as means of obtaining evidence in criminal proceedings // Digital Evidence & Elec. Signature L. Rev. 2016. Vol. 13. pp. 88 - 96.

484. Van Weelden L. and van Charldorp T. A Communications Perspective on the Use of Visualisations in a Dutch Court for Minor Felonies. Utrecht Law Review. 2019. Vol. 15. № 1. pp. 26 - 37.

485. Wachter S. and Mittelstadt B. and Floridi L. Why a Right to Explanation of Automated Decision-Making Does Not Exist in the General Data Protection Regulation. International Data Privacy Law. 2017. 47 p.

486. Washington A. How to Argue with an Algorithm: Lessons from the COMPAS ProPublica Debate. 2019. pp. 1 - 37.

487. Webster V., Bourn F. The Use of Computer-Generated Animations and Simulations at Trial. Defense Counsel Journal; Chicago Vol.83 № 4. 2020. p.p. 439 – 459.

488. Zaytsev O. A., Pastukhov P.S. Fadeeva M. Yu., Perekrestov V. N. Artificial intelligence as a New IT Means of Solving and Investigating Crimes // Smart Technologies for Society, State and Economy. Springer, 2021. P. 1266 - 1273.

Иные источники:

489. Можно ли взломать Touch ID и войти в ваш телефон? [Электронный ресурс] URL: https://rskrf.ru/tips/eksperty-obyasnyayut/mozhno-li-vzlomat-touch-id-i-voyti-v-vash-telefon/ (доступ 09.03.2025 года)

490. Официальный сайт МВД РФ. [Электронный ресурс]: URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/folder/101762 (доступ от: 24 февраля 2025 года).

491. Система обеспечения законодательной деятельности Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации [Электронный ресурс] URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/902782-8 (доступ от 22.05.2025).

492. Служба поддержки Apple [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://support.apple.com/ru-ru/102381# (доступ от 28.02.2025)

493. У крупнейшего взяточника в истории России изымут криптовалюты на миллиард рублей. Lenta.ru [Электронный ресурс] URL: https://lenta.ru/news/2025/01/09/u-krupneyshego-vzyatochnika-v-istorii-rossii-izymut-bitkoiny-na-milliard-rubley-i-esche-15-tysyach/ (доступ от 12 января 2025 года).

494. Lenta.ru. Стоимость Биткоина взлетела после заявлений Трампа о криптовалютном резерве [Электронный ресурс] URL: https://lenta.ru/news/2025/03/03/stoimost-bitkoina-vzletela-posle-zayavleniy-trampa-o-kriptovalyutnom-rezerve/ (дата обращения 13 апреля 2025 года).

ПРИЛОЖЕНИЕ

Результаты опроса работников прокуратуры, судей и адвокатов **В опросе принимали участие в общей сложности 160 респондентов в период за 2023 - 2025 г.г.**		
Вопросы	**Варианты ответов**	**Итог**
1. Как, по Вашему мнению, отразится законодательное закрепление обязательности предварительного получения судебного решения в порядке ст. 165 УПК РФ для извлечения электронной информации из цифровых устройств с коммуникационными возможностями (смартфонов, персональных компьютеров и т.д.), на обеспечении неприкосновенности частной жизни их владельцев?	- повысит гарантии от необоснованного вмешательства государства в частную жизнь граждан - никак не повлияет на гарантии прав граждан	56 % 44%
2. Как Вы считаете, целесообразно ли ограничить возможность проведения негласных «хакерских» оперативно-розыскных мероприятий, предполагающих вторжение в частную жизнь человека (получение дистанционного доступа к содержанию внутренней памяти электронных устройств и сведениям о местонахождении их владельцев при помощи специализированных компьютерных программ), исключительно в отношении лиц, подозреваемых, или обвиняемых в совершении тяжких или особо тяжких преступлений?	- да - нет	42 % 58%
3. Необходимо ли, на Ваш взгляд, установить в качестве критериев допустимости сведений, получаемых в результате «хакерских» оперативно-розыскных мероприятий, для использования в качестве доказательства по уголовному делу: а) принятие при производстве ОРМ исчерпывающих мер по обеспечению	- да, внеся соответствующие изменения в ФЗ «Об ОРД» - да, но данные критерии должны быть сформулированы на уровне правоприменительной практики	62 % 27 %

неизменности электронной информации; б) представление результатов ОРМ следователю на отдельном электронном носителе?	- нет	11 %
4. Должно ли, по Вашему мнению, добровольное предоставление правоохранительным органам пароля от электронного устройства его владельцем подлежать обязательной квалификации как «активное способствование раскрытию и расследованию преступления», в случае обнаружения на нём криминалистически значимой информации?	- да, во всех случаях - да, но при условии, что выдача пароля не была обусловлена осознанием неизбежности самостоятельного получения правоохранителями хранящихся на устройстве данных - нет, признавать или не признавать выдачу пароля «активным способствованием раскрытию и расследованию преступления» - исключительная прерогатива суда	26 % 35 % 39 %
5. Должно ли, по Вашему мнению, добровольное сообщение правоохранительным органам пароля от электронного устройства, содержащего криминалистически значимую информацию, обязательно рассматриваться как непоименованное (ч. 2 ст. 61 УК РФ) смягчающее наказание обстоятельство в случае, когда эта информация уже известна правоохранительным органам из иных источников?	- да, так как положительный эффект от добровольного сотрудничества с правоохранительными органами не должен носить вероятностный характер - нет, так как предоставление доступа к уже известной информации бесполезно с точки зрения расследования преступления - другое: а) по усмотрению суда; б) если когда сообщал не знал, что информация уже есть у правоохранителей; в) имел место быть случай, когда на момент осмотра телефона потерпевшей прошло обновление программного обеспечения и просмотреть,	47 % 46 % 7 %

	что там было невозможно (переписка сексуального характера с несовершеннолетней) поэтому в данном случае доказательственное значение имела переписка с телефона подсудимого)	
6. Допустимо ли, на Ваш взгляд, использовать физическое принуждение для разблокировки электронного устройства с помощью биометрических данных владельца (сканнеры отпечатков, лица и т.д.)?	- да, однако, принуждение должно быть соразмерным и использоваться исключительно для целей пресечения наличествующего преступного посягательства, а не для получения доказательств - да, однако, принуждение должно быть неопасным для жизни и здоровья владельца устройства - нет, недопустимо ни при каких обстоятельствах	21 % 26 % 53 %
7. Какой из приведенных ниже способов мотивации к предоставлению доступа к криптовалютному кошельку для изъятия и ареста содержащихся на нем цифровых активов представляется Вам наиболее предпочтительным?	- криминализация отказа в сообщении пароля от хранилища криптоактивов («криптокошелька») - рассмотрение конвертации криптовалюты в рублёвый эквивалент для последующего ареста, как составной элемент досудебного соглашения о сотрудничестве либо как «активное содействие раскрытию и расследованию преступления» - другое: значительное сокращение максимального размера наказания и гарантия неприменения штрафа в	18 % 81 % 1 %

	качестве доп. наказания	
8. Необходимо ли, по Вашему мнению, предусмотреть механизм конвертации арестованной криптовалюты в рублёвый эквивалент по ходатайству лица, у которого она была изъята?	- да, так как это способствует обеспечению баланса прав потерпевшего и лица, у которого была изъята криптовалюта, в случаях угрозы потери ей стоимости	18 %
	- нет, так как это создаст дополнительные возможности для злоупотребления правами участников уголовного судопроизводства и не будет отвечать цели ареста имущества по уголовному делу	81 %
	- другое: конвертировать после признания лица виновным	1 %
9. Следует ли при наложении ареста на криптовалюту по уголовному делу обязательно определять ее вид, количество и денежный эквивалент?	- да, так как это будет способствовать соразмерности накладываемого по уголовному делу ареста перспективным имущественным взысканиям	95 %
	- нет, необходимость оценки стоимости арестовываемого имущества должна определяться судом индивидуально	5 %
10. При каких условиях, на Ваш взгляд, допустимо использование сторонами компьютерных средств визуализации и моделирования в судебном заседании (например, 3-D моделирование места происшествия, компьютерная реконструкция ДТП и т.д.)?	- только при условии, что визуальные модели являются приложением к заключению эксперта или специалиста	58 %
	- при соответствии визуальной информации исследованным материалам уголовного дела, наличии структурированного отчёта о процессе её создания и обеспечении состязательности сторон в её представлении	18 %

	- допустимо во всех случаях, когда установлено тождество между визуальной информацией и исследованными материалами уголовного дела	22 %
	- недопустимо ни при каких условиях	2 %
11. Для принятия, каких решений, по Вашему мнению, допустимо использование в уголовном судопроизводстве программ с элементами искусственного интеллекта? (один или несколько вариантов)	- для аналитической работы с выработкой следственных версий и направлений расследования, а также определения подозреваемых	48 %
	- для обоснования процессуально – значимых промежуточных решений (например, задержания подозреваемого)	8 %
	- для обоснования процессуально – значимых промежуточных решений (например, задержания подозреваемого) но исключительно при наличии иных обоснований решения, сертифицированности программы и предоставлении стороне защиты возможности оспорить результаты её работы	9 %
	- для определения вида и размера назначаемого наказания при признании подсудимого виновным в совершении преступления	5 %
	- для определения вида и размера назначаемого наказания при признании подсудимого виновным в	20 %

	совершении преступления, но исключительно в качестве рекомендации для судьи, при условии доступности для стороны защиты исходных данных, подвергавшихся программной обработке, и предоставлении возможности оспорить результаты работы программы	
	- ни одного из указанных	38 %
	- свой вариант: а) выявление недостатков в проверяемых обвинительных заключениях и постановлениях; б) для любых решений, если последнее слово за человеком; в) создание шаблонных проектов документов без оценок выводов и окончательных решений (для экономии времени).	4 %